

ВЕСТНИК

АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№1 2026

ВЕСТНИК

АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 1

2026

ISSN 2618-8775

ВЕСТНИК АГПУ

16+

ISSN 2618-8775

ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1

2026

Журнал включен
Высшей аттестационной комиссией
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук

АРМАВИР

ISSN 2618-8775

BULLETIN
OF ARMAVIR STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY

№ 1

2026

**The magazine is inscribed
by the Higher Certifying Commission
on the index of leading reviewing
scientific periodicals for publications
of main dissertation research results
for competition of academic degree
of Doctor and Candidate of Science**

ARMAVIR

**ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 1

2026

Главный редактор

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Заместитель главного редактора

Бакланов Игорь Спартакович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Редакционная коллегия

Бакланова Ольга Александровна, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и технологий НИУ «Московский государственный строительный университет»

Везиров Тимур Гаджиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»

Галустов Амбарцум Робертович, доктор педагогических наук, профессор, и.о. ректора ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса»

Галустов Роберт Амбарцумович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Говердовская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и биозтики Пятигорского медико-фармацевтического института-филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет Минздрава России»

Дьякова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики и естественно-научных дисциплин ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Елисеев Владимир Константинович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, педагогики и специального образования Института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского»

Зеленко Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии и трудового воспитания ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Изропуло Ирина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Коваленко Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Кокаева Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

«ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА»

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

2026 г.

№ 1

Выходит
4 раза в год
г. Армавир
Краснодарский край

**УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО
«Армави́рский
государственный
педагогический
университет»**

Web site:

<http://vestnik.agpu.net/>

E-mail:

vagpu@mail.ru

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и
массовых
коммуникаций
(регистрационный
номер
ПИ № ФС 77-72831
от 17 мая 2018 года)

УДК 378

ББК 74.58

В 38

ISSN 2618-8775

© Авторы статей

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Лобейко Юрий Александрович, доктор педагогических наук, профессор, академик Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры общей и социальной педагогики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Лукаш Сергей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Матвеев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Мосина Оксана Анатольевна, доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и межкультурных коммуникаций. Негосударственное частное образовательное учреждение высшего профессионального образования, Институт маркетинга и социально-информационных технологий, ИМСИТ.

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пелевин Сергей Игоревич, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры Основ Российской государственности ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пелих Алексей Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Положенкова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Похилько Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры основ российской государственности ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Приймак Юрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пчелина Ольга Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Равочкин Никита Николаевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева»; профессор кафедры педагогических технологий ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого»

Родионова Валентина Ивановна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Спирина Валентина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии и коррекционной педагогики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Тер-Аракелянц Владимир Аракелович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой православной культуры и теологии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Тринитатская Ольга Гавриловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления образованием ГБУ ДПО РО «Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»

Федоровский Александр Петрович, доктор философских наук, профессор, проректор по науке и связям с общественностью АНО «Северо-Кавказский социальный институт»

Шматько Александр Александрович, доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и мировых религий ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Шнайдер Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Армавирского механико-технологического института (филиала) ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»

Международные члены редакционной коллегии

Согоян Спартак Сергеяевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и информационных технологий Ширакского государственного университета имени М. Налбандяна (Армения)

Ответственный редактор

Белоусова Анна Олеговна, начальник редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Технический редактор

Фольк Екатерина Сергеевна, редактор редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абдулаева О.А., Тамашина Я.Н.

Оценивание процесса и результатов проектно-исследовательской деятельности школьников во внутришкольной системе оценки качества образования..... 9

Дагданча И.Г.

Педагогические условия формирования профессиональной иноязычной компетенции будущих медицинских работников в процессе осуществления метода проектов..... 25

Никулин Д.Г., Ветров Ю.П.

Готовность молодых педагогов к дистанционному обучению как показатель эффективности технологической подготовки..... 33

Подлубный Ю.А., Ветров Ю.П.

Основные проблемы ранней профориентации обучающихся на педагогические специальности в психолого-педагогических классах..... 40

Прохина Н.Ю.

Формирование готовности будущего учителя к деятельности классного руководителя в аспекте взаимодействия с родителями обучающихся..... 50

Тупичкина Е.А., Попова Е.В.

Факторы возникновения профессиональных дефицитов у учителей начальных классов и пути их преодоления..... 61

Шишкин Е.М., Бердникова А.А.

Роль наставничества в образовательной практике как механизма формирования познавательной деятельности учащихся в учреждениях дополнительного образования технической направленности..... 73

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алёшин Ю.Д.

К вопросу о факторах, определявших характер ситуативного развития северокавказского порубежья Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX века)..... 80

Камышианов А.А.

Основные направления деятельности сталинградского истпарта в 1928–1934 годах..... 91

Коваленко Н.С.

Влияние экзогенных факторов на демографию предгорной Кубани (на примере холерной эпидемии 1910 г. в Баталпашинском отделе).. 106

Маркарян К.В.	
Особенности экономического сотрудничества России и США в период 1991–1993 годов.....	116
Матвеев В.А.	
Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР: организация и функционирование отдела горцев Кавказа в 1917–1918 гг.....	124
Приймак Ю.В.	
Неизвестные защитники Армавира: 456-й артиллерийский полк РГК в оборонительных боях за город (август 1942 г.).....	139
Хилькевич В.В.	
Переписка местных органов власти Кубани в 1943–1944 гг. о судьбах эвакуированных как исторический источник.....	156
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	
Бакланова О.А., Баграмянц Н.А., Бурлова Ю.А.	
Скрытое нормирование в языке как фактор изменения социальной системы	169
Коноплев В.В.	
Концепция «личностного знания» Майкла Полани как философское основание развития высшей школы эпохи больших языковых моделей.....	178
Похилько А.Д., Сирик С.Н., Ильях М.П., Ивлев В.А.	
Сакральность патриотизма в корпусе военно-исторического знания..	188
Трифонова Т.Л., Бутенко А.К.	
Искусственный интеллект как новый этап отделения человека от природы: социально-философское осмысление постчеловеческих перспектив	196
Юркова Э.В.	
Современное право и традиционные регулятивные практики: философско-методологические основания анализа нормативного плюрализма.....	205
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	222
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО для авторов журнала «Вестник Армавирского государственного педагогического университета»	228

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Abdulayeva O.A., Tamashina Ya.N.</i> Assessment of the process and results of students' design and research activities in the intra-school educational quality assessment system.....	9
<i>Dagdancha I.G.</i> The pedagogical conditions' formation of professional foreign competence of future medical workers by using project method.....	25
<i>Nikulin D.G., Vetrov Yu.P.</i> Readiness of young teachers for distance learning as an indicator of the effectiveness of technological training.....	33
<i>Podlubny Yu.A., Vetrov Yu.P.</i> The main problems of early career guidance for students entering teaching specialties in psychological and pedagogical classes.....	40
<i>Prokhina N.Yu.</i> The formation of the future teacher's readiness for the activities of the classroom teacher in the aspect of interaction with the students' parents	50
<i>Tupichkina E.A., Popova E.V.</i> Factors of the emergence of professional deficiencies in primary school teachers and ways to overcome them.....	61
<i>Shishkin E.M., Berdninova A.A.</i> The role of mentoring in educational practice as a mechanism for the formation of cognitive activities of students in institutions of additional education of technical focus.....	73

HISTORICAL SCIENCES

<i>Aleshin Yu.D.</i> On the factors that determined the situational development of the north caucasus bordership of the Russian Empire (late 18th – first half of the 19th century).....	80
<i>Kamyshanov A.A.</i> The main activities of the stalingrad historical paty comission in 1928–1934...	91
<i>Kovalenko N.S.</i> The influence of exogenous factors on the demography of the Kuban Foothill region (using the example of the 1910 cholera epidemic in the Batalpashinsky department).....	106
<i>Markaryan K.V.</i> Features of economic cooperation between Russia and the USA in the period 1991–1993.....	116

Matveev V.A. The people's commissariat for nationalities of the RSFSR: organization and functioning of the department of the mountaineers of the Caucasus in 1917–1918.....	124
Priymak Yu.V. Unknown defenders of Armavir: the 456th artillery regiment of the RGK in the defensive battles for the city (august 1942).....	139
Khilkevich V.V. Correspondence between local authorities in Kuban in 1943–1944 on the fates of evacuees as a historical source.....	156

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Baklanova O.A., Bagramyants N.L., Burlova Yu.A. Hidden standardization in language as a factor of change in the social system.....	169
Konoplev V.V. Michael Polany's concept of "personal knowledge" as a philosophical basis for the development of higher education in the era of large language models.....	178
Pokhilko A.D., Sirik S.N., Ilyukh M.P., Ivlev V.A. The sacredness of patriotism in the corps of military-historical knowledge	188
Trifonova T.L., Butenko A.K. Artificial Intelligence as a new stage of human separation from nature: a socio-philosophical understanding of posthuman prospects.....	196
Yurkova E.V. Modern Law and Traditional Regulatory Practices: Philosophical and Methodological Foundations for the Analysis of Normative Pluralism.....	205
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	222
NEWSLETTER to the authors of "THE BULLETIN OF ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"	228

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 37.01

ОЦЕНИВАНИЕ ПРОЦЕССА И РЕЗУЛЬТАТОВ ПРОЕКТНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ ВО ВНУТРИШКОЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

О. А. Абдулаева, Я. Н. Тамашина

ASSESSMENT OF THE PROCESS AND RESULTS OF STUDENTS' DESIGN AND RESEARCH ACTIVITIES IN THE INTRA-SCHOOL EDUCATIONAL QUALITY ASSESSMENT SYSTEM

O. A. Abdulayeva, Ya. N. Tamashina

Аннотация. В статье представлен критериально-уровневый подход к системе оценки процесса и результатов выполнения учебных проектов и исследований во внутришкольной системе оценки качества образования на уровне основного общего и среднего общего образования в контексте диагностики сформированности универсальных учебных действий. Авторы статьи делают акцент на значимости преемственности критериальной базы комплексного оценивания учебных исследований и проектов на разных уровнях школьного образования, а также целесообразности включения в нее критерия сформированности креативного мышления как составляющей метапредметных результатов.

Abstract. The article presents a criterion-based approach to the system of evaluating the process and results of educational projects and research in the intra-school system for assessing the quality of education at the level of basic general and secondary general education in the context of diagnosing the formation of universal educational actions. The authors of the article emphasize the importance of continuity of the criterion base for the comprehensive assessment of educational research and projects at different levels of school education, as well as the expediency of including in it the criterion of the formation of creative thinking as a component of meta-subject results.

Ключевые слова: учебное исследование, учебный проект, проектно-исследовательская деятельность, критерии оценки метапредметных результатов, универсальные учебные действия, креативное мышление.

Keywords: educational research, educational project, design and research activities, criteria for evaluating meta-subject results, universal learning activities, creative thinking.

Организация внутришкольной системы оценки качества образования в соответствии с новой редакцией федеральных государственных образовательных стандартов и федеральных образовательных программ основного

и среднего общего образования (далее – ФГОС ООО; ФГОС СОО; ФОП ООО; ФОП СОО) актуализировало необходимость применения критериально-уровневого подхода к оцениванию метапредметных результатов обучающихся.

Критериальная система оценки призвана способствовать поддержанию единства требований к образовательному пространству и обеспечению эффективной обратной связи, позволяющей осуществлять управление образовательным процессом, своевременно внося в него необходимые коррективы.

Комплексный подход к оценке образовательных достижений реализуется через оценку предметных и метапредметных результатов с использованием разнообразных взаимно дополняющих методов и форм, позволяющих выявлять динамику индивидуальных достижений обучающихся, в том числе при выполнении проектов, практических, исследовательских, творческих работ.

При этом важно понимать и разделять:

– оценку сформированности отдельных метапредметных результатов *в ходе изучения конкретных предметов*, которая осуществляется учителем в рамках формирующего оценивания;

– оценку сформированности отдельных метапредметных результатов *в ходе итоговой оценки* достижения метапредметных результатов (защиты итогового индивидуального проекта по отдельным предметам или на межпредметной основе);

– оценку сформированности, собственно, метапредметных результатов, построенную *на содержании нескольких учебных предметов и внеучебных ситуаций*.

В качестве основного механизма формирования метапредметных результатов в обновленных ФГОС ООО и ФГОС СОО рассматриваются универсальные учебные действия, которые уже не являются самостоятельной группой требований, а интегрированы в содержание метапредметных результатов.

Ориентиром при отборе и конструировании критериев для проверки сформированности универсальных учебных действий служат сформулированные во ФГОС требования к составу метапредметных и предметных результатов освоения образовательной программы соответствующего уровня образования и необходимость использования каждой группы универсальных учебных действий.

В отдельных пунктах ФГОС (ФГОС ООО – п. 43, ФГОС СОО – п. 8), которые раскрывают требования к метапредметным результатам освоения образовательных программ основного и среднего общего образования, конкретизированы базовые исследовательские действия, относящиеся к *познавательным* универсальным учебным действиям (далее – УУД) и развиваемые, главным образом, в ходе реализации проектно-исследовательской деятельности. К ним относятся умения формулировать гипотезу, самостоятельно составлять план исследования, оценивать информацию на достоверность и применимость

в рамках исследования, выдвигать предположения о возможном развитии событий и многие другие. Умение публично представлять результаты проекта и исследования помимо прочих свидетельствуют об овладении учащимся коммуникативными УУД [1; 2].

Проектно-исследовательская деятельность во ФГОС ООО и ФГОС СОО встречается и в связи с *требованиями к предметным результатам* освоения образовательных программ. Формулировки данных требований, как правило, предусматривают, что школьники должны овладеть умением участвовать в проектной и исследовательской деятельности по конкретному предмету, включая необходимость публичной защиты проделанной работы [1; 2].

Таким образом, если в предыдущих поколениях образовательных стандартов проектная деятельность носила рекомендательный характер, то в обновленных стандартах учебный проект становится обязательным элементом системы оценки качества образования на уровне общеобразовательного учреждения. Так, ФГОС ООО и СОО указывает на обязательность учета результатов проектно-исследовательской деятельности обучающихся при *оценке* достижения ими планируемых результатов освоения образовательных программ и обеспечения школой условий для реализации обучающимися данных видов деятельности. Как следствие, формой оценки сформированности регулятивных, коммуникативных и познавательных универсальных учебных действий является экспертная оценка процесса и результатов выполнения проектов.

Информация о том, как и кем, организуется проектно-исследовательская деятельность, и какова ее роль в оценке метапредметных достижений обучающихся уточнены в ФОП ООО и ФОП СОО [3; 4].

Среди перечисленных в пункте 16.3 ФОП ООО задач делается акцент на необходимости организации не только проектно-исследовательской деятельности, но и, в частности, социального и учебно-исследовательского проектирования [3]. Это одно из немногих косвенных указаний в ФОП ООО на возможные типы проектов в отсутствие их прямой классификации. Пункты 18.20 и 16.3 ФОП ООО позволяют нам выделить как минимум четыре разновидности учебных проектов: исследование, социальный, творческий и конструкторский проекты. Кроме того, учебные проекты, согласно ФОП ООО, могут быть групповыми и индивидуальными, а также предполагают осуществление как в рамках одного предмета, так и на межпредметной основе [3].

В Пункте 165 ФОП ООО указано, что Программа формирования универсальных учебных действий «должна обеспечить повышение эффективности формирования компетенций исследовательской и проектной деятельности» и формирование навыка участия в различных формах ее организации [3]. Ни во ФГОС, ни в ФОП основного и среднего уровней общего образования нет прямого перечисления компетенций исследовательской и проектной деятельности. Между тем, пункт 18.19 ФОП ООО предусматривает экспертную

оценку процесса и результата реализации групповых и / или индивидуальных проектов и исследований обучающихся в качестве основной процедуры итоговой оценки достижения метапредметных результатов. Основания для критериев оценивания предлагаются Программой в пункте 18.20.4 и закономерно содержат требования к познавательным, коммуникативным, регулятивным УУД, а также к предметным знаниям и способам действий. Сравнительный анализ требований, предъявляемых к проектно-исследовательской деятельности при оценивании сформированности у учащихся универсальных учебных действий на уровнях основного и среднего общего образования, выявил их тождественность, что, однако, не указывает на отсутствие различий в организации и оценивании проектно-исследовательской деятельности обучающихся на разных уровнях общего образования.

Таким образом, на сегодняшний день ФГОС и ФОП основного и среднего уровней общего образования зафиксировали следующие критерии оценивания проектных и исследовательских работ при проведении процедуры итоговой оценки достижения обучающимся метапредметных результатов (Рисунок 1):

ФОП ООО (п. 18.20.4) и ФОП СОО (п. 18.20.4)	
Проект оценивается по критериям сформированности:	
познавательных универсальных учебных действий, включающих	
1)	способность к самостоятельному приобретению знаний и решению проблем,
2)	умение поставить проблему и выбрать способы её решения,
3)	в том числе и обработку информации,
4)	формулировку выводов и (или) обоснование и реализацию принятого решения,
5)	обоснование и создание модели, прогноза, макета, объекта, творческого решения и других;
предметных знаний и способов действий:	
1)	умение раскрыть содержание работы,
2)	грамотно и обоснованно в соответствии с рассматриваемой проблемой или темой использовать имеющиеся знания и способы действий;
регулятивных универсальных учебных действий:	
1)	умение самостоятельно планировать и управлять своей познавательной деятельностью во времени,
2)	использовать ресурсные возможности для достижения целей,
3)	осуществлять выбор конструктивных стратегий в трудных ситуациях;
коммуникативных универсальных учебных действий:	
1)	умение ясно изложить и оформить выполненную работу,
2)	представить её результаты,
3)	аргументированно ответить на вопросы.

Рис. 1. – Оценка проекта по критериям достижения метапредметных результатов согласно ФОП ООО и ФОП СОО

Основной целью экспертной оценки процесса и результатов учебных проектов является получение объективной информации о качестве сформированности универсальных учебных действий, а также предметных знаний и способов действий обучающихся. В ФОП ООО и ФОП СОО

зафиксировано предоставление права образовательным учреждениям на определение *содержания и направленности* учебных исследований и проектов, *самостоятельную разработку* требований к процессу и результатам проектно-исследовательской деятельности обучающихся.

В этой связи, при разработке критериальной базы оценивания учебных исследований и проектов школе важно не только учитывать специфику образовательного учреждения, но также уровень освоения знаний, который демонстрируют обучающиеся при выполнении работы (*понимание, применение, функциональность, метапредметность*).

Значимость разработки *системы критериев и показателей*, позволяющих определить уровень сформированности универсальных учебных действий, трудно переоценить. Чтобы повысить объективность оценивания процесса и результата выполнения учебного проекта, критерии могут быть переработаны в экспертные листы и бланки оценивания, а для повышения эффективности процесса можно использовать различные инструменты ИКТ.

Как отмечает И.Ю. Алексашина, критерий отражает сущностное свойство явления, на основе которого осуществляется его оценка [6, с. 52]. В свою очередь, критерий может конкретизироваться достаточно широким спектром показателей, отражающих ключевые стороны критерия.

При выборе показателей каждого критерия автор обращает внимание на соблюдение следующих положений [6]:

- соответствие показателей конкретному критерию, их способности оптимально отражать его специфические характеристики;
- достаточная полнота показателей каждого критерия, их рядоположенность, пропорциональность удельного веса, исключающий перекося в сторону того или иного критерия;
- способность показателей к всестороннему охвату оцениваемого явления и обеспечение его целостности;
- обеспечение при минимуме показателей максимума информации;
- смысловая ясность формулировок, не допускающая многозначности толкования их содержания.

Критериальное оценивание сформированности универсальных учебных действий с помощью диагностических карт помогает эксперту проанализировать процесс и результат выполнения учебных проектов и сделать заключение в полном или частичном соответствии заявленным в ФООП ООО и ФООП СОО требованиям (п. 18.20.4.).

Каждому виду универсальных учебных действий соответствуют свои критерии сформированности, которые представлены в таблице 1. Каждый критерий отражает специфику конкретного вида УУД и различные аспекты деятельности учащихся в *процессе* работы над проектом, а также при публичном представлении *результатов* этой работы.

Таблица 1

Оценка проекта по критериям сформированности УУД

УУД	Критерий сформированности
Оценка <i>процесса</i> выполнения проекта	
Познавательные универсальные учебные действия	1. Постановка проблемы
	2. Выбор способов решения проблемы
	3. Поиск информации
	4. Проверка и обработка информации
	5. Формулирование выводов
Регулятивные универсальные учебные действия	6. Планирование и управление своей познавательной деятельностью во времени
	7. Использование ресурсных возможности для достижения целей
	8. Выбор конструктивных стратегий в трудных ситуациях
Коммуникативные универсальные учебные действия	9. Ясное изложение идеи и этапов работы
	10. Оформление выполненной работы
	11. Представление промежуточных результатов работы
	12. Аргументированные ответы на вопросы
Предметные знания и способы действий	13. Раскрытие содержания работы в соответствии с предметной областью
	14. Использование предметных знаний и способов действий
	* <i>Дополнительный критерий</i> , отражающий специфику метапредметных результатов в предметной области
Оценка <i>результата</i> выполнения проекта	
Познавательные универсальные учебные действия	1. Демонстрация приобретенных знаний / способов действий
	2. Решение проблемы
	3. Работа с информацией
	4. Обоснование полученных результатов исследования / проектного продукта / творческого решения и др.
	5. Формулирование выводов

УУД	Критерий сформированности
Регулятивные универсальные учебные действия	6. Планирование и управление своей познавательной деятельностью при представлении результатов
	7. Оценка реализации проекта
	8. Выбор конструктивных стратегий в трудных ситуациях
Коммуникативные универсальные учебные действия	9. Оформление выполненной работы
	10. Выражение себя (своей точки зрения) при представлении результатов работы
	11. Структурированность представления результатов работы
	12. Наглядность представления результатов работы
	13. Выбор формата представления результатов
Предметные знания и способы действий	14. Аргументированность ответов на вопросы
	15. Раскрытие содержания работы в соответствии с предметной областью
	16. Использование предметных знаний и способов действий
	<i>*Дополнительный критерий, отражающий специфику метапредметных результатов в предметной области</i>

Необходимо отметить, что при оценке проекта конкретные свойства и качества личности учащегося не подвергаются непосредственному оцениванию, а оцениваются метапредметные образовательные результаты, которых он достиг на данном этапе обучения, с возможностью отслеживания динамики их развития.

Для объективности экспертизы учебных проектов целесообразно использовать суммативное оценивание. В зависимости от проявленности в проекте, каждый критерий таблицы 1 оценивается экспертом от 0 до 2 баллов. Показатели, конкретизирующие каждый критерий оценки проекта по сформированности УУД, разработаны сотрудниками кафедры начального, основного и среднего общего образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования им. К.Д. Ушинского и представлены на сайте организации в разделе «Система оценки» [10].

Для наглядного представления полученных результатов целесообразно вносить их в таблицу 2, которая позволяет эксперту провести комплексную оценку сформированности УУД в процессе и результате реализации проекта.

Таблица 2

**Комплексная оценка результатов сформированности УУД
в процессе и результате реализации проекта**

Виды УУД		Оценка процесса выполнения проекта	Оценка результата выполнения проекта	Общее количество баллов
Познаватель- ные УУД	Балл уч-ся
	Макс. балл	10	10	20
Регулятивные УУД	Балл уч-ся
	Макс. балл	6	6	12
Коммуника- тивные УУД	Балл уч-ся
	Макс. балл	8	12	20
Предметные знания и спо- собы действия	Балл уч-ся
	Макс. балл	4	4	8
ИТОГО		... / 28	... / 32	... / 60

Использование таблицы 2 позволяет анализировать достижения обучающихся по каждой группе метапредметных результатов, предметных знаний и способов действий; выявлять группы дефицитов по каждому виду УУД и получать целостное представление о степени сформированности УУД у коллектива обучающихся.

При оценке проекта в контексте уровня сформированности УУД важно учитывать поступательный характер освоения методологии проектной и исследовательской деятельности в соответствии с возрастными особенностями обучающихся.

В этой связи, целесообразно выделить 5 уровней сформированности УУД: недостаточный, низкий, базовый, повышенный и высокий. Границы каждого уровня будут отличаться в зависимости от возрастной категории учащихся. Интервальные границы каждого уровня на примере обучающихся 6-х и 8-х классов представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Уровень сформированности УУД по результатам оценки процесса
и результата проекта соответствует**

Уровень сформированности УУД	Баллы для 6 класса	Баллы для 8 класса
Недостаточный	Менее 18 баллов (менее 30 %)	Менее 30 (менее 50 %)
Низкий	18–27 баллов (30–45 %)	30–36 баллов (50–60 %)
Базовый	28–36 баллов (46–60 %)	37–45 баллов (61–75 %)
Повышенный	37–45 баллов (61–75 %)	46–51 баллов (76–85 %)
Высокий	45–60 баллов (76–100 %)	51–60 баллов (86–100 %)

Представленная система оценивания соответствует ФОП ООО и ФОП СОО, позволяет выработать единые требования к экспертизе проектной и исследовательской деятельности учащихся, делая процесс ее оценивания объективным, прозрачным и понятным всем субъектам образовательного процесса.

Другой подход для оценки качества учебного проекта представлен в исследовании А.В. Долматова и Л.А. Долматовой [7]. Педагогам предлагается самим подбирать *частные показатели* работы участников в зависимости от конкретных целей и задач обучения. Среди возможных показателей они называют «владение способами познавательной деятельности», «информационную компетентность», «коммуникативные и адаптивные навыки», «эмоционально-волевые навыки самоорганизации» [7, с. 220]. Каждый из названных критериев А.В. Долматов и Л.А. Долматова предлагают конкретизировать, разделяя на менее абстрактные показатели. При этом интересным представляется предложенный ими способ оценки коллективного проекта, когда сначала производится оценка деятельности каждого участника, а затем применяется формула [7]:

$$Y = (Q * 100 / (CX)), \text{ где:}$$

X – максимальное количество баллов;

C – количество детей в группе;

Q – сумма фактически набранных детьми баллов;

Y – процент успеха.

Производимая таким образом оценка позволяет педагогу выявить не только индивидуальные результаты проектной деятельности, но и вычислить продуктивность коллективного проекта с дальнейшей рефлексией полученных данных.

Учитывая, что образовательное учреждение может дополнять и конкретизировать представленные в ФОП критерии оценивания учебных проектов, конкретные критерии могут отражать специфику образовательного учреждения (гимназия, лицей) и зависеть от тех стратегических целей, которое оно перед собой ставит. В этой связи, имея во многом схожие критерии оценивания результатов проектно-исследовательской деятельности, школы даже в пределах Санкт-Петербурга, имеют отличия в требованиях, предъявляемых к учебным исследованиям и проектам.

Анализ локальных нормативных актов, посвященных проектно-исследовательской деятельности учащихся различных образовательных учреждений Санкт-Петербурга, выявил следующие существенные схожие черты:

- зачастую критерии оценивания учебных исследований и проектов содержат требования, как к письменной части работы, так и к публичной защите;
- в качестве самостоятельных инструментов некоторые школы используют экспертные листы оценки продукта проекта или результатов исследования, самооценки (рефлексии) обучающихся;
- критерии оценивания, как правило, сгруппированы по образовательным результатам (предметные, метапредметные, личностные) или по УУД (познавательные, регулятивные, коммуникативные, личностные). Обращает на себя внимание, что во вторую классификацию часто не включены предметные результаты, что не позволяет в полной мере оценить предметные знания и способы действий, используемые учащимися в процессе реализации проектно-исследовательской деятельности.

Рассмотрим пример системы оценивания проектно-исследовательской деятельности обучающихся, разработанную авторским коллективом ГБОУ школа № 464 Пушкинского района Санкт-Петербурга под руководством О.А. Абдулаевой [8].

При оценивании процесса и результата проектно-исследовательской деятельности обучающихся в образовательном учреждении пользуются несколькими экспертными листами: для экспертизы содержательной (текстовой) части и для оценки публичного представления результатов работы.

Критерии оценивания содержательной части учебных исследований и проектов сгруппированы по регулятивным, познавательным универсальным учебным действиям и личностным образовательным результатам. По каждому из девяти критериев содержание работы школьников оценивается от 0 до 3 баллов, что в сумме составляет максимум 27 баллов за текстовую часть. Критерии оценивания публичного представления результатов проектно-исследовательской деятельности распределены уже по четырем группам: личностные образовательные результаты, коммуникативные, регулятивные и познавательные универсальные учебные действия. При защите учебных проектов и исследований используется 17 критериев, каждый из которых присваивается от 0 до 2 баллов, что суммарно составляет максимум

34 балла за публичное представление результатов проектно-исследовательской деятельности. Обязательным условием реализации учебных исследований и проектов в 464 школе является заполнение листа самооценки, позволяющего самим школьникам оценить свой уровень сформированности коммуникативных, познавательных и регулятивных универсальных учебных действий, а также личностные образовательные результаты [8].

Важно отметить, что критерии оценивания результатов проектно-исследовательской деятельности обучающихся 10–11 и 5–9 классов имеют отличия. Это связано не только с учетом возрастных особенностей школьников, но и с наличием в учебном плане на среднем уровне общего образования такого предмета, как «Индивидуальный проект», в рамках которого обучающиеся постигают основы проектно-исследовательской деятельности системно и целенаправленно. Таким образом, в качестве *дополнительных критериев* оценки работ старшеклассников встречаются: информационная проработанность проекта / исследования; описание результатов работы в виде количественных и качественных показателей; выбор и обоснование ресурсов для разработки и реализации проекта / исследования; собственный вклад в разработку и реализацию проекта / исследования; рецензирование и др. [9].

Дополнительные критерии и, как следствие, обновленные требования к проекту выпускника средней школы позволяют получить работы, качественно отличающиеся от проектов 5–9-классников по уровню освоения знаний и компетенций и отражающие переход от понимания и применения к функциональности и метапредметности. При реализации исследования или проекта, как правило, в рамках профильного предпрофессионального обучения, обновленная система критериев побуждает старшеклассников выходить за пределы конкретной предметной области не только в аспекте практической применимости результатов деятельности, но и с точки зрения осмысления алгоритма этой деятельности для дальнейшего использования в решении широкого спектра реальных жизненных задач. Так, выполнение учебных проектов и исследований на уровне функциональности, характеризуется следующими признаками: практическая направленность; контекст (социальный, научный, профессиональный и т. д.); междисциплинарность; ориентация на реальный (социально или лично значимый) результат; опора на универсальные учебные действия и др. Совокупность этих признаков позволяет говорить о формировании у старшеклассников профильных классов надпрофессиональных компетенций личности. К ним, в частности, относится и креативность [11].

В этой связи, в качестве важного дополнительного компонента оценки уровня сформированности метапредметных результатов старшеклассников мы предлагаем ввести критерии оценивания креативной составляющей учебных исследовательских и проектных работ. В рамках исследования, проводимого авторами статьи в 2022–2025 годах с целью разработки и обоснования системы педагогического сопровождения проектно-исследовательской деятельности, направленного на формирование креативного мышления

учащихся основной и средней школы, предлагаются следующие критерии оценивания креативного компонента текстовой части проектной работы:

✓ «Визуализация данных»: наличие схем, моделей, интеллект-карт, авторских рисунков, фото и т. п., отражающих идею / замысел проекта или исследования);

✓ «Образность»: наличие примеров, иллюстраций, цитат, которые раскрывают какой-либо аспект работы не буквально, а через метафоры, аллегории, ассоциации;

✓ «Адаптивность»: адаптация / модификация / замещение / комбинирование / упрощение и т. д. исследовательского инструментария под задачи и ресурсы проекта / исследования;

✓ «Новизна»: проблема и / или способы ее решения отличаются новизной;

✓ «Выразительность названия (для проекта)»: название проекта является оригинальным, запоминающимся; не повторяет тему проекта, но ассоциируется с ней;

✓ «Оригинальность продукта (для проекта)»: созданный продукт проекта не является шаблонным.

При экспертизе публичного представления результатов проектно-исследовательской деятельности мы предлагаем включить в качестве критериев оценку выразительности образа выступающего (для проектов); формы выступления; средств визуализации; речевых форм воздействия; интерактивных элементов; воздействия на различные органы чувств.

Апробация критериев оценивания креативного компонента результатов проектно-исследовательской деятельности проведена на выборке из 40 проектов обучающихся 9–10 классов 464 школы и 410 лицея Пушкинского района Санкт-Петербурга. Анализ экспертных оценок текстовой части проектов показал, что наиболее высокие баллы учащиеся экспериментальной группы (100 %) получили по критерию «новизна», предполагающему уникальность, как самой проблемы, так и способов ее решения, а представители контрольной группы (70 %) – за «оригинальность продукта». В то же время наименьшие результаты (60 %) у участников экспериментальной группы были зафиксированы по критерию «адаптивность», который отражает способность автора модифицировать исследовательский инструментарий с учетом задач и ресурсных возможностей проекта, а у учеников контрольной группы (20 %) – по критерию «образность», предполагающему наличие примеров, иллюстраций, цитат, которые раскрывают какой-либо аспект работы не буквально, а через метафоры, аллегории, ассоциативный ряд.

Оценка креативной составляющей публичного представления проектов выявила наиболее высокие результаты по критериям «компьютерная презентация» (100 % в экспериментальной группе и 85 % в контрольной группе), «визуальный ряд» (95 % в экспериментальной группе и 90 % в контрольной группе). Остальные показатели креативности проявились в значительно

меньшей степени (от 5 % до 45 % – в экспериментальной группе, от 0 % до 40 % – контрольной группе), что может свидетельствовать о стандартном, порой шаблонном, подходе к реализации и представлению результатов проектно-исследовательской деятельности.

В то же время развитие креативности обучающихся является одним из ключевых вызовов, стоящих перед современной школой [5]. В этой связи возникает необходимость не только в поиске эффективных педагогических средств формирования креативного мышления, но и во введении систематической оценки креативной составляющей учебных исследований и проектов как одного из значимых *индикаторов* метапредметных результатов освоения образовательной программы.

Проектно-исследовательская деятельность в обновленных ФГОС и ФООП основного и среднего общего образования приобрела статус необходимого элемента образовательного процесса и обязательного компонента оценки метапредметных результатов.

Оценка проектно-исследовательской деятельности должна быть комплексной, критериальной, дифференцированной и учитывать как процесс, так и результат выполнения учебного проекта или исследования. При этом адаптивность и релевантность оценочных процедур позволяет обеспечить эффективную обратную связь и, как следствие, гибкое управление образовательным процессом при общей унификации инструментов и процедур оценивания.

Гибкость критериев оценки проектно-исследовательской деятельности позволяет использовать дополнительный значимый индикатор метапредметных результатов – креативное мышление. В этой связи критерии оценивания будут отражать такие аспекты креативной составляющей, как новизна, адаптивность, визуализация, образность, оригинальность и др.

Апробация критериев оценивания креативной составляющей учебных проектов выявила риск стандартного подхода и шаблонных способов реализации проектно-исследовательской деятельности, что обуславливает необходимость внедрения системы педагогического сопровождения, ориентированного на развитие креативного мышления школьников.

Таким образом, эффективная оценка проектно-исследовательской деятельности – это не просто фиксация результата, а инструмент управления качеством образования, стимулирующий переход учащихся от воспроизведения знаний к их творческому осмыслению и применению в современных условиях быстро меняющегося мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования : Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 [ред. от 18.01.2026 г.]. – URL: <https://base.garant.ru/401433920/> (дата обращения : 05.08.2025). – Текст : электронный.

2. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования : Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17.05.2012 № 413 [ред. от 12.02.2025 г.]. – URL: <https://base.garant.ru/70188902/> (дата обращения: 05.01.2026). – Текст : электронный.
3. Об утверждении федеральной образовательной программы основного общего образования : Приказ Минпросвещения России от 18 мая 2023 г. № 370 [ред. от 09.10.2024 г.]. – URL: <https://edsoo.ru/normativnye-dokumenty/> (дата обращения : 08.01.2026). – Текст : электронный.
4. Об утверждении федеральной образовательной программы среднего общего образования : Приказ Минпросвещения России от 18 мая 2023 г. № 371 [ред. от 09.10.2024 г.]. – URL: <https://edsoo.ru/normativnye-dokumenty/> (дата обращения : 09.01.2026). – Текст : электронный.
5. Абдулаева, О. А. Синтез фреймов как метод развития креативного мышления обучающихся / О. А. Абдулаева, Я. Н. Тамашина. – Текст : непосредственный // Человек и образование. – 2025. – № 1 (82). – С. 153–160.
6. Алексашина, И. Ю. О критериальных системах оценивания в исследованиях по направлению «Теория и методика обучения и воспитания (естествознание)» / И. Ю. Алексашина. – Текст: непосредственный // Образовательные вызовы современности: тенденции развития педагогического исследования: сборник статей городской научно-практической конференции 13 июня 2017 года «Образовательные вызовы современности: тенденции развития педагогического исследования». – СПб. : СПб АППО – 2018. – С. 52–55.
7. Долматов, А. В. Креативные методы и проектные технологии в развивающем образовании / А. В. Долматов, Л. А. Долматова ; под редакцией А. В. Долматова. – СПб. : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2023. – 328 с. – Текст : непосредственный.
8. Оценивание учебных проектов и исследований обучающихся : методическое пособие / О. А. Абдулаева, Л. А. Киселева, Д. Ю. Кукушкин [и др.]; Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 464 Пушкинского района Санкт-Петербурга. – СПб. : СПб АППО, 2019. – 135 с. – Текст : непосредственный.
9. Положение об индивидуальных проектах в 10–11 классах // ГБОУ школа № 464 Пушкинского района Санкт-Петербурга : [сайт]. – URL: http://school464.spb.ru/?page_id=1896 (дата обращения : 17.01.2026). – Текст : электронный.
10. Система оценки в ОО – материалы СПб АППО // Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования имени К.Д. Ушинского: [сайт]. – URL: <https://spbappo.ru/svedeniya-ob-obrazovatelnoy-osnovnyue-svedeniya/metodicheskaya-deyatelnost/fgos/> (дата обращения : 17.01.2026). – Текст : электронный.
11. Тамашина, Я. Н. Проектно-исследовательская деятельность обучающихся как инструмент формирования надпрофессиональных компетенций личности / Я. Н. Тамашина. – Текст : непосредственный // Большой конференц-зал : дополнительное образование – векторы развития. – 2023. – № 10. – С. 77–82.

REFERENCES

1. *Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta osnovnogo obshchego obrazovaniya* : *Prikaz Ministerstva prosveshcheniya Rossijskoj Federacii ot 31.05.2021 № 287 (red. ot 18.01.2026 g.)* [On the approval of the Federal State educational standard of basic general education : Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 05/31/2021 No. 287 (ed. dated 18.01.2026)]. – URL : <https://base.garant.ru/401433920/> . (In Russian).

2. *Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta srednego obshchego obrazovaniya : Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii ot 17.05.2012 № 413 (red. ot 12.02.2025 g.)* [On approval of the Federal State educational standard of secondary general Education : Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 05/17/2012 No. 413 (ed. dated 12.02.2025)]. – URL : <https://base.garant.ru/70188902/>. (In Russian).

3. *Ob utverzhdenii federal'noj obrazovatel'noj programmy osnovnogo obshchego obrazovaniya : Prikaz Minprosveshcheniya Rossii ot 18 maya 2023 g. № 370 (red. ot 09.10.2024 g.)* [On approval of the federal educational program of basic general education : Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated May 18, 2023 No. 370 (ed. dated 9.10.2024)]. – URL : <https://edsoo.ru/normativnye-dokumenty/>. (In Russian).

4. *Ob utverzhdenii federal'noj obrazovatel'noj programmy srednego obshchego obrazovaniya : Prikaz Minprosveshcheniya Rossii ot 18 maya 2023 g. № 371 (red. ot 09.10.2024 g.)* [On approval of the federal educational program of secondary general education : Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated May 18, 2023 No. 371 (ed. dated 9.10.2024)]. – URL: <https://edsoo.ru/normativnye-dokumenty/>. (In Russian).

5. Abdulaeva O. A., Tamashina Ya. N. Synthesis of frames as a method of developing students' creative thinking. *Chelovek i obrazovanie = Man and education*, 2025, no. 1 (82), pp. 153–160. (In Russian).

6. Aleksashina I. YU. On criterion assessment systems in research in the field of "Theory and methodology of teaching and upbringing (natural sciences)". *Obrazovatel'nye vyzovy sovremennosti: tendencii razvitiya pedagogicheskogo issledovaniya: sbornik statej gorodskoj nauchno-prakticheskoy konferencii 13 iyunya 2017 goda «Obrazovatel'nye vyzovy sovremennosti: tendencii razvitiya pedagogicheskogo issledovaniya» = Educational Challenges of the Present: Trends in the Development of Pedagogical Research: Collection of Articles from the City Scientific and Practical Conference on Educational Challenges of the Present: Trends in the Development of Pedagogical Research, held on June 13, 2017*, 2018, pp. 52–54. (In Russian).

7. Dolmatov A. V., Dolmatova L. A. *Kreativnye metody i proektnye tekhnologii v razvivayushchem obrazovanii* [Creative methods and design technologies in developing education]. SPb., Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gercena, 2023. 328 p. (In Russian).

8. *Ocenivanie uchebnyh proektov i issledovaniy obuchayushchihsya : metodicheskoe posobie* [Evaluation of educational projects and studies of students : a methodological guide]. SPb., SPb APPO, 2019. 135 p. (In Russian).

9. *Polozhenie ob individual'nyh proektah v 10–11 klassah* [Regulations on individual projects in grades 10–11]. *GBOU shkola № 464 Pushkinskogo rajona Sankt-Peterburga : [sajt]* – URL: http://school464.spb.ru/?page_id=1896. (In Russian).

10. *Sistema ocenki v OO – materialy SPb APPO* [Evaluation system in NGO – materials of SPb APPO]. *Sankt-Peterburgskaya akademiya postdiplomnogo pedagogicheskogo obrazovaniya imeni K. D. Ushinskogo: [sajt]* – URL: <https://spbappo.ru/svedeniya-ob-obrazovatel'noy-osnovnyye-svedeniya/metodicheskaya-deyatelnost/fgos/>. (In Russian).

11. Tamashina Ya. N. Design and research activities of students as a tool for the formation of supra-professional personal competencies. *Bol'shoj konferenc-zal: dopolnitel'noe obrazovanie – vektory razvitiya = Large conference hall: additional education – development vectors*. 2023, no. 10, pp. 77–82. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Абдулаева, О. А. Оценка процесса и результатов проектно-исследовательской деятельности школьников во внутришкольной системе оценки качества образования / О. А. Абдулаева, Я. Н. Тамашина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 9–24.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Abdulayeva O. A., Tamashina Ya. N. Assessment of the process and results of students' design and research activities in the intra-school educational quality assessment system / O. A. Abdulayeva, Ya. N. Tamashina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2026, no. 1, pp. 9–24. (In Russian).

УДК 811.111'276.6:61

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
БУДУЩИХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ
В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕТОДА ПРОЕКТОВ**

И. Г. Дагданча

**THE PEDAGOGICAL CONDITIONS' FORMATION
OF PROFESSIONAL FOREIGN COMPETENCE OF FUTURE MEDICAL
WORKERS BY USING PROJECT METHOD**

I.G. Dagdancha

Аннотация. Внедрение современных протоколов медицинского ухода и работа с пациентами, умение читать инструкции к зарубежным препаратам, проведение опроса для заполнения медицинской карты пациента, свободное пользование источниками профессионально-значимой информации в целях самообразования и непрерывного профессионального развития, участие в международном профессиональном общении требует от среднего персонала понимания международной терминологии. Интегрированное обучение клинических дисциплин и иностранного языка является актуальным подходом для успешного формирования профессиональных компетенций студентов медицинского колледжа. В статье уделяется особое внимание педагогическим условиям формирования профессиональной иноязычной компетенции у студентов медицинского колледжа через метод проектов. Данные условия обеспечивают переход от теоретических знаний к практическим навыкам общения на иностранном языке и профессиональной медицинской среде.

Abstract. The implementation of modern nursing care protocols, patient interaction, the ability to read instructions for foreign medications, and conducting patient interviews for medical records require staff of medical workers to have a solid grasp of international terminology. Integrated learning of clinical disciplines and a foreign language is a relevant approach for the successful development of professional competencies in medical college's students. In this article author shares pedagogical conditions of developing professional language competence of medical college's students by using project method. These conditions facilitate the transition from theoretical knowledge to practical skills of communicating not only in English, but to professional medicinal environment.

Ключевые слова: педагогические условия, профессиональная иноязычная компетенция, иностранный язык, метод проектов, среднее профессиональное образование, студент медицинского колледжа.

Key words: pedagogical conditions, professional foreign competence, foreign language, project method, secondary vocational education, student of medical college

Внедрение современных протоколов медицинского ухода и работа с пациентами, умение читать инструкции к зарубежным препаратам, проведение

опроса для заполнения медицинской карты пациента, свободное пользование источниками профессионально-значимой информации в целях самообразования и непрерывного профессионального развития, участие в международном профессиональном общении требует от среднего персонала понимания международной терминологии.

Безусловно, формируемые знания в процессе изучения иностранного языка в среднем профессиональном образовании закладывают лишь необходимый фундамент. Дальнейшая линия преемственности его изучения будет определяться индивидуальными вызовами, с которыми столкнется будущий специалист.

В настоящее время в основе подготовки современного специалиста среднего профессионального образования лежит компетентностный подход. Компетентность – прежде всего не только квалификация, но и развитые «мягкие навыки»: социальное поведение, взаимодействие в коллективе, мобильность, умение пользоваться информационными технологиями и т. д. Именно такой результат обучения определяет качество образования и обеспечивает выпускнику востребованность в условиях жесткой конкуренции.

Под компетенциями понимается целостная система универсальных знаний, умений, навыков, а так же опыт самостоятельной деятельности и личной ответственности обучающихся. Компетенции являются важными составляющими для выполнения профессиональных задач, готовности к саморазвитию, соответствия запросам работодателей [6].

За период обучения по дисциплине «Иностранный язык в профессиональной деятельности» «студент должен уметь строить простые высказывания о себе и о своей профессиональной деятельности; взаимодействовать в коллективе, принимать участие в диалогах на общие и профессиональные темы; применять различные формы и виды устной и письменной коммуникации на иностранном языке при межличностном и межкультурном взаимодействии; понимать общий смысл четко произнесенных высказываний на общие и базовые профессиональные темы; понимать тексты на базовые профессиональные темы; составлять простые связные сообщения на общие или интересующие профессиональные темы; общаться (устно и письменно) на иностранном языке на профессиональные и повседневные темы; читать и переводить профессионально-ориентированную литературу, в том числе профессиональную медицинскую документацию; самостоятельно совершенствовать устную и письменную речь, пополнять словарный запас; заполнение необходимой документации, используя извлеченную и общепринятую профессиональную информацию» [1; 2]. Практика показывает, что базовых знаний и умений в области иностранных языков, полученных за всё время обучения, явно не хватает для того, чтобы молодой специалист соответствовал современным профессиональным стандартам и мог эффективно работать в реальной клинической практике.

Следует отметить, что по новым федеральным государственным образовательным стандартам среднего профессионального образования от 2022 г. (далее ФГОС СПО) были внесены изменения в структуре и в сроках обучения [1; 2]. Если по предыдущим ФГОС от 2014 г. было заложено по специальности «Лечебное дело» более 200 часов, то по новым стандартам часы сокращены до 70 часов, т. е. в связи с сокращением часов и сроков обучения, студенты должны освоить все разделы за кратчайшие сроки. Что и обусловило пересмотр некоторых разделов и тем с целью сохранения качества образования и соответствия новым требованиям.

Недооценка потенциала иностранного языка в среднем профессиональном образовании обостряет необходимость поиска педагогических условий, обеспечивающих эффективное формирование иноязычной коммуникативной компетенции студента медицинского колледжа.

В связи с этим определена научная **проблема исследования** – поиск путей преодоления недостатка времени в формировании иноязычной компетенции по преподаваемой дисциплине в условиях ФГОС СПО от 2022 года. Исходя из вышеизложенного, нами поставлена **цель исследования** – реализация педагогических условий, обеспечивающих формирование иноязычной коммуникативной компетенции будущих медицинских работников посредством использования метода проектов.

Актуальность проблемы, ее недостаточная разработанность, теоретическая и практическая значимость определили выбор **темы нашего исследования: «Формирование профессиональной иноязычной компетенции будущих медицинских работников посредством применения метода проектов».**

Итак, что подразумевается под методом проектов?

Проектный метод можно представить как формулу: **Проблема→ Поиск→Продукт.** Это организованная цепочка действий, в которой учащиеся сами ищут способ решения важного для них вопроса, а итогом становится конкретный результат (макет, исследование, сервис), который можно продемонстрировать другим.

Суть метода проектов заключается в том, что студенты **самостоятельно добывают знания**, решая реальные профессиональные задачи, требующие объединения навыков из разных дисциплин. В основе технологии лежат, прежде всего, проблемные и исследовательские методы. При этом функции педагога меняются: он становится консультантом, координатором, помогая студенту прийти к результату собственными силами.

То есть, в основе метода проектов лежит развитие познавательных навыков обучающихся, умений самостоятельно конструировать свои знания, ориентироваться в информационном пространстве, развитие критического и творческого мышления.

Ключевыми педагогическими условиями реализации метода проектов являются:

1. *междисциплинарная интеграция* – разработка тем проектов, объединяющих преподаваемые дисциплины;
2. *профессионально-ориентированная среда* – создание ситуаций, имитирующих реальную профессиональную деятельность;
3. *исследовательская деятельность* – вовлечение студентов в поиск информации;
4. *мотивационный подход* – формирование понимания значимости владения иностранным языком в будущей профессии;
5. *интерактивные методы* – использование проектных групп для развития навыков работы в команде;
6. *рефлексивная оценка* – самооценка, взаимооценка не только владения иностранным языком, но и профессионально предложенных решений.

Нами был разработан следующий алгоритм действий по проектной деятельности исследовательского и творческого характера на основе активных методов обучения и применения средств цифровых технологий, включающий четыре этапа: организационно-подготовительный, технологический, презентационный, рефлексивный. Давайте разберем эти этапы подробнее.

1. ***Организационно-подготовительный этап*** (Мотивация и планирование)

На начальном этапе определяется тема, формулировка цели, постановка исследовательских задач или творческой идеи. Далее **формируются проектные группы**, где распределяются роли, идет определение критериев оценки. Для работы в группах **разрабатывается** план действий, определение сроков, выбор цифровых инструментов для работы.

2. ***Технологический этап*** (Реализация и исследование)

На данном этапе идет сбор, анализ информации, проведение опросов, экспериментов. Используются разные формы работ, начиная от работы в группах, метода кейсов, мозгового штурма и т. п. Студенты могут использовать любые источники поиска информации. Также на этом этапе определяются с оформлением исследовательской работы (видео, доклад, сообщение, инструкция, санбюллетень, мультимедийная презентация и т. д.) с использованием цифровых технологий.

3. ***Презентационный этап*** (Защита проекта)

Обучающиеся представляют свои проекты перед однокурсниками, демонстрируют и защищают свои конечные продукты, отвечают на вопросы, обсуждают, дискутируют.

4. ***Рефлексивный этап*** (Анализ и самооценка)

На данном этапе обучающиеся обсуждают то, что удалось, а что нет, делают выводы по своим работам, выявляют трудные моменты и пути их решения, осознают свой полученный опыт.

Содержание этапов составляет алгоритм разных видов деятельности будущих медиков по освоению профессиональной иноязычной компетенции на основе их различных форм взаимодействия. Разработанный алгоритм предполагает реализацию нескольких шагов, при этом используемые в этом процессе методы, технологии, средства могут варьироваться в зависимости от контекста проектной работы.

Целью экспериментальной работы являются педагогические условия формирования профессиональной иноязычной компетенции путем применения метода проектов на базе ГАПОУ РС (Я) «Якутский медицинский колледж им. В.А. Вонгородского». В эксперименте принимают участие студенты по специальностям 34.02.01 «Сестринское дело», 31.02.01 «Лечебное дело» с 2024 по 2026 учебные годы. Включение будущих медицинских работников в проектную деятельность проводилось на лекционно-практических занятиях и в процессе самостоятельной работы с использованием тем, посвященных закреплению материала.

Приведем в качестве примера алгоритм действий в ходе работы над разработанным нами проектом «Diseases» («Болезни») для специальности 31.02.01 «Лечебное дело». При *подготовительном этапе* при помощи метода «Мозговой штурм» («Brainstorming») определили следующую схему заполнения любого заболевания: 1). этиология (aetiology); 2). симптомы (symptoms); 3). методы диагностики заболевания (methods of diagnostics); 4). профилактика (prevention); 5). лечение (treatment); 6). осложнения (complications). **Благодаря этому удалось актуализировать знания, полученные в ходе изучения различных клинических дисциплин на протяжении всего периода обучения.** На *технологическом этапе* пришли к выводу, что нужно оформить свою работу в качестве доклада при помощи «Интеллектуальной карты» («Mind map») в виде инфографики, применяя цифровые технологии. На *презентационном этапе* студенты приняли решение защитить проекты в виде круглого стола. И, наконец, на заключительном этапе – *рефлексивном* – провели анализ работ, оценили самих себя, учли положительные и отрицательные моменты, появились новые идеи по проектным работам.

Конечным продуктом становится инфографика, своего рода опорный конспект, на основе которого обучающиеся будут в последующем совершенствовать монологическую и диалогическую речь, в т. ч. устную и письменную речь, пополнять словарный запас, заполнить документацию, используя необходимую информацию.

Для специальности 34.02.01 «Сестринское дело» рассмотрим раздел «Оказание первой доврачебной помощи». На *подготовительном этапе* студенты ознакомились с целью, были поставлены задачи как можно легче, доступнее рассказать об оказании первой медицинской помощи. На *технологическом этапе* студенты пришли к выводу сделать буклеты об алгоритмах действий при тех или иных ситуациях, состояниях. На *презентационном этапе* группа студентов в составе 2-3 человек защищали свои работы, отвечая

на вопросы после выступления. *На рефлексивном этапе* студенты поделились тем, что было затруднительным и легким в процессе работы над своим конечным продуктом.

На примере данного продукта (буклета по оказанию первой помощи), студенты осваивают новый материал, сочетая знания из других дисциплин и иностранного языка, преобразовывая в практический навык, что требуется работодателю, а также формирует мотивацию к профессиональному росту и развитию.

Эффективность метода проектов в образовании обусловлена его способностью решать сразу несколько задач: он не только помогает освоить и укрепить теоретические знания, но и дает возможность моделировать реальные ситуации, стимулируя самостоятельную деятельность студентов. Все это совместно с ориентацией на практику позволяет целенаправленно формировать и развивать **профессиональную иноязычную компетенцию** будущего медицинского работника.

Стоит отметить, что все вышеперечисленные педагогические условия формирования профессиональной иноязычной компетенции обеспечивают нужный переход от теоретических знаний к практическим навыкам общения на иностранном языке и в профессиональной медицинской среде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Приказ Министерства просвещения РФ от 4 июля 2022 г. № 526 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 31.02.01 Лечебное дело» – URL: <https://base.garant.ru/405123297/> (дата обращения : 21.03.2026) – Текст : электронный.
2. Приказ Министерства просвещения РФ от 4 июля 2022 г. № 527 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 34.02.01 Сестринское дело» – URL : <https://base.garant.ru/405077155/> (дата обращения : 21.03.2026) – Текст : электронный.
3. Борискова, И. В. Метод проектов как средство разработки и внедрения педагогических инноваций / И. В. Борискова. – Текст : электронный // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 4–2. С. 51–53. – URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=3958> (дата обращения : 21.03.2026).
4. Вербицкий, А. А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения / А. А. Вербицкий. – М. : ИЦ ПКПС, 2004. – 84 с. – Текст : непосредственный.
5. Дагданча, И. Г. Формирование профессиональной компетенции будущего фармацевта / И. Г. Дагданча. – Текст : электронный // Педагогика и психология в непрерывной системе образования: от теории к практике : сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (14 ноября 2025 г., г. Якутск). – 2025. – Выпуск 2. – С.140–142. – URL: https://kazangmu.ru/images/wge/docs/Naucnye%20publikacii/Pedagogika%20i%20psihologia%20v%20nepreryvnoj%20sisteme%20obrazovania_ot%20teorii%20k%20praktike%201%201.pdf

6. Зимняя, И. А. Компетентностный подход. Каково его место в системе подходов к проблемам образования / И. А. Зимняя. – Текст : непосредственный // Высшее образование сегодня. – 2006. – № 8. – С. 21–26.

7. Копылова, В. В. Методика проектной работы на уроках английского языка : Методическое пособие / В. В. Копылова. – 2-е изд. – М. : Дрофа, 2004. – 93 с. – Текст : непосредственный.

8. Формирование профессиональных компетенций на лабораторных занятиях по фармацевтической технологии и фармацевтической химии / Л. А. Мичник, Т. А. Шаталова, А. Ю. Айрапетова [и др.] – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 3. – С. 256–264. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20272>

9. Полат, Е. С. Метод проектов на уроках иностранного языка / Е. С. Полат. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 2. – С. 38–41.

10. Kilpatrick W. H. Project Method. Application of the target setting in the pedagogical process – L. Brockhaus-Epheron, 1925. – 43 p.

REFERENCES

1. *Prikaz Ministerstva prosveshcheniya RF ot 4. 07. 2022 g. № 526 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta srednego professional'nogo obrazovaniya po special'nosti 31.02.01 Lechebnoe delo»* [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 526 dated July 4, 2022 "On Approval of the Federal State Educational Standard for Secondary Vocational Education in the Specialty 31.02.01 Medical Care"] – URL : <https://base.garant.ru/405123297/> (In Russian).

2. *Prikaz Ministerstva prosveshcheniya RF ot 4 iyulya 2022 g. №527 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta srednego professional'nogo obrazovaniya po special'nosti 34.02.01 Sestrinskoe delo»* [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 527 dated July 4, 2022 "On Approval of the Federal State Educational Standard for Secondary Vocational Education in the Specialty 34.02.01 Nursing"] – URL : <https://base.garant.ru/405077155/> (In Russian).

3. Boriskova I. V. Project method as a means of developing and implementing pedagogical innovations. *Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya = International Journal of Experimental Education*, 2012, no. 4–2, pp. 51–53. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=3958> (In Russian).

4. Verbickij A. A. *Kompetentnostnyj podhod i teoriya kontekstnogo obucheniya*. [Competency-based approach and the theory of contextual learning] – М., IC PKPS, 2004. 84 p. (In Russian).

5. Dagdancha I. G. Formirovanie professional'noj kompetencii budushchego farmacevta. *Pedagogika i psihologiya v nepreryvnoj sisteme obrazovaniya : ot teorii k praktike : sbornik materialov II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (14 noyabrya 2025 g., g. Yakutsk) = Pedagogy and Psychology in the Continuous Education System: From Theory to Practice : Collection of Materials II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (November 14, 2025, Yakutsk)*, 2025, pp.140–142. (In Russian).

6. Zimnyaya I. A. The competence-based approach. What is its place in the system of approaches to educational problems. *Vysshee obrazovanie segodnya = Higher education today*, 2006, no. 8, pp. 21–26. (In Russian).

7. Копылова В. В. *Metodika proektnoj raboty na uroках anglijskogo yazyka: Metodicheskoe posobie* [Methods of Project Work in English Lessons: A Methodological Guide]. – 2-е издание. М., Drofa, 2004. 93 p. (In Russian).

8. Michnik L. A., Shatalova T. A., Ajrapetova A. Yu. Formation of professional competencies in laboratory classes on pharmaceutical technology and pharmaceutical chemistry. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*, 2015, no. 3. Pp. 256–264. URL : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20272> (In Russian).

9. Polat E. S. The project method in foreign language lessons. *Inostrannye yazyki v shkole = Foreign languages at school*, no. 2, 2000, pp. 38–41. (In Russian).

10. Kilpatrick W. H. *Project Method. Application of the target setting in the pedagogical process*. L. Brockhaus-Epheron, 1925. 43 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дагданча, И. Г. Педагогические условия формирования профессиональной иноязычной компетенции будущих медицинских работников в процессе осуществления метода проектов / И. Г. Дагданча. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 25–32.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dagdancha I. G. The pedagogical conditions' formation of professional foreign competence of future medical workers by using project method / I. G. Dagdancha // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2026, no. 1, pp. 25–32. (In Russian).

УДК 378

**ГОТОВНОСТЬ МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ К ДИСТАНЦИОННОМУ
ОБУЧЕНИЮ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ**

Д. Г. Никулин, Ю. П. Ветров

**READINESS OF YOUNG TEACHERS FOR DISTANCE
LEARNING AS AN INDICATOR OF THE EFFECTIVENESS
OF TECHNOLOGICAL TRAINING**

D. G. Nikulin, Yu. P. Vetrov

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования готовности молодых педагогов к использованию дистанционных образовательных технологий (ДОТ). Актуальность темы обусловлена ускоренной цифровизацией образования и сохраняющейся потребностью в применении ДОТ в постпандемийный период. Цель работы – диагностика уровня готовности выпускников педагогических вузов к работе в онлайн-среде по четырем компонентам: техническому, методическому, психологическому и в аспекте оценки вузовской подготовки. Метод исследования – анкетирование (N = 60). Выявлен разрыв между высоким уровнем бытовой цифровой грамотности респондентов и недостаточной методической подготовленностью к организации образовательного процесса в дистанционном формате. Установлено наличие психологического барьера у трети опрошенных, а также несоответствие содержания вузовской подготовки реальным запросам практики. Отдельно проанализирована роль репетиторской деятельности как фактора, стимулирующего развитие компетенций в области ДОТ. Результаты могут быть использованы при проектировании программ педагогического образования и повышения квалификации.

Abstract. The article presents the results of an empirical study on the readiness of young teachers to use distance learning technologies (DLT). The relevance of the topic is determined by the accelerated digitalization of education and the ongoing need to apply DLT in the post-pandemic period. The aim of the work is to diagnose the level of readiness of graduates from pedagogical universities to work in an online environment based on four components: technical, methodological, psychological, and the assessment of university training. The research method was a questionnaire survey. A gap was identified between the high level of everyday digital literacy among respondents and their insufficient methodological preparedness for organizing the educational process in a distance format. The presence of a psychological barrier in one-third of the respondents was established, as well as a discrepancy between the content of university training and the real demands of practice. The role of tutoring as a factor stimulating the development of competencies in the field of DLT was analyzed separately. The results can be used in the design of teacher education programs and professional development courses.

Ключевые слова: готовность педагогов, дистанционное обучение, цифровая трансформация, технологическая подготовка, высшее образование, молодые специалисты.

Keywords: teacher readiness, distance learning, digital transformation, technological training, higher education, early-career specialists.

Современное общество характеризуется интенсивными процессами цифровизации, которые охватывают все сферы жизнедеятельности человека. Новейшие технологии проникают в производство, экономику, социальную сферу и политику, кардинально меня сложившиеся практики. Эта трансформация затронула и систему образования: сегодня уже невозможно представить школу, колледж или вуз без активного использования информационно-коммуникационных технологий. Электронные образовательные ресурсы, интерактивные платформы, цифровые системы оценивания становятся неотъемлемой частью образовательного процесса [1].

Среди многообразия цифровых инструментов особое место занимают дистанционные образовательные технологии (ДОТ). Их значимость резко возросла в последние годы, что обусловлено несколькими факторами. Во-первых, пандемия COVID-19 стала мощным катализатором, вынудившим образовательные системы во всем мире экстренно переходить на удаленный формат работы, наиболее показательным стал опыт экстренного перехода на дистанционное обучение в школьных системах различных стран, включая Россию. Во-вторых, даже после снятия ограничений стало очевидно, что отдельные элементы дистанционного обучения сохраняют свою востребованность: смешанные форматы, гибридные уроки, возможность привлечения удаленных специалистов, проведения мероприятий на всероссийском уровне, система ВКС сохраняется и по сей день, так как она достаточно удобна для отдаленных частей страны. В-третьих, ДОТ оказывают существенное влияние не только на организацию обучения в официальных образовательных учреждениях, но и на сферу репетиторства, которая в последние годы приобретает все большую популярность. Использование дистанционных технологий в репетиторской деятельности открывает новые возможности: индивидуальные занятия со специалистами из других городов, гибкий график, доступ к разнообразным онлайн-ресурсам. Многие молодые педагоги, еще будучи студентами, начинают свою профессиональную деятельность именно с репетиторства, и здесь их готовность к использованию ДОТ становится критически важным фактором успеха. И.В. Родионова считает, что использование электронных образовательных технологий положительно влияет на процесс образования [2].

Однако активное внедрение ДОТ в образовательную практику сталкивается с серьезным вызовом – человеческим фактором. Наличие технических средств и платформ само по себе не гарантирует качественного обучения. Ключевую роль играет готовность педагога грамотно использовать эти инструменты, методически выстроить процесс взаимодействия с учениками в цифровой среде. Особую значимость эта проблема приобретает в отношении молодых специалистов – вчерашних выпускников педагогических вузов. Именно они призваны стать проводниками новых технологий в образовании, однако насколько они сами готовы к этой роли?

Возникает противоречие: с одной стороны, система высшего образования декларирует подготовку педагогов, способных работать в условиях цифровой трансформации, с другой стороны, мы недостаточно знаем о реальном уровне готовности выпускников к использованию ДОТ. Как отмечают исследователи, наличие у молодых людей базовых цифровых навыков (они выросли в окружении технологий) автоматически не означает их методически грамотного применения в педагогической деятельности. Техническая оснащенность не тождественна методической компетентности. Сложно избежать стандартного «списывания» или игнорирования учебного занятия, его пропуска, или банальной невнимательности.

Как отмечают Е.В. Гнатышина и А.А. Саламатов, цифровая трансформация образования требует пересмотра не только технического оснащения, но и методической подготовки будущих педагогов [3]. Зарубежные исследователи (M.J. Koehler, P. Mishra) в рамках модели ТРАСК подчеркивают, что эффективное использование технологий в обучении возможно лишь при синтезе технических, педагогических и предметных знаний [4].

Данная статья направлена на диагностику реального уровня готовности молодых педагогов к использованию дистанционных образовательных технологий. Нас интересует не только то, насколько хорошо выпускники владеют техническими инструментами, но и как они оценивают свою подготовку к методически грамотной организации дистанционного обучения, полученную в вузе. Результаты исследования позволят не только составить объективную картину, но и предложить пути совершенствования технологической подготовки будущих педагогов.

Для получения результатов было проведено анонимное анкетирование 60 молодых педагогов до 30 лет, окончивших педагогические направления подготовки бакалавриат в вузах Краснодарского и Ставропольского краев. Из них 28 человек на момент опроса совмещали основную деятельность с частной репетиторской практикой. Сбор данных осуществлялся в ноябре–декабре 2025 года. Обработка результатов включала расчет процентных распределений и сравнительный анализ подгрупп. Опросник включал 12 вопросов, сгруппированных по четырем блокам: техническая готовность, методическая готовность, психологическая готовность и оценка качества вузовской подготовки. Результаты представлены в таблице № 1

Таблица 1

Блок вопросов	Вариант ответа	% опрошенных
1. Техническая готовность		
Самооценка цифровых навыков	Продвинутый пользователь	85
	Средний уровень	12
	Базовый уровень	3

Блок вопросов	Вариант ответа	% опрошенных
Регулярно используемые платформы	Zoom / Skype / Яндекс.Телемост	92
	Сферум / Moodle / Google Classroom	34
	Интерактивные доски (Miro, Idroo)	18
Наличие технических трудностей	Нет, справляюсь самостоятельно	40
	Иногда требуется помощь	50
	Да, это серьезная проблема	10
2. Методическая готовность		
Адаптация уроков под онлайн-формат	Полностью перерабатываю материал	20
	Частично меняю структуру	45
	Не адаптирую (переношу очный формат)	35
Использование интерактива (опросы, викторины, совместная работа)	Использую на каждом занятии	20
	Использую эпизодически	48
	Практически не использую	32
3. Психологическая готовность		
Эмоциональное состояние перед онлайн-уроком	Уверенность	25
	Легкое волнение	40
	Стресс и тревога	35
Отношение к эффективности ДОТ	Полноценная замена очному формату	12
	Только как временная мера / дополнение	68
	Качество образования падает	20
4. Оценка вузовской подготовки		
Наличие курсов по ДОТ в вузе	Был отдельный курс / модуль	18
	Тема упоминалась в общих курсах	48
	Тема не затрагивалась	34

Блок вопросов	Вариант ответа	% опрошенных
Достаточность знаний для работы онлайн	Да, полностью достаточно	12
	Частично достаточно / учусь сам	60
	Нет, пришлось переучиваться	28

Распределение ответов респондентов представлено в Таблице 1. Полученные данные позволяют проанализировать структуру готовности молодых педагогов к использованию ДОТ.

Технический компонент. Подавляющее большинство опрошенных (85 %) оценивают свой уровень владения цифровыми устройствами как «продвинутый пользователь». Наиболее популярными платформами являются сервисы видеосвязи (Zoom, Skype, Яндекс.Телемост), которые регулярно используют 92 % респондентов. При этом специализированные образовательные платформы (Сферум, Moodle, Google Classroom) применяют лишь 34 %, а интерактивные доски (Miro, Idroo) – только 18 %. Половина опрошенных (50 %) иногда нуждаются в помощи при решении технических задач.

Методический компонент. Существенное снижение показателей фиксируется при переходе от технических навыков к методическим. Только 20 % респондентов полностью адаптируют учебные материалы под онлайн-формат и системно используют интерактивные элементы. Остальные либо делают это эпизодически (45–48 %), либо переносят очные методики в цифровую среду без изменений (32–35 %).

Психологический компонент. Уверенность перед проведением дистанционного занятия испытывают лишь 25 % опрошенных. Треть респондентов (35 %) сталкиваются со стрессом и тревогой, при этом лишь 10 % связывают трудности с техническими проблемами. Большинство (68 %) рассматривают ДОТ только как временную меру или дополнение к очному обучению.

Оценка вузовской подготовки. Только 18 % респондентов проходили в вузе отдельный курс по ДОТ, а 34 % не сталкивались с этой темой вовсе. Закономерно, что лишь 12 % считают полученные знания достаточными для работы в онлайн-формате. Большинство (60 %) осваивают необходимые инструменты самостоятельно.

Сравнительный анализ подгрупп показал, что респонденты, занимающиеся репетиторством ($n = 28$), демонстрируют более высокую активность в использовании интерактивных досок (примерно 40 % против 10 % в подгруппе без репетиторской практики) и чаще адаптируют материалы под онлайн-формат. Это позволяет предположить, что конкурентная среда частной практики стимулирует профессиональное развитие в области ДОТ.

Таким образом, результаты исследования подтверждают актуальность заявленной проблемы и указывают на необходимость усиления практико-ориентированной подготовки будущих педагогов в области методики

онлайн-обучения. Полученные данные могут быть использованы при проектировании программ повышения квалификации и корректировке содержания педагогического образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сафонова, Е. А. Дистанционные образовательные технологии в системе высшего профессионального образования: специфика и проблемы применения / Е. А. Сафонова, Е.А. Голосманов. – Текст : электронный // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2020. – № 4 (12). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distsionnye-obrazovatelnye-tehnologii-v-sisteme-vysshego-professionalnogo-obrazovaniya-spetsifika-i-problemy-primeneniya> (дата обращения : 13.03.2026).
2. Родионова, И. В. Оптимизация процесса обучения в вузе через комбинированное дистанционное обучение / И. В. Родионова. – Текст : электронный // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 5. – С. 177–180. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/56186.htm>. (дата обращения : 15.03.2026).
3. Гнатышина, Е. В. Цифровизация и формирование цифровой культуры : социальные и образовательные аспекты / Е. В. Гнатышина, А. А. Саламатов // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2017. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-formirovanie-tsifrovoy-kultury-sotsialnye-i-obrazovatelnye-aspekty> (дата обращения : 13.03.2026).
4. Mishra P., Koehler M.J. Technological Pedagogical Content Knowledge : A Framework for Teacher Knowledge. – Teachers College Record, 2006. – Vol. 108. – No. 6. – Pp. 1017–1054. DOI: 10.1111/j.1467-9620.2006.00684.x.

REFERENCES

1. Safonova E. A., Golosmanov D. S. Distance learning technologies in the system of higher professional education: specifics and problems of application. *Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk = Theory and Practice of Socio-Humanitarian Sciences*, 2020, no. 4 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distsionnye-obrazovatelnye-tehnologii-v-sisteme-vysshego-professionalnogo-obrazovaniya-spetsifika-i-problemy-primeneniya>. (In Russian).
2. Rodionova I. V. Optimization of the learning process in higher education through blended distance learning. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Koncept» = Scientific and methodological electronic journal "Concept"*, 2016, vol. 5, pp. 177–180. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56186.htm>. (In Russian).
3. Gnatyshina E. V., Salamatov A. A. Digitalization and formation of digital culture: social and educational aspects. *Vestnik Yuzhno-Ural'skij gosudarstvennyj gumanitarno-pedagogicheskij universitet = Bulletin of South Ural State Humanitarian Pedagogical University*, 2017, no. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-formirovanie-tsifrovoy-kultury-sotsialnye-i-obrazovatelnye-aspekty> (In Russian).
4. Mishra P., Koehler M.J. *Technological Pedagogical Content Knowledge : A Framework for Teacher Knowledge*. Teachers College Record, 2006. Vol. 108. No. 6. Pp. 1017–1054. DOI: 10.1111/j.1467-9620.2006.00684.x.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Никулин, Д. Г. Готовность молодых педагогов к дистанционному обучению как показатель эффективности технологической подготовки / Д. Г. Никулин, Ю. П. Ветров. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 33–39.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Nikulin D. G., Vetrov Yu. P. Readiness of young teachers for distance learning as an indicator of the effectiveness of technological training / D. G. Nikulin, Yu. P. Vetrov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2026, no. 1, pp. 33–39. (In Russian).

УДК 37.013

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАННЕЙ ПРОФОРИЕНТАЦИИ
ОБУЧАЮЩИХСЯ НА ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ
В ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КЛАССАХ**

Ю. А. Подлубный, Ю. П. Ветров

**THE MAIN PROBLEMS OF EARLY CAREER GUIDANCE
FOR STUDENTS ENTERING TEACHING SPECIALTIES
IN PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CLASSES**

Yu. A. Podlubny, Yu. P. Vetrov

Аннотация. В данной статье поднимается вопрос о необходимости качественного улучшения процесса профессиональной подготовки будущих учителей на этапе ранней профориентации. Важной составляющей частью на данном пути является формирование педагогической направленности личности. Для осуществления этого процесса формируются психолого-педагогические классы, цель которых заключается в ранней профессиональной педагогической ориентации и подготовке еще на этапе школьного обучения.

Abstract. This article addresses the issue of the necessity to significantly improve the process of professional training for future teachers at the stage of early career guidance. An essential component of this process is the formation of the pedagogical orientation of an individual's personality. To implement this process, psychological and pedagogical classes are established, aiming at early professional pedagogical orientation and training at the school education stage.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, профессиональное самоопределение, психолого-педагогические классы, профильное обучение.

Keywords: career guidance, professional self-determination, psychological and pedagogical classes, specialized education.

В условиях постоянно меняющейся и развивающейся педагогической среды подготовка специалистов требует все большего внимания. Современная школа ждет в своих стенах педагогов, которые не только в достаточной степени владеют мастерством обучения и воспитания учеников, но и умеют распознавать эмоциональное состояние учеников, грамотно направлять их познавательную активность, наиболее эффективно реализовывать основные обучающие и воспитательные цели.

При этом в современной системе подготовки будущих педагогов наметилось явное противоречие между общим типовым подходом к подготовке будущих педагогических кадров и индивидуально-творческой основой реализации педагогической профессии. Сегодня не вызывает сомнения – в основе подготовки будущего специалиста должно лежать персональное внимание к индивидуально-творческим особенностям его личности. Учитель не должен быть объектом «массового процесса педагогического воспроизводства»

[8, с. 217]. В первую очередь, должна быть выявлена и сформирована его личная педагогическая индивидуальность и творческая неповторимость.

В связи с этим сегодня наиболее остро встает вопрос качественного совершенствования педагогической подготовки будущих учителей. Такое совершенствование будет возможным тогда, когда будущий педагог овладеет не только высоким уровнем профессиональной подготовки, но и приобретет реальную практическую склонность и способность к преподаванию. Конечно, достичь такой глубинной профессиональной подготовки возможно, только при одном условии – она должна начинаться еще на школьной скамье в процессе ранней профориентации обучающихся.

Вопросу подготовки будущего педагога-специалиста на этапе его вхождения в профессию посвящено множество исследований. Большинство исследователей понимают особую важность начальной ступени будущей профессии. Доминирующим подходом в данном случае является системно-личностный, при котором профориентация происходит на основе формирования направленности личности педагога.

Говоря о формировании направленности личности педагога, ученые выделяют следующие наиболее важные ее стороны:

- личностные и социальные потребности;
- основные личностные ценности;
- чувство гражданского долга и ощущение ответственности профессии педагога;
- любовь и уважение к детям, проявление интереса к их личности и осознание права ребенка на индивидуальность (Е.Н. Белозерцев, В.С. Ильин, В.А. Сластенин и др.);
- особый интерес к педагогической деятельности;
- развитый уровень духовной культуры;
- особая гуманность будущего педагога и его ориентация на общечеловеческие ценности (В.А. Сухомлинский, Ш.А. Амонашвили);
- развитие особой «зоркости души» будущего педагога (Б.М. Неменский, Д.Б. Кабалевский);
- ориентация на личность педагога как пример эффективной профессиональной самореализации (Е.В. Левкина).

В.В. Орлова отмечает: «...выбор будущей профессии, будущей деятельности для молодого человека – это во многом вопрос о смысле жизни, о жизненной перспективе. Это проблема скорее мировоззренческая, чем профориентационная, и все попытки профориентации будут во многом бесплодны, пока молодой человек не разберется в себе, пока не осознает свои потребности, способности, интересы, склонности, направленности, устремления, ценности» [5, с. 124].

Говоря о специфике профессиональной ориентации среди обучающихся, стоит, в первую очередь, уточнить, в чем состоит ее сущность. Под профессиональной ориентацией понимают «комплекс психолого-педагогических

мероприятий, направленных на оптимизацию процесса трудоустройства молодых людей в соответствии с их желаниями, склонностями, которые сформировались с учетом потребности их будущей профессии, сознательный выбор человеком профессии, которая отвечает его интересам и предсчитываемой успешности» [2, с. 303].

Профессиональная ориентация традиционно делится на несколько составляющих: информирование, агитация, просвещение, диагностика, которая включает в себя изучение линий развития личности, профессиональный отбор и подбор, и профессиональное консультирование [6]. Можно утверждать, что современное общество в целом профессионально ориентировано – каждый ребенок с самого рождения находится в социальном пространстве, направленном на развитие, профессиональное становление и карьерный успех. В действительности профессиональная ориентация выходит за рамки психолого-педагогического поля и охватывает гораздо больший комплекс мер, направленных на главную цель – профессиональное самоопределение личности. При этом высшей степенью развития личности можно считать момент, когда профессиональное и личностное самоопределение сливаются воедино, формируя целостную, психологически зрелую личность, для которой профессия становится частью жизни. В целом, именно к такому слиянию и должна стремиться современная система подготовки будущих педагогов.

Под профессиональным самоопределением стоит понимать «процесс осознанного выбора профессии, основанный на понимании своих интересов, способностей, ценностей и потребностей, а также на учете требований рынка труда» [9]. Н.С. Пряжников, определяя процесс профессионального самоопределения как центральное событие в жизни человека, связанное с поиском смысла всего существования, характеризует его следующим образом: «Профессиональное самоопределение – поиск и нахождение личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности, а также – нахождение смысла в самом процессе самоопределения» [6, с. 6].

Процесс профессионального самоопределения включает не только выбор конкретной профессии, но и формирование профессиональной идентичности, то есть осознание себя как представителя определенной профессиональной группы. В процессе личностного профессионального самоопределения субъект проходит два важнейших этапа:

- гностический – на этом этапе происходит качественная перестройка сознания;

- практический – на этом этапе изменяется реальный социальный статус человека.

Стоит отделять понятие профессионального самоопределения от профессионального выбора. Профессиональный выбор – понятие более узкое и направленное на определенный отрывок времени. Такой выбор «может

быть осуществлен как с учетом, так и без учета отдаленных последствий принятого решения и в последнем случае выбор профессии как достаточно конкретный жизненный план не будет опосредован отдаленными жизненными целями» [1].

Е.А. Климов выделяет основные этапы становления трудовой личности человека, которые вполне можно классифицировать как стадии профессионального самоопределения личности, берущие свое начало с самого раннего детства:

1. Стадия предигры – начинается с рождения и длится до трех лет. В этот период происходит становление основных функций восприятия, движения и речи. Формируется первичное представление о нормах поведения и моральных ценностях, которые в дальнейшем определяют не только особенности личности ребенка, но и создают основу его отношения к трудовой деятельности;

2. Стадия игры – захватывает период с 3 до 6-8 лет. В этот период ребенок осознанно знакомится с разными видами трудовой деятельности в форме игры (игры в повара, шофера, пожарного и т. д.);

3. Стадия овладения учебной деятельностью – этот этап захватывает период с 6-7 лет до 10-12. На данном возрастном этапе активно развиваются функции самоконтроля, самоанализа, умения планировать и контролировать свою деятельность. Все эти навыки имеют решающее значение в процессе дальнейшего профессионального самоопределения;

4. Стадия оптации (от лат. optatio – желание, выбор) – захватывает возрастную период от 11-12 лет до 15-18. Можно считать данный этап наиболее важным, поскольку именно в это время подросток уже осознанно планирует и выбирает свой профессиональный путь. Это основной период в вопросе выбора профессии, когда профессиональная ориентация должна быть выстроена наиболее эффективно;

5. Стадия адепта – является периодом профессиональной подготовки. Как правило, она занимает период с 17-18 до 23-24 лет. Но эти временные рамки весьма условны, поскольку в ситуации освоения профессиональных навыков могут оказаться люди самых разных возрастов;

6. Стадия адаптанта включает в себя процесс «вхождения» в профессию. Как правило, он длится от нескольких месяцев до нескольких лет с момента окончания учебного профессионального заведения. Длительность этого периода определяется уже спецификой профессии и личностными данными человека;

7. Стадия интернала относится к периоду, когда работник уже становится полноценной частью своей профессии и коллектива. Это время активной работы, основанной на усвоении основных навыков и принципов профессии. Данный временной отрывок имеет размытые границы, поскольку одним работникам необходимо всего несколько лет для того, чтобы перейти к следующей стадии, в то время как другие могут остаться на данной стадии на всем протяжении своего профессионального пути;

8. Стадия мастера подразумевает такой уровень овладения профессией, при котором работник выделяется среди своих коллег и выполняет свою работу лучше остальных. Этап мастерства приближает человека к вершине своего профессионального самоопределения, при котором профессия становится уже делом жизни, неотделимым от личности субъекта;

9. Стадия авторитета начинается тогда, когда субъект трудовой деятельности становится лучшим среди мастеров. К высококачественному выполнению своих профессиональных обязанностей добавляется еще и признание среди коллег;

10. Стадия наставника – высший уровень работы любого специалиста. «Эта стадия интересна тем, что работник являет собой не просто великолепного специалиста в своей отрасли, но превращает такого специалиста в Учителя, способного передать лучший свой опыт ученикам и воплотить в них часть своей души (лучшую часть души). Таким образом, высший уровень развития любого специалиста – это педагогический уровень» [3, с. 96].

Идея слияния личностного и профессионального самоопределения как вершины профессионального развития человека особенно близка современному личностно-ориентированному процессу, рассматриваемому в педагогике и психологии. Особый интерес к личности педагога, его индивидуальным профессиональным и творческим качествам подразумевает активное развитие личности будущего педагога, осуществляемое параллельно с его профессиональным становлением. Активация профессионального и личностного самоопределения возможна в процессе профориентации как комплексе психологических и педагогических мероприятий, направленных на оптимизацию процесса трудоустройства молодежи в соответствии с их желаниями, развитыми способностями и с учетом необходимости в специалистах.

Ранняя профессиональная ориентация – важнейший этап в профессиональном самоопределении субъекта трудовой деятельности. Для ее эффективного осуществления необходимо соблюдение следующих важнейших условий: выбранная профессия должна быть социально значимой и представлять реальный интерес для обучающегося; обучающийся должен быть подробно ознакомлен со спецификой работы и понимать, что она соответствует его типу личности, ожиданиям и возможностям; обязательно должны быть учтены состояние здоровья обучающегося, его профессиональные интересы и способности; обязательным условием успешной профориентации являются встречи с действующими представителями профессии, возможность вникнуть в глубины ее специфики [7].

Важнейшей формой ранней профориентации являются открываемые в настоящее время на базе школ классы психолого-педагогической направленности. Обучение в психолого-педагогических классах – «это допрофессиональная подготовка и возможность талантливым школьникам осознанно подойти к выбору будущей профессии, а также поближе познакомиться с особенностями работы в предметной области «человек – человек», попробовать

себя в роли помощника классного руководителя, вожатого летнего школьного лагеря или организатора школьных дел и в других профессиях» [4, с. 72]. Оно дает возможность ученикам поступить в вузы-партнеры школы, а также изучить определенные предметы на повышенном уровне.

Обучение в психолого-педагогических классах ставит перед собой следующие цели:

- формирование у учеников старших классов общего представления о педагогической профессии;
- ориентация учеников в системе ценностей, присущих педагогу;
- развитие профессиональных интересов и стремления к самоопределению;
- соотнесение собственных интересов и возможностей со спецификой работы педагогом [4, с. 72].

Данный анализ современного состояния психолого-педагогических классов, а также обобщение опыта их функционирования позволяют выявить ряд системных проблем, без решения которых декларируемая цель ранней профориентации остается недостижимой. Их можно структурировать на три взаимосвязанные группы: организационно-содержательные, психолого-педагогические и социально-личностные [8]. Главная опасность современных психолого-педагогических классов – их превращение в формальный «кружок по интересам» или просто еще один профильный предмет.

Проблема «учебного плана»: включение дисциплин «Основы педагогики» и «Основы психологии» не гарантирует профориентации. Часто они превращаются в сухую теорию, дублирующую вузовские курсы, но в сокращенном и, следовательно, примитивном виде. Это убивает интерес, а не формирует его. Школьник не видит «живой» педагогики.

Проблема «мнимой практики»: педагогическая практика, заявленная как компонент, часто подменяется помощью в проведении мероприятий, уборке территории или работой с документами. Такая деятельность не позволяет ученику оказаться в позиции «взрослого» – организатора, наставника, воспитателя, ответственного за другого. Без этого невозможна «проба сил» (термин С.Т. Шацкого), а значит, и самоопределение.

Проблема ранней профессионализации: Е.А. Климов справедливо указывает стадию оптации (15-18 лет) как ключевую для выбора. Однако насильственное «педалирование» выбора, когда ученик в 14-15 лет должен жестко идентифицировать себя как «будущего педагога», может привести к кризису идентичности. Подросток закрывает для себя другие пути, а столкнувшись с трудностями профессии (через практику), испытывает разочарование. Формируется не направленность, а отторжение.

Проблема «зоркости души» и диагностики: цитируя Б.М. Неменского, мы говорим о «зоркости души», но существует ли инструментарий для развития и диагностики зоркости на этапе школьного обучения? Существующие методы профессиональной диагностики часто ориентированы на тип

«человек–человек», но не измеряют эмпатию, педагогическую интуицию, способность к эмоциональному заражению и альтруизм. Мы пытаемся «измерить душу линейкой».

Проблема смыслов: цитируя В.В. Орлову, мы говорим о том, что выбор профессии – вопрос мировоззренческий. Однако в рамках школьного обучения мы часто пытаемся решить его профориентационными методами, минуя глубинные экзистенциальные вопросы. Пока ученик не поймет, зачем он вообще нужен этому миру и зачем ему быть учителем, а не просто получать зарплату, все наши усилия останутся поверхностными.

Выявленный комплекс проблем – от содержательной редукции учебных планов до ценностной дезориентации старшеклассников – свидетельствует не о частных недочетах в организации работы психолого-педагогических классов, а о глубинном противоречии между традиционной парадигмой школьного образования и деятельностно-смысловой природой педагогического призвания. Преодоление этого разрыва требует не просто коррекции методик, а смены самой философии ранней профориентации: перехода от логики «информирования и отбора» к логике «погружения и возвращения».

Исходя из этого, предлагаемые пути решения представляют целостную систему мер, направленную на трансформацию психолого-педагогического класса в подлинное пространство профессионального самоопределения.

▪ Отказ от «академизма»: содержание курсов «Основы педагогики» и «Психологии» должно быть кардинально пересмотрено. Необходимо уйти от лекционной подачи к тренинговым и игровым формам: изучать не системы обучения, а конкретные педагогические ситуации (кейсы), требующие решения. Психологию – через самодиагностику и рефлекссию собственных состояний.

▪ Внедрение «социальных проб» вместо формальной практики: необходимо создавать условия для реальных, а не имитационных действий. Ученик психолого-педагогического класса должен попробовать себя в роли репетитора-тьютора для младших школьников, организатора микро-события в классе (квеста, игры на перемене) от идеи до воплощения, наставника для «трудного» подростка или ребенка с ограниченными возможностями здоровья в рамках волонтерского проекта. Только так возникает чувство ответственности и проверяется осознанность выбора будущей профессии.

▪ Программы развития эмоционального интеллекта: вместо профессиональной диагностики нужно делать упор на развитие навыков, критически важных для педагога: эмпатии, рефлексии, саморегуляции, коммуникативной гибкости. Именно это является фундаментом для той самой «зоркости души».

▪ Ценностно-смысловые диалоги: в программу классов необходимо включить модуль по философии и истории педагогики, но не как набор дат, а как обсуждение вечных вопросов: «Зачем учить?», «Что такое хороший человек?», «Может ли учительство быть миссией?». Это позволит перевести

выбор из плоскости «нравится / не нравится» в плоскость смысловых и жизненных ориентаций.

Таким образом, ранняя профессиональная ориентация на педагогические специальности в психолого-педагогических классах будет эффективной лишь в том случае, если преодолеет ряд системных противоречий. Ее целью должно стать не просто «зачисление» в педагогический вуз, а формирование у старшеклассника способности к осознанному, рефлексивному выбору на основе реального опыта взаимодействия с детьми, развитого эмоционального интеллекта и понимания глубинных смыслов педагогической профессии. Только в этом случае психолого-педагогический класс станет не очередным «профильным довеском» к школьной программе, а подлинным институтом взращивания будущего учителя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головаха, Е. И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи / Е. И. Головаха. – Киев : Наукова думка, 1988. – 142 с. – Текст : непосредственный.
2. Калинина, Т. В. Психолого-педагогический потенциал ранней профессиональной ориентации / Т. В. Калинина, Э. Г. Патрикеева. – Текст : непосредственный // Воспитание и социализации в современной социокультурной среде: III Международная научно-практическая конференция, Санкт-Петербург, 24–25 ноября 2022 года. – СПб. : Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2022. – С. 303.
3. Климов, Е. А. Идеалы культуры и становление субъекта профессиональной деятельности / Е. А. Климов. – Текст : непосредственный // Психологический журнал. – 2005. – № 3. – С. 94–101.
4. Левкина, Е. В. Психолого-педагогические классы – начало профессиональной карьеры будущего педагога / Е. В. Левкина. – Текст : непосредственный // Педагогика и психология современного детства: вызовы, риски, прогнозы : Сборник статей участников V Международной научно-практической конференции, посвященная 20-летию психолого-педагогического факультета Арзамасского филиала ННГУ, Арзамас, 10–11 ноября 2021 года / Научные редакторы Т. Т. Щелина, С. П. Акутина. – Арзамас : Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», 2021. – С. 71–76.
5. Орлова, В. В. Социальная зрелость молодежи: социально-психологический аспект / В. В. Орлова. – Текст : непосредственный // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2009. – № 5. – С. 124.
6. Пряхников, Н. С. Профориентация в школе: игры, упражнения, опросники (8–11 классы) / Н. С. Пряхников. – М. : Вако, 2015. – 288 с. – Текст : непосредственный.
7. Чекменева, О. Ю. Актуализация проблемы профессиональной ориентации как социально-педагогического явления / О. Ю. Чекменева. – Текст : электронный // Современная высшая школа : инновационный аспект. – 2016. – № 2 (32). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-problemy-professionalnoy-orientatsii-kak-sotsialno-pedagogicheskogo-yavleniya> (дата обращения: 10.08.2025).

8. Щелина, Т. Т. Психолого-педагогические проблемы ранней профессиональной ориентации на педагогические профессии / Т. Т. Щелина, Э. Г. Патрикеева, С. О. Щелина, Е. В. Лёвкина. – Текст : электронный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия : Социальные науки. – 2023. – № 4 (72). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-problemy-ranney-professionalnoy-orientatsii-na-pedagogicheskie-professii> (дата обращения: 09.08.2025).

9. Словарь психолого-педагогических терминов. URL : <https://ped-kopilka.ru/blogs/olga-vladimirovna-nizamutdinova/slovar-psihologo-pedagogicheskikh-terminov.html> (дата обращения: 10.08.2025). – Текст : электронный.

REFERENCES

1. Golovakha E. I. *Zhiznennaya perspektiva i professional'noe samoopredelenie molodezhi* [Life perspective and professional self-determination of youth]. Kiev : Naukova Dumka, 1988. 142 p. (In Russian).

2. Kalinina T. V., Patrikeeva E. G. Psychological and pedagogical potential of early professional guidance. *Vospitanie i sotsializatsiya v sovremennoi sotsiokulturnoi srede. III Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, Sankt-Peterburg, 24–25 noyabrya 2022 goda = Education and socialization in the modern socio-cultural environment. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 24–25, 2022*. St. Petersburg : Publishing and Polygraphic Association of Higher Education Institutions, 2022. P. 303. (In Russian).

3. Klimov E. A. Cultural ideals and formation of a professional subject. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2005, no. 3, pp. 94–101. (In Russian).

4. Levkina E. V. Psychological and pedagogical classes as the beginning of a future teacher's professional career. *Pedagogika i psikhologiya sovremennogo detstva : vyzovy, riski, prognozy Sbornik statej uchastnikov V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennaya 20-letiyu psihologo-pedagogicheskogo fakul'teta Arzamasskogo filiala NNGU, Arzamas, 10–11 noyabrya 2021 goda = Pedagogy and psychology of modern childhood : challenges, risks, forecasts: Collection of articles from the V International Scientific and Practical Conference dedicated to the 20th anniversary of the Psychological and Pedagogical Faculty of the Arzamas Branch of NNGU, Arzamas, November 10–11, 2021*. Arzamas : Arzamas Branch of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2021, pp. 71–76. (In Russian).

5. Orlova V. V. Social maturity of youth: socio-psychological aspect. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy = International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2009, no. 5, pp. 124. (In Russian).

6. Pryazhnikov N. S. *Proforientatsiya v shkole: igry, uprazhneniya, oprosniki (8–11 klassy)* [Career guidance at school: games, exercises, questionnaires (grades 8–11)]. M. : Vako, 2015. 288 p. (In Russian)

7. Chekmeneva O. Yu. The problem of professional orientation as a socio-pedagogical phenomenon. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyi aspekt = Modern Higher School: Innovative Aspect*, 2016, no. 2 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-problemy-professionalnoy-orientatsii-kak-sotsialno-pedagogicheskogo-yavleniya> (In Russian).

8. Shchelina T. T., Patrikeeva E. G., Shchelina S. O., Levkina E. V. Psychological and pedagogical problems of early professional guidance towards teaching professions. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya : Sotsial'nye nauki = Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series : Social Sciences*, 2023, no. 4 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-problemy-ranney-professionalnoy-orientatsii-na-pedagogicheskie-professii> (In Russian).

9. *Slovar' psikhologo-pedagogicheskikh terminov* [Dictionary of psychological and pedagogical terms]. URL: <https://ped-kopilka.ru/blogs/olga-vladimirovna-nizamutdinova/slovar-psihologo-pedagogicheskikh-terminov.html> (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Подлубный, Ю. А. Основные проблемы ранней профориентации обучающихся на педагогические специальности в психолого-педагогических классах / Ю. А. Подлубный, Ю. П. Ветров. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 40–49.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Podlubny Yu. A., Vetrov Yu. P. The main problems of early career guidance for students entering teaching specialties in psychological and pedagogical classes / Yu. A. Podlubny, Yu. P. Vetrov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2026, no. 1, pp. 40–49. (In Russian).

УДК 371.134

**ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ
К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЛАССНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ В АСПЕКТЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РОДИТЕЛЯМИ ОБУЧАЮЩИХСЯ**

Н. Ю. Прохина

**THE FORMATION OF THE FUTURE TEACHER'S READINESS FOR
THE ACTIVITIES OF THE CLASSROOM TEACHER
IN THE ASPECT OF INTERACTION WITH THE STUDENTS' PARENTS**

N. Yu. Prokhina

Аннотация. В данной статье автор обращается к актуальной проблеме формирования готовности будущего учителя к деятельности классного руководителя в аспекте взаимодействия с родителями обучающихся. Проводится анализ учебных дисциплин (на примере ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет») на предмет отражения в их содержании компонентов, относящихся к вопросам взаимодействия будущего учителя с родителями. В статье автор предлагает несколько педагогических инструментов для формирования готовности будущего учителя к деятельности классного руководителя в аспекте взаимодействия с родителями обучающихся на примере проведения занятий по дисциплине «Технология и организация воспитательных практик (классное руководство)». Особое внимание уделяется подготовке будущего учителя к проведению родительского собрания. Представлена разработка дидактической модели для составления авторских родительских собраний.

Abstract. In this article, the author addresses the urgent problem of preparing a future teacher for classroom teaching in terms of interacting with students' parents. An analysis of academic disciplines, using the example of Volgograd State Social Pedagogical University, is conducted to identify components related to interaction between teachers and parents. Pedagogical tools are proposed to help prepare future teachers for effective interaction with parents, using the discipline of "Technology and Organization of Educational Practices (Classroom Management)" as an example. Special attention is given to preparing future teachers to conduct parent meetings. The development of a didactic model for author's parent meetings is presented.

Ключевые слова: готовность будущего учителя к деятельности классного руководителя, взаимодействие с родителями, педагогические инструменты, образовательный процесс педагогического вуза, деятельностный подход, родительское собрание, дидактическая модель.

Keywords: willingness of future teachers to be classroom teachers, interaction with parents, pedagogical tools, educational process in a pedagogical university, activity-based approach, parent meetings, didactic model.

Школа и семья – важнейшие социальные институты в жизни человека. Именно здесь происходит базовое усвоение общепринятых и национальных

ценностей, норм и правил, по которым живет общество. Семья и школа в равной степени задают вектор мышления, сознания, отношений, с чем в дальнейшем ребенок отправится во взрослую жизнь [5, с. 26]. Соглашаясь с мнением О.А. Воскресенко, С.В. Сергеевой [1] и Э. Даларис, [11], мы отмечаем, что эффективность обучения и воспитания напрямую зависят от слаженности и согласованности действий педагогического и родительского сообществ.

Вопросам взаимодействия школы и современной семьи посвящены научные исследования Л.В. Байбородовой, Е.С. Евдокимовой, Э.В. Мухаметзяновой, С.Г. Мишенькиной, Л.А. Грицай [2], Е.Е. Андреевой и др. Воспитательные функции в общеобразовательном учреждении выполняют все педагогические работники. Пользуясь ценностно-смысловым потенциалом учебного предмета, создавая различные воспитывающие ситуации на уроке, учитель способствует формированию у учащихся базовых духовных ценностей и моральных норм, принятых в нашем обществе, развивает эстетический вкус и любовь к прекрасному. Однако, по мнению Н.Е. Щурковой, центральным лицом воспитательного процесса в образовательной организации является классный руководитель, поскольку именно классный руководитель является связующим звеном между семьей и школой.

Деятельность классного руководителя сегодня – это не только организация учебно-воспитательной работы с детским коллективом. Классное руководство включает в себя сложную, многогранную работу. Взаимодействуя со студентами ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» (ВГСПУ), отмечается колоссальный запрос будущих учителей на более детальный анализ деятельности современного классного руководителя. На первом занятии по дисциплине «Технология и организация воспитательных практик (классное руководство)» в 2024 и 2025 году среди студентов 3 курса Института русского языка и словесности, Института математики, информатики и физики, а также Института художественного образования ВГСПУ был проведен опрос для получения начальных представлений студентов о классном руководстве. В перечне вопросов был следующий: «С какими трудностями вы опасаетесь столкнуться, если станете классными руководителями?» По результатам опроса 348 студентов, у 98 % опрошенных главный аспект, который вызывает опасения в работе классного руководителя, – взаимодействие с родителями. Студенты желают получить ответы по 3 важным пунктам:

1. Как завоевать молодому педагогу авторитет среди родителей обучающихся?
2. Как выстроить с родительским коллективом плодотворное сотрудничество?
3. Как быть полезным родителям в вопросах воспитания?

Подготовка будущих учителей реализуется в рамках образовательного процесса педагогического вуза. Под образовательным процессом в педагогическом вузе, согласно Федеральному государственному образовательному стандарту, мы понимаем целенаправленную деятельность по обучению, воспитанию и развитию личности путем организованных учебно-воспитательных и учебно-познавательных процессов в единстве с самообразованием этой личности, обеспечивающую усвоение знаний, умений и навыков на уровне не ниже требуемого государственным образовательным стандартом. Студенты посещают лекции, выполняют задания на лабораторных и практических занятиях, пишут научные работы, принимают активное или пассивное участие в массовых мероприятиях. Мы решили обратить особое внимание на учебную деятельность студентов и проанализировали основные профессиональные образовательные программы по направлениям 44.03.01 Педагогическое образование и 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки). По результатам анализа были выделены следующие особенности.

Во всех программах подготовки в перечень базовых дисциплин входит «Технология и организация воспитательных практик (классное руководство)» в рамках модуля «Воспитательная деятельность» «Ядра высшего педагогического образования», являющаяся основной для формирования готовности будущего учителя к деятельности классного руководителя в образовательном процессе педагогического вуза, а также прохождение студентами производственной практики по классному руководству, где опытным путем приобретаются необходимые умения и навыки. Однако вопросам взаимодействия с родителями в рамках дисциплины уделяется минимальное количество учебных часов, а производственная практика краткосрочна (2 недели), что не позволяет охватить все аспекты данного направления.

Наиболее подготовленными к деятельности классного руководителя в аспекте взаимодействия с родителями являются выпускники по направлению 44.04.01 Педагогическое образование, профилю «Начальное образование». Объяснением является тот факт, что учитель начальных классов, по специфике своей деятельности, работает на протяжении 4 лет с одним классом и является его классным руководителем.

Следует отметить, что с 2017 года ведется трансформация образовательных программ. Многие дисциплины, входящие в вариативный блок, которые способствовали дополнительной подготовке будущего учителя к деятельности классного руководителя, на данный момент, не преподаются.

Пандемия коронавируса в 2020 году ускорила процесс развития цифрового образовательного пространства университета. В частности, увеличилось число онлайн-курсов, разработанных преподавателями ВГСПУ на образовательной платформе «Мирознай». В ходе реализации смешанного обучения онлайн-курсы стали хорошим дополнением к основным программам, обеспечивая студентам возможность изучать учебный материал и неоднократно отрабатывать трудные темы по дисциплинам своего профиля в удобное время,

а также освоить дисциплины за рамками программы подготовки, но представляющие для студента интерес [8, с. 135]. На сегодняшний день ресурсы цифровых образовательных платформ используются не в полной мере: на образовательной платформе «Мирознай» представлен всего 1 общепедагогический курс, косвенно осуществляющий подготовку к деятельности классного руководителя как организатора детского коллектива, а также несколько курсов по психологии.

Таблица 1.

**Онлайн-курсы для студентов, реализуемые на платформе
«Мирознай»
(по состоянию на 03.02.2026 г.)**

Название	Количество часов
Специалист, участвующий в организации детского коллектива (вожатый)	200
Работа с семьями детей, переживших военные действия	72
Психология (возрастная и педагогическая)	72
Практикум по психологии	36

Каким же образом подготовить будущего учителя основной школы к взаимодействию с родителями обучающихся? Е.С. Евдокимова отмечает, что важное место в формировании готовности будущего учителя к деятельности классного руководителя занимают «информационно-коммуникационные, учебно-игровые технологии, проектирование, кейс-метод и другие» [4, с. 96]. Представим несколько педагогических инструментов, которые использовались автором в рамках проведения практических занятий по дисциплине «Технология и организация воспитательных практик (классное руководство)».

Первый инструмент – это *решение кейсов*, представляющих собой реальные педагогические ситуации из воспитательной практики образовательных организаций по взаимодействию с родителями, обеспечивают погружение студентов в педагогическую действительность, активизацию их теоретических знаний и творческих способностей в поисках эффективного решения стоящей перед ними воспитательной проблемы. Кейсы использовались на занятии, посвященном субъектам воспитательного процесса. Студентам предлагаются неоднозначные ситуации из практики взаимодействия «классный руководитель – родитель» (например, конфликт из-за успеваемости, жалоба родителя на действия учителя, неадекватное поведение родителя на собрании, отказ от сотрудничества). Анализ кейса требует от студента не просто найти ответ, а занять собственную профессиональную позицию, проанализировать мотивы поведения всех сторон, предложить и обосновать

несколько путей решения, спрогнозировать последствия. Это развивает критическое мышление, самостоятельность и ответственность за предлагаемое решение.

Рассматривая вопрос духовно-нравственного воспитания школьников, студенты составляли по группам перечень книг и фильмов для учителей и родителей, которые можно использовать для формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей у обучающихся конкретной возрастной категории. В ходе изучения форм воспитательной деятельности и профориентационной работы классного руководителя составлялся список интересных мест родного региона, куда полезно отправиться на экскурсию в рамках школьной или семейной поездки. Студенты также составляли рекомендации будущему учителю по взаимодействию с родителями. Такие формы работы позволяют студентам не только разработать полезный для родителей и самих будущих педагогов ресурс, но и акцентируют внимание на связь человека и культуры, человека и его малой Родины, придают значимость будущей профессиональной деятельности. В.А. Слостенин, считал, что образование выступает средством трансляции культуры, овладевая которой человек не только адаптируется к условиям постоянно изменяющегося социума, но и становится способным к неадаптивной активности, позволяющей выходить за пределы заданного, развивать собственную субъектность и приумножать потенциал мировой цивилизации. Человек не только развивается на основе освоенной им культуры, но и вносит в нее нечто принципиально новое, т. е. он становится творцом новых элементов культуры.

Важный элемент готовности будущего классного руководителя к взаимодействию с родителями – умение организовывать и проводить родительские собрания. Несмотря на активное развитие цифровых технологий и перспективы организации онлайн-встреч с родительскими сообществами, о которых говорят иностранные ученые (Э. Петраш, Э. Ройер, М. Эбер, и др.) [9; 10], очные родительские собрания остаются востребованной формой взаимодействия школы и семьи, как в России, так и за рубежом.

Главным показателем эффективности родительского собрания, по мнению педагогов-практиков, является активный диалог, обсуждение поставленных вопросов, обмен опытом, советы и рекомендации [3, с. 288]. Следовательно, проведение очного родительского собрания требует тщательной подготовки, в том числе и методической. В отработке умения планировать и разрабатывать содержательные родительские собрания студентам педагогического вуза могут помочь дидактические модели. По определению Л.М. Перминовой, дидактическая модель – это «идеальное представление о целях образования, способах построения содержания и реализации образовательного процесса. Целесообразно представить дидактическую модель на двух уровнях: как проект обучения, конструируемого, но еще не реализованного, и как результат идеализации практики, абстрагирования от ее сущностных элементов». [6, с. 58]

Применение модели целесообразно для рационализации способов построения вновь конструируемых объектов, поэтому ее использование актуально для разработки сценариев родительского собрания. Для проведения практических занятий со студентами автором была создана разработка «Час X: дидактическая модель важных воспитательных событий», куда вошли дидактические модели классных часов и родительских собраний.

Дидактическая модель родительского собрания представляет собой технологическую карту с набором карточек. В технологической карте выделены содержательные блоки родительского собрания (Рисунок 1). В верхнем ряду – **класс, тема родительского собрания, форма проведения**. В нижнем ряду – этапы проведения родительского собрания: **мотивирующая беседа** (вступительная часть собрания), **мини-лекция** и **практическое задание** (основная часть собрания), **рефлексия** (заключительная часть собрания). Изображения для технологической карты сгенерированы искусственным интеллектом в приложении «GigaChat».

Рис.1 – Технологическая карта родительского собрания (составлено автором с использованием искусственного интеллекта в приложении «GigaChat»)

Перед разработкой родительского собрания каждая группа получает технологическую карту и комплект карточек 6 категорий:

- 11 карточек «Класс» по количеству классов обучения;

– 24 карточки «Форма проведения», где отражены возможные для реализации формы родительского собрания, в том числе, нетрадиционные: лекторий, беседа, тренинг, мастер-класс, круглый стол и т. д. Выбранные формы проведения собрания не носят назидательного характера, а направляют студентов на будущее сотрудничество с родителями;

– 18 карточек «Мотивирующая беседа» с вариантами приемов, которые может использовать будущий учитель в начале родительского собрания;

– 20 карточек «Мини-лекция» с возможными инструментами для дополнения теоретического материала по вопросу собрания. Специфика этих карточек заключается в том, что некоторые инструменты опираются на региональный компонент. Например: «Используйте материалы региональных СМИ», «Используйте интересные факты, связанные с родным регионом», «Используйте фрагмент рассказа / повести писателя родного региона» и др.

– 18 карточек «Практическое задание», где предлагаются возможные виды деятельности родителей на собрании для закрепления полученных знаний на практике или для решения насущного вопроса;

– 21 карточка «Рефлексия» с возможными приемами рефлексивного анализа проведенной встречи: «Пирамида знаний», «Плюс-минус – интересно», «Я не знал... – Теперь я знаю» и т. д.

Далее случайным образом студенты выбирают одну карточку с темой родительского собрания. Для определения тем родительских собраний был проведен анализ календарных планов воспитательной работы образовательных организаций России, папок классных руководителей и методических пособий, находящихся в открытом доступе в сети Интернет. По итогам анализа были отобраны 60 наиболее часто встречающихся тем, отвечающих запросам, как современной семьи, так и образовательных организаций: «Учимся учиться: советы родителям», «Как помочь ребенку при сдаче экзаменов и ВПР», «Компьютер и гаджеты – друзья или враги?», «Представления детей о дружбе», «Мир эмоций и чувств вашего ребенка» и др. Среди тем родительских собраний присутствуют как универсальные, актуальные для проведения встреч с родителями обучающихся любого класса, так и специфические, которые проводятся для родителей конкретной возрастной категории обучающихся.

После определения темы студенты выстраивают под доставшуюся карточку «каркас» воспитательного события, выбирая карточки для всех категорий из полученного набора. С дидактической моделью, возможно, работать как индивидуально, так и по группам. Набор технологических карт и карточек к ней предусмотрен для 6 групп. Для каждого блока технологической карты, за исключением класса и формы проведения собрания, возможно, выбрать до 3 карточек. Кроме того, в наборе есть пустые карточки, куда студенты могут записать свои варианты для каждого блока собрания. Дополняя в последующем полученный каркас тематическим содержанием, студенты получают готовую практическую разработку для ее использования

в будущей профессиональной деятельности. Многообразие карточек обеспечивает вариативность составления родительских собраний, что дает возможность разрабатывать практически не ограниченное число воспитательных событий.

Для проверки получившихся авторских разработок родительских собраний организовываются *демонстрационные занятия*. Такая форма работы особо актуальна с учетом активного внедрения в процедуру государственной итоговой аттестации демонстрационного экзамена. Во время демонстрационного занятия происходит включение студентов в осознанное выполнение функций классного руководителя через проведение на своих коллег разработанных воспитательных событий. Студенты проводили родительские собрания в формате различных тренингов, мастер-классов, фестивалей, арт-терапий. Ключевое условие организации демонстрационного занятия – непосредственное участие преподавателя вуза в мероприятии студента (принятие на себя роли родителя). После проведения разработанного родительского собрания происходит его анализ с последующей рефлексивной оценкой. Рефлексия – ключевой механизм становления профессионала. Она позволяет превратить опыт, включая отрицательный, в знание о себе, своих сильных и слабых сторонах, скорректировать свою профессиональную позицию и наметить траекторию развития. Примеряя на себя различные социальные роли (ученик, учитель, родитель), студентам удается объективнее и качественнее проанализировать как свои разработки, так и материалы своих коллег.

В рамках производственной практики по классному руководству студентам (индивидуально или в группах) на основании имеющегося опыта различных образовательных организаций предлагается разработать проект плана взаимодействия школы и семьи на месяц, куда могут входить родительские собрания, лектории, семейные конкурсы, совместные выезды и многое другое. В плане необходимо продумать ответственных за проведение конкретных мероприятий, подобрать подходящие формы взаимодействия с учетом возрастных особенностей детей. Такое задание позволяет студентам почувствовать себя полноправным субъектом организации воспитательной работы в образовательной организации. В итоге, за период обучения у студентов накапливается банк методических разработок, которые они смогут использовать в будущей профессиональной деятельности.

Полученные в ходе исследования результаты могут служить теоретической основой для дальнейшего поиска решений научной проблемы обеспечения уровня готовности будущего учителя к деятельности классного руководителя, соответствующего современным запросам отечественной образовательной системы. Разработанные и апробированные в образовательном процессе педагогического вуза инструменты могут использоваться преподавателями высшей школы в рамках проведения практических занятий по дисциплине «Технология и организация воспитательных практик (классное руководство)».

При работе со студентами педагогического вуза, в частности, формируя их готовность к деятельности классного руководителя, стоит помнить слова В.И. Даля, К. Маркса, Д.И. Писарева, которые в разные годы выразили одну и ту же мысль: *воспитание ученика напрямую зависит от воспитанности педагога* [7, с. 68]. Если задача образования будущего – сформировать воспитанное, наполненное смыслами молодое поколение, необходимо заложить основы культуры и морали в их будущих учителей. Использование инструментов, погружающих студента в ситуации, требующие проявления инициативы, ответственности, рефлексии и творчества, обращения к собственному жизненному опыту, позволяет сформировать не просто «подготовленного специалиста», а активного, гибкого, методически разностороннего профессионала, носителя духовно-нравственных и профессиональных ценностей. Такой педагог будет способен не просто реагировать на запросы родительского сообщества, но и сам выступать инициатором и создателем партнерских, доверительных отношений, что является залогом успешного воспитания активного, наполненного и талантливого подрастающего поколения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воскресенко, О. А. Формирование готовности будущих педагогов к построению взаимодействия с родителями школьников / О. А. Воскресенко, С. В. Сергеева. – Текст : электронный // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т. 12. – № 3. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/23PDMN324.pdf> (дата обращения : 03.02.2026)
2. Грицай, Л. А. Перспективные формы взаимодействия педагогов с родителями школьников: от традиций к цифровым инновациям / Л. А. Грицай. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2025. – № 2 (143). – С. 18–27.
3. Гросс, Э. Р. Классное руководство как традиционный институт воспитания. Формы взаимодействия классного руководителя с родителями / Э. Р. Гросс, М. В. Тесля. – Текст : непосредственный // Воспитание: региональный аспект. Проблемы, пути решения, опыт. – 2019. – С. 286–289.
4. Евдокимова, Е. С. Технология подготовки будущих классных руководителей к взаимодействию с родителями обучающихся / Е. С. Евдокимова. – Текст : непосредственный // Сборник материалов по итогам проведения Всероссийского студенческого конгресса лидеров педагогических вузов, Волгоград, 07–09 сентября 2021 года. Министерство просвещения России, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. – Волгоград : [б. и.], 2021. – С. 94–96.
5. Организация воспитывающей среды в системе взаимодействия «семья – школа – педагогический вуз» : учебно-методическое пособие / Е. С. Евдокимова, Е. С. Любимова, И. А. Макарова, [и др.] ; под редакцией И. А. Макаровой. – Волгоград : Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2024. – 110 с. – Текст : непосредственный.
6. Перминова, Л. М. Дидактическая модель обучения: методология, структура / Л. М. Перминова. – Текст : непосредственный // Инновации в образовании. – 2016. – № 2. – С. 58–69.

7. Прохина, Н. Ю. Актуализация идей К. Д. Ушинского в формировании экологической культуры будущего педагога / Н. Ю. Прохина. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2023. – № 6 (179). – С. 68–73.

8. Прохина, Н. Ю. Значение сферы туризма в профессиональной подготовке будущего учителя географии / Н. Ю. Прохина. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 3 (94). – С. 131–136.

9. Petrash E. Virtual Interaction between Teacher and Parents in Modern Educational Institution. – *Pedagogy. Theory & Practice*, 2020. Vol. 5. Issue 5. Pp. 604–609.

10. Saint-Laurent L., Royer É., Hébert M., Tardif L. Enquête sur la collaboration famille-école. – *Canadian Journal of Education*, 2019. 19. Pp. 270–286.

11. Δαλάρη, Αιμιλία. "Συνεργασία Σχολείου Οικογένειας." *Σχολείο- Οικογένεια*. – URL: https://www.academia.edu/38681152/Συνεργασία_σχολείου_οικογένειας (дата обращения: 03.02.2026).

REFERENCES

1. Voskrekasenko O. A., Sergeeva S. V. Formation of readiness future teachers to building interaction with parents of schoolchildren. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*. 2024; 12 (3) : 23PDMN324. URL :: <https://mir-nauki.com/PDF/23PDMN324.pdf>. (In Russian)

2. Gricaj L. A. Promising Forms of Interaction between Teachers and Parents: From Traditions to Digital Innovations. *YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2025. № 2 (143), pp. 18–27. (In Russian)

3. Gross E. R., Teslya M. V. Class guidance as a traditional institution of education. Forms of interaction between a class teacher and parents. *Vospitanie: regional'nyj aspekt. Problemy, puti resheniya, opyt = Education: Regional Aspects. Problems, Solutions, and Experience*, 2019, pp. 286–289. (In Russian).

4. Evdokimova E. S. Technology for training future class teachers to interact with students' parents. *Sbornik materialov po itogam provedeniya Vserossijskogo studencheskogo kongressa liderov pedagogicheskikh vuzov, Volgograd, 07–09 sentyabrya 2021 goda. Ministerstvo prosveshcheniya Rossii, Volgogradskij gosudarstvennyj social'no-pedagogicheskij universitet = Collection of materials based on the results of the All-Russian Student Congress of Leaders of Pedagogical Universities, Volgograd, September 7–9, 2021. Ministry of Education of the Russian Federation, Volgograd State Social and Pedagogical University*, 2021, pp. 94–96. (In Russian).

5. Evdokimova E. S., Lyubimova E. S., Makarova I. A. [et al.] *Organizaciya vospityvayushchej sredy v sisteme vzaimodejstviya «sem'ya – shkola – pedagogicheskij vuz»: uchebno-metodicheskoe posobie* [Organization of a nurturing environment in the family-school-university system: a teaching and methodological guide]. Volgograd, Nauchnoe izdatel'stvo VGSPU «Peremena», 2024. (In Russian).

6. Perminova L. M. Didactic Learning Model: Methodology and Structure. *Innovacii v obrazovanii = Innovations in education*, 2016, no. 2, pp. 58–69. (In Russian).

7. Prokhina N. YU. Actualization of K. D. Ushinsky's Ideas in the Formation of the Future Teacher's Environmental Culture. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 2023, no. 6 (179), pp. 68–73. (In Russian).

8. Prokhina N. YU. The importance of tourism in the professional training of future geography teachers. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture, education*, 2022, no. 3 (94), pp. 131–136. (In Russian).

9. Petrash E. *Virtual Interaction between Teacher and Parents in Modern Educational Institution*. Pedagogy. Theory & Practice, 2020. Vol. 5. Issue 5. Pp. 604–609.

10. Saint-Laurent L., Royer É., Hébert M., Tardif L. *Enquête sur la collaboration famille-école*. Canadian Journal of Education, 2019. 19. Pp. 270–286.

11. Δαλάρη, Αιμιλία. "Συνεργασία Σχολείου Οικογένειας." Σχολείο- Οικογένεια. URL: https://www.academia.edu/38681152/Συνεργασία_σχολείου_οικογένειας

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Прохина, Н. Ю. Формирование готовности будущего учителя к деятельности классного руководителя в аспекте взаимодействия с родителями обучающихся / Н. Ю. Прохина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 50–60.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Prokhina N. Yu. The formation of the future teacher's readiness for the activities of the classroom teacher in the aspect of interaction with the students' parents / N. Yu. Prokhina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2026, no. 1, pp. 50–60. (In Russian).

УДК 378.2

**ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
ДЕФИЦИТОВ У УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ
И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

Е. А. Тупичкина, Е. В. Попова

**FACTORS OF THE EMERGENCE OF PROFESSIONAL DEFICIENCIES
IN PRIMARY SCHOOL TEACHERS AND WAYS TO OVERCOME
THEM**

E. A. Tupichkina, E. V. Popova

Аннотация. Статья посвящена исследованию факторов, приводящих к возникновению профессиональных дефицитов у учителей начальных классов, и рассмотрению возможных путей их устранения. Авторы выделяют значимые факторы, негативно влияющие на уровень профессиональных компетенций учителей начальной школы. В статье дается характеристика объективных и субъективных факторов, влияющих на возникновение профессиональных дефицитов педагогов. В качестве эффективной формы ликвидации профессиональных дефицитов педагогов определяется *корпоративная форма* повышения профессиональных компетенций, которая позволяет осуществить профессиональное обучение адресно, целесообразно, практико-ориентированно. В статье авторы аргументируют выбор тематики курсовой подготовки, связанной с формированием у младших школьников функциональной грамотности, и обеспечивающей устранения профессиональных дефицитов у учителей. В завершении авторы характеризуют организационную форму реализации данного содержания – «дидактическая мастерская учителя» и на основе проведенной диагностики делают вывод об эффективности проделанной работы.

Abstract. The article is devoted to the study of the factors that lead to the emergence of professional shortcomings among primary school teachers, and to the consideration of possible ways to eliminate them. The authors identify significant factors that negatively affect the level of professional competencies among primary school teachers. The article provides a description of the objective and subjective factors that influence the emergence of professional shortcomings among teachers. The article suggests a corporate form of professional development as an effective way to eliminate professional shortcomings among teachers, which allows for targeted, purposeful, and practice-oriented professional training. In the article, the authors argue for the choice of the topic of course training related to the formation of functional literacy among primary school students and the elimination of professional shortcomings among teachers. In conclusion, the authors describe the organizational form of implementing this content, which is "didactic".

Ключевые слова: учителя, профессиональные дефициты, профессиональные компетенции, профессиональное образование, корпоративное профессиональное образование.

Keywords: teachers, professional shortcomings, professional competencies, professional education, corporate professional education.

Современное российское образование, сталкиваясь с вызовами времени социального и технологического характера, ставит перед учителями начальных классов повышенные требования, соответствующие стандартам Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) и Федеральной образовательной программе (ФОП) начального общего образования (НОО). Практика свидетельствует, что многие педагоги испытывают трудности, связанные с недостаточностью некоторых профессиональных компетенций, ощущают наличие отдельных профессиональных дефицитов. В этой связи остро встает задача выявления и системного изучения факторов, способствующих развитию профессиональных дефицитов у учителей начальных классов, и это приобретает особую актуальность для повышения качества начального образования.

Затруднения, которые испытывают педагоги в своей профессиональной деятельности, вызывают большой интерес у исследователей на протяжении долгого времени. Одним из первых в отечественной дидактике типичные затруднения учителей в контексте решения задач оптимизации учебно-воспитательного процесса проанализировал Ю.К. Бабанский (1977). За последние десятилетия российские ученые провели ряд разноаспектных исследований, касающихся изучаемой проблематики. Так, Е.Н. Лазарева сосредоточилась на выявлении причин возникновения специфических затруднений педагогов; А.П. Гуреев разработал оригинальную классификацию профессиональных сложностей, характерных для сотрудников образовательных организаций; Е.В. Перенкова исследовала возможные способы преодоления трудностей, возникающие в практике педагогов; С.В. Аранова, Н.Н. Леонтьева, Н.С. Подходов и В.Г. Сусов проанализировали характерные сложности, с которыми регулярно сталкиваются учителя в своей деятельности.

В научной литературе встречаются различные подходы к пониманию сущности профессиональных затруднений педагогов, дефицитов профессиональных компетенций, трактовки понятия «профессиональные дефициты». Педагогические затруднения, которые исследовали в своих трудах Н.В. Кузьмина и А.А. Реан, рассматриваются как «субъективное состояние напряженности, тяжести, неудовлетворенности, которое вызывается внешними факторами деятельности и зависит от характера самих факторов, образовательной, нравственной и физической подготовленности человека к деятельности и отношения к ней» [8].

И.Ю. Вороткова под профессиональными дефицитами понимает осознанные или неосознанные недостатки в профессиональной компетентности, которые создают препятствия к осуществлению профессиональных действий [3]. Т.В. Потемкина профессиональные дефициты педагогических работников связывает с понятием профессиональных компетенций, которых недостаточно для эффективного осуществления образовательной деятельности [13]. С.В. Иванова описывает профессиональные дефициты как пробел в компетенциях педагога, которые препятствуют достижению планируемых

результатов обучения, воспитания и развития обучающихся [5]. А.К. Белолуцкая, В.А. Мкртчян, Т.В. Щербакова под термином «профессиональные дефициты» подразумевают затруднения педагога в понимании, осознании и применении отдельных профессиональных единиц [2].

Таким образом, в науке профессиональные дефициты связываются с дефицитарным характером профессиональных компетенций педагога, как затруднения, которые испытывает учитель при решении профессиональных задач. При этом профессиональные дефициты выступают как разница между компетенциями, требуемыми для выполнения трудовых функций и имеющимися у педагога в реальной ситуации. Именно данных подходов придерживаемся и мы, понимая под профессиональными дефицитами педагога недостатки или пробелы в профессиональных компетенциях, которые могут негативно сказываться на качестве реализации образовательного процесса.

Возникают вопросы: что является причиной профессиональных дефицитов, какие факторы определяют их появление. В данной статье попытаемся дать на них ответы. Известно, что любая профессиональная деятельность зависит одновременно от внутреннего состояния человека и внешнего окружения, в котором эта деятельность осуществляется. Именно поэтому целесообразно рассматривать профессиональные дефициты педагогов через призму обеих групп факторов: **субъективных и объективных**. Рассмотрим данные факторы, приводящие к возникновению профессиональных дефицитов.

Субъективные факторы связаны с внутренними особенностями самого педагога: его профессиональными качествами, мотивацией, уверенностью в себе, наличием или отсутствием специальных знаний и навыков. Эти факторы формируются в результате индивидуального опыта, наследственности, семейных традиций и влияют на поведение учителя в конкретной ситуации.

Одним из наиболее распространенных субъективных факторов являются проблемы мотивации педагогических работников. *Низкая мотивация* к профессиональному развитию появляется, когда у педагога отсутствует заинтересованность в повышении своей квалификации, получение новых знаний и освоение технологий. Отсутствие интереса к профессии и неудовлетворенность условиями труда негативно сказываются на профессиональной активности педагогов. Так, М.В. Крутецкий подчеркивает важность внутренней мотивации учителя, отмечая, что уровень заинтересованности преподавателя непосредственно влияет на качество образовательного процесса [7].

На возникновение профессиональных дефицитов также может влиять *низкий уровень самооценки*. Как отмечают психологи, низкая самооценка ведет к снижению уверенности в собственных силах и затрудняет развитие коммуникативных способностей учителя. Снижению самооценки педагога может также способствовать неспособность критически оценивать собственную практику, осознать собственные успехи и недостатки. Недостаточно развитое чувство собственной значимости и компетентности, неуверенность

в профессиональном мастерстве также могут обуславливать снижение самооценки педагогов. Следовательно, важно поддерживать адекватное и позитивное восприятие себя как профессионала, формировать уверенность учителей в своих педагогических компетенциях.

К субъективным факторам возникновения профессиональных дефицитов можно отнести определенные компетентностные ограничения, которые могут проявляться в *недостаточности предметных знаний*. Не случайно И.Ф. Исаев рассматривает дефицит знаний в контексте профессионально-педагогической компетентности преподавателя [6]. Так изменения в образовательной среде, в том числе технологического характера, могут создавать дополнительные вызовы педагогам, требуя от них постоянного обновления знаний и адаптации к новым условиям, непрерывного повышения квалификации [10]. Педагоги, не успевающие адаптироваться к этим изменениям, сталкиваются с дефицитами в знаниях.

К компетентностным ограничениям, дефицитам можно отнести *методические пробелы в компетенциях педагога*. Недостаточный опыт владения современными методами и технологиями обучения, неумение применять инновационные подходы резко снижают эффективность педагогического процесса. Так, снижению качества образовательной деятельности могут способствовать: затруднения педагога в проведении урока в соответствии с современными требованиями, слабая сформированность умения оперативного реагирования на нестандартные ситуации на уроке и др. Иногда причиной ощущения учителями профессиональных дефицитов могут выступить и коммуникативные трудности, трудности в установлении контакта с детьми, неспособность наладить доверительные отношения с учеником или коллективом класса, в организации проблемных диалогов на уроке.

Объективные факторы, напротив, представляют собой внешний контекст, в котором работает педагог. К внешним социальным условиям следует отнести влияние экономико-финансовой ситуации. Не всегда адекватное, как считают педагоги, низкое материальное вознаграждение, отсутствие должных стимулов и льгот для привлечения и удержания высококлассных специалистов снижает стремление педагогов к профессиональному росту и, как результат, возникновение профессиональных дефицитов в профессиональных компетенциях. Известно, что многие педагоги формально участвуют в программах дополнительного образования, что приводит к стагнации их профессиональных навыков. Если педагог не стремится к развитию и не выходит за пределы зоны комфорта, у него возникают профессиональные дефициты, связанные с отставанием от новых методик и технологий [16].

Известно, что для современной педагогической деятельности характерна повышенная нагрузка, напряженный ритм работы, что оказывают негативное влияние на профессиональное самочувствие педагогов, провоцируя профессиональный выгорание и формируя профессиональные дефициты. Поэтому снижению качества профессиональных компетенций учителей могут способствовать организационные условия работы: большое количество

формальной отчетности, порой, ненормированный рабочий график, чрезмерная ответственность за результаты обучающихся, бюрократическая подготовка документации, а иногда и вмешательство администрации в творческий процесс самого педагога.

Одной из наиболее острых объективных причин возникновения профессиональных дефицитов также является *дефицит времени педагога* для осуществления процессов самообразования и самосовершенствования. В современной педагогической науке эта проблема рассматривается через призму интенсификации педагогического труда [16]. Высокая учебная нагрузка, значительный объем внеурочной и воспитательной работы создают ситуацию, при которой время на профессиональное развитие и освоение инновационных технологий не хватает или выделяется учителем по остаточному принципу.

Наши наблюдения свидетельствуют, что причиной профессиональных дефицитов также может выступать качество подготовки будущих педагогов. Мы полагаем, что причиной профессиональных дефицитов могут быть и недостатки в системе педагогического образования, *недостаточное количество практических занятий и неактуальность учебных программ*. Недостаточная глубина и широта знаний, полученные в процессе подготовки, недостаточность практической подготовки, несоответствие содержания профессионального образования потребностям современного образования способствуют появлению профессиональных затруднений у молодых педагогов в дальнейшей работе, снижению мотивации к повышению своей квалификации и ликвидации профессиональных дефицитов.

Важно отметить, что необходимо комплексно учитывать влияние названных факторов. Их взаимозависимость очевидна. Приведенные субъективные и объективные факторы возникновения профессиональных дефицитов педагогов, с одной стороны, способствуют снижению качества профессиональной деятельности, а, с другой стороны, как мы полагаем, определяют возможности для самореализации и дальнейшего роста педагога. Одновременный учет обоих типов причин позволяет создать целостную картину проблемы и предложить решения, направленные на устранение дефектов профессиональной деятельности.

Преодоление и предупреждение появления профессиональных дефицитов мы связываем с реализацией дополнительного профессионального образования. Практика свидетельствует, что существующие формы дополнительного профессионального образования, переподготовки и повышения квалификации педагогов не в полной мере способствуют преодолению профессиональных дефицитов, поскольку не всегда учитывают индивидуальные и групповые запросы учителей на развитие тех или иных профессиональных компетенций. Мы полагаем, что современные формы дополнительного профессионального образования должны обеспечивать индивидуально-личностный подход к подготовке и переподготовке педагогов. В качестве такой

эффективной формы профессионального развития, на наш взгляд, выступает *корпоративная форма* повышения профессиональных компетенций и ликвидации профессиональных дефицитов педагогов, позволяющая осуществлять образовательную деятельность по запросу учителей, на основе диагностического выявления профессиональных дефицитов [12].

Необходимо отметить, что данная форма повышения квалификации педагогов получила большое распространение мире [17, 18]. В последние десятилетия корпоративная форма профессионального обучения прочно вошла в повседневную педагогическую практику, обретя заслуженное признание и получив весомое научное подтверждение своих многочисленных достоинств. В исследованиях ученых приводятся различные по объему трактовки данной формы обучения, их различия касаются полноты и детальности описания корпоративного обучения: наличия или отсутствия основных характеристик, его содержания, организаторов и т. д.

Так, О.А. Абдулаева и И.А. Греку понятие корпоративного обучения определяют как «индивидуальную систему обучения педагогического коллектива образовательной организации в соответствии с образовательной целью и задачами школы, связанную с совершенствованием компетенций и формированием мотивации педагогов» [1].

Близкие к данной позиции подходы у О.Г. Селивановой и Н.И. Санниковой, которые под корпоративным обучением понимают систему мероприятий, направленных на подготовку или переподготовку педагогов с учетом *цели и стратегии образовательной* организации [15]. И.Е. Девятова также в своем определении делает акцент на *решение реальных проблем*, выдвигаемых конкретными обстоятельствами профессиональной деятельности [4]. Многие исследователи, в частности С.А. Мыльникова, подчеркивают преимущества работы в команде посредством *профессиональной коммуникации*, благодаря которой педагоги обмениваются опытом, знаниями в процессе взаимодействия с коллегами в едином образовательном пространстве [9].

Анализ психолого-педагогических исследований в целом свидетельствует, что корпоративное обучение в рамках дополнительного профессионального образования представляет собой особый вид образовательных программ, предназначенных для удовлетворения образовательных потребностей конкретной организации и ее персонала. Основная цель такого обучения заключается в повышении профессиональной компетентности сотрудников и содействии достижению стратегических целей самой организации.

Основными характеристиками корпоративного обучения выступают его адресность и целенаправленность, выражающиеся в фокусировке на сотрудниках определенной организации, целесообразность, подразумевающую приобретение персоналом именно тех компетенций, которые необходимы работодателю, а также системность и целостность, интегрирующая процесс обучения в общую структуру управления предприятием.

Принцип целесообразности означает осознанный выбор образовательной организацией программ, наилучшим образом отражающих ее стратегию развития и нацеленных на формирование компетенций, актуальных как в краткосрочном, так и в долгосрочном периоде. Разработанные программы ориентированы на конкретные педагогические коллективы, имеют четко поставленные цели и измеряемые результаты, что подчеркивает необходимость использования компетентностного подхода при проектировании и реализации образовательных инициатив.

Таким образом, корпоративное обучение отличается уникальностью, индивидуализированностью и глубокой интеграцией в процессы функционирования организации, позволяя эффективно и своевременно отвечать на актуальные вызовы современности. Именно такое корпоративное повышение профессиональных компетенций организовано в МБОУ гимназии «Эврика» им. В.А. Сухомлинского (г. Анапа), в рамках которого реализуются индивидуально-ориентированные технологии устранения профессиональных дефицитов, учитывающие потребность в профессиональных знаниях и умениях, в которых нуждаются педагоги.

Перед началом корпоративного обучения нами было проведено исследование профессиональных дефицитов учителей начальных классов, результаты которого отражены в научной публикации [11]. При этом был выявлен достаточно большой разброс профессиональных дефицитов, связанных с профессиональными знаниями и умениями, достаточная часть которых относилась к содержательно-технологическим аспектам профессиональных компетенций, связанных с преподаванием различных предметов начальной школы.

В соответствии со сказанным одним из оптимальных решений проблемы преодоления содержательно-технологических профессиональных дефицитов среди педагогов в условиях корпоративного обучения будет выбор проблемы, связанной с развитием у учителей профессиональных компетенций ***в области формирования у младших школьников функциональной грамотности.***

Такое решение имеет ряд важных преимуществ. Кратко охарактеризуем их. Во-первых, проблема, связанная с формированием у учащихся функциональной грамотности, охватывает сразу *несколько образовательных областей*, предметов, таких как чтение, письмо, математика, цифровая культура и финансовая грамотность. Соответственно, программа повышения квалификации данного содержания позволяет охватить все эти аспекты, ликвидируя одновременно *разные виды профессиональных дефицитов* педагогов. Знания, полученные педагогами в данной ситуации, будут направлены непосредственно на формирование конкретных практических навыков у детей младшего школьного возраста. Это позволит учащимся успешно справляться не только с учебными, но и повседневными задачами и адаптироваться к современным условиям жизни.

Во-вторых, рассматриваемая проблематика курсовой подготовки соответствует государственному образовательному стандарту начального общего образования, который предусматривает формирование у учеников начальных классов *универсальных учебных действий*, что включает и функциональные навыки. Повышая квалификацию именно в данной сфере, учителя смогут успешнее развивать функциональные компетенции учащихся.

В-третьих, содержание курсовой подготовки учителей, связанное с формированием функциональной грамотности, предполагает *применение современных технологий*, знакомство с новыми цифровыми инструментами. Использование интерактивных досок, средств мультимедиа, различных электронных материалов и онлайн-тестов помогает педагогам сократить разрыв между традиционной и цифровой формами обучения.

Согласно выбранной тематике нами были определены форма реализации корпоративного дополнительного профессионального образования – ***дидактическая мастерская учителя «Формирование функциональной грамотности младших школьников: вызовы и современные практики»***.

Обозначенная форма работы с педагогами была выбрана не случайно. Дидактическая мастерская учителя представляет собой особый подход к профессиональному обучению педагогов, отличающийся рядом преимуществ по сравнению с традиционной формой («педагогическая мастерская»). Данная форма в отличие от обычной педагогической мастерской, направлена на интеграцию получения теоретических знаний и практического опыта, создание условий для активного взаимодействия участников с целью выработки решений реальных педагогических проблем. Это позволяет сочетать изучение современных методов обучения с непосредственным применением полученных знаний на практике.

В то же время дидактическая мастерская опирается на идеи традиционной педагогической мастерской: предоставляет пространство для анализа собственных достижений, для творчества и выявления путей дальнейшего совершенствования своей профессиональной деятельности. Участники активно взаимодействуют друг с другом, обмениваются опытом, обсуждают проблемы и находят пути их решения совместно, что способствует формированию профессионального сообщества единомышленников, поддерживающих развитие друг друга.

В ходе опытно-экспериментальной работы была разработана программа деятельности дидактической мастерской учителя и определены методические условия ее осуществления.

Анализ результатов реализации программы дидактической мастерской учителя «Формирование функциональной грамотности младших школьников: вызовы и современные практики» свидетельствует о значительной динамике сформированности профессиональных компетенций в рассматриваемой сфере, снижение профессиональных дефицитов у учителей в сравнении с исходными данными. Полученные результаты мы связываем, с одной

стороны, с выбором общей стратегией корпоративного профессионального обучения, которому свойственны адресность, коллективность и целенаправленность. Они выражаются в фокусировке на педагогах, имеющих общие профессиональные дефициты, целесообразность, подразумевающую приобретение персоналом именно тех компетенций, которые необходимы работодателю, а также системность и целостность, интегрирующая процесс обучения в общую структуру повышения квалификации учителей начальной школы. С другой стороны, позитивные результаты, на наш взгляд, обусловлены выбором тактики работы с учителями в рамках дидактической мастерской, направленной на комплексный подход к повышению квалификации педагогов, обеспечивающий интеграцию теории и практики, поддержку проявления самостоятельности, активности в освоении профессиональных компетенций и формирование профессионального сообщества.

Таким образом, в целом можно сделать следующие выводы. Возникновение профессиональных дефицитов у учителей начальных классов обусловлено совокупностью субъективных и объективных факторов. Их глубокое понимание и методически грамотный учет позволяют всесторонне изучить природу указанных дефицитов и на этой основе выработать научно обоснованные стратегии и тактики их предупреждения и устранения, создавая оптимальные условия для успешной самореализации и дальнейшего профессионального роста педагогов начальной школы. Организованная корпоративная форма повышения квалификации педагогов МБОУ гимназии «Эврика» им. В.А. Сухомлинского (г. Анапа) в области формирования функциональной грамотности младших школьников позволила решить важные задачи, связанные с восполнением профессиональных дефицитов, формированием целого спектра профессиональных компетенций у учителей начальных классов в контексте современных требований ФГОС, ФОП НОО, повышением мотивации, самооценки и общей удовлетворенности своей профессиональной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулаева, О. А. Внутрифирменное и корпоративное обучение учителей: анализ понятий / О. А. Абдулаева, И. А. Греку. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 1. – С. 4–8.
2. Белолуцкая, А. К. Профессиональные дефициты начинающих учителей московских школ / А. К. Белолуцкая, В. А. Мкртчян, Т. В. Щербакова. – Текст : непосредственный // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология», 2022. – 16 (1). – С. 55–77.
3. Вороткова, И. Ю. Профессиональные дефициты педагогов: понятие, причины возникновения, алгоритм выявления / И. Ю. Вороткова. – Текст : непосредственный // Педагогический ИМИДЖ. – 2022. – Т. 16 – № 3 (56). – С. 278 – 289.
4. Девятова, И. Е. Развитие педагогического потенциала учителя в системе корпоративного обучения / И. Е. Девятова. – Текст : непосредственный // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2016. – № 3 (28). – С. 138–146.

5. Иванова, С. В. Современные подходы к организации корпоративного обучения / С. В. Иванова. – Текст : непосредственный // Журнал управления развитием персонала. – 2023. – № 4. – С. 56–64.

6. Исаев, И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / И. Ф. Исаев. – М. : Академия, 2004. – С. 208. – Текст: непосредственный.

7. Крутецкий, В. А. Педагогические способности, их структура, диагностика, условия формирования и развития: учебное пособие / В. А. Крутецкий [и др.] – М. : Прометей, 1991. – С. 112. – Текст : непосредственный.

8. Кузьмина, Н. В. Профессионализм педагогической деятельности / Н. В. Кузьмина, А. Л. Реан. – Санкт-Петербург; Рыбинск : Научно-исследовательский центр развития творчества молодежи, 1993. – С. 54. – Текст : непосредственный.

9. Мыльникова, С. А. Корпоративное обучение как способ организации повышения квалификации профессорского преподавательского состава в условиях интеграционных процессов в образовании : диссертация кандидата педагогических наук : 13.00.08 / Светлана Андреевна Мыльникова. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 200. – Текст : непосредственный.

10. Писарева, С. А. Результат высшего педагогического образования в условиях реализации профессионального стандарта педагога / С. А. Писарева, Е. В. Пискунова. – Текст : непосредственный // Человек и образование. – 2014. – № 4 (41). – С. 27–32.

11. Попова, Е. В. Выявление профессиональных дефицитов среди учителей начальных классов: итоги исследования / Е. В. Попова, Е. А. Тупичкина – Текст : непосредственный // Вестник образования Армавирского педагогического университета. – 2025. – № 3. – С. 62–73.

12. Попова, Е. В. Организация корпоративного обучения в школе: методические рекомендации / Е. В. Попова. – Краснодар : Новация, 2025. – С. 56. – Текст : непосредственный.

13. Потемкина, Т. В. Диагностика профессиональных дефицитов как этап проектирования индивидуального образовательного маршрута педагога / Т. В. Потемкина – Текст : непосредственный // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2020. – № 2 (43). – С. 42–49.

14. Селиванова, О. Г. Корпоративное обучение педагогов как ресурс повышения профессиональной компетентности / О. Г. Селиванова, Н. И. Санникова // Концепт. – 2020. – № 9. – С. 14–24. – URL:<https://e-koncept.ru/2020/209043.htm> (дата обращения : 21.01.2026). – Текст: электронный.

15. Шейн, Э. Х. Организационная культура и лидерство / Э. Х. Шейн; перевод с английского под редакцией В. А. Спивака. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 336 с. – Текст: непосредственный.

16. Marquardt M., Waddill D. The power of learning in action learning : a conceptual analysis of how the five schools of adult learning theories are incorporated within the practice of action learning. – Action Learning : Research and Practice, 2004. – Pp.185–202.

17. Marilyn Osborn. Changing the context of teachers' work and professional development: A European perspective. – International Journal of Educational Research 45 (2006). – Pp. 242–253.

REFERENCES

1. Abdulaeva O. A., Greku I. A. In-house and corporate training of teachers: analysis of concepts. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*, 2019, no. 1, pp. 4–8. (In Russian).
2. Belolutskaya A. K., Mkrtychyan V. A., Shcherbakova T. V. Professional shortcomings of novice teachers in Moscow schools. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Pedagogika i psihologiya» = Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series : Pedagogy and Psychology*, 2022, no. 1 (59), pp. 55–77. (In Russian).
3. Vorotkova I. Yu. Professional Deficits of Teachers: Concept, Causes, and Identification Algorithm. *Pedagogical IMAGE = Pedagogicheskij IMIDZh*, 2022, vol. 16, no. 3 (56), pp. 278–289. (In Russian).
4. Devyatova I. E. Development of the teacher's pedagogical potential in the corporate training system. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikacii kadrov = Scientific support of the personnel development system*, 2016, no. 3 (28), pp. 138–146. (In Russian).
5. Ivanova S. V. Modern Approaches to the Organization of Corporate Training. *Zhurnal upravleniya razvitiem personala = Journal of Personnel Development Management*, 2023, no. 4, pp. 56–64. (In Russian).
6. Isaev I. F. *Professional'no-pedagogicheskaya kul'tura prepodavatelya: uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij* [Professional and Pedagogical Culture of a Teacher: A Textbook for Students of Higher Educational Institutions]. M. : Academy, 2004. 208 p. (In Russian).
7. Krutetsky V. A. *Pedagogicheskie sposobnosti, ih struktura, diagnostika, usloviya formirovaniya i razvitiya: uchebnoe posobie* [Pedagogical Abilities, Their Structure, Diagnostics, and Conditions for Formation and Development : A Textbook]. M. : Prometheus, 1991. 112 p. (In Russian).
8. Kuzmina N. V. *Professionalizm pedagogicheskoy deyatel'nosti*. [Professionalism of Pedagogical Activity]. Saint Petersburg; Rybinsk : Research Center for the Development of Youth Creativity, 1993. 54 p. (In Russian).
9. Mylnikova S. A. *Korporativnoe obuchenie kak sposob organizacii povysheniya kvalifikacii professorskogo prepodavatel'skogo sostava v usloviyah integracionnyh processov v obrazovanii : dissertaciya kandidata pedagogicheskikh nauk : 13.00.08* [Corporate Training as a Way of Organizing Professional Development for Academic Staff in the Context of Integration Processes in Education: Dissertation of a Candidate of Pedagogical Sciences : 13.00.08]. Saint Petersburg, 2009. 200 p. (In Russian).
10. Pisareva S. A., Piskunova E. V. The Result of Higher Pedagogical Education in the Conditions of the Implementation of the Professional Standard of a Teacher. *Chelovek i obrazovanie = Man and Education*, 2014, no. 4 (41). Pp. 27–32. (In Russian).
11. Popova E. V., Tupichkina E. A. Identification of Professional Deficits among Primary School Teachers: Research Results. *Vestnik obrazovaniya Armavirskogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Education at Armavir Pedagogical University*, 2025, no. 3, pp. 62–73. (In Russian).
12. Popova E. V. *Organizaciya korporativnogo obucheniya v shkole: metodicheskie rekomendacii* [Organizing Corporate Training at School: Methodological Recommendations]. Krasnodar : Novation, 2025, p. 56. (In Russian).

13. Potemkina T. V. Diagnosis of professional deficits as a stage of designing an individual educational path of a teacher. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikacii kadrov = Scientific support of the personnel development system*, 2020, no. 2 (43), pp. 42–49. (In Russian).

14. Selivanova O. G., Sannikova N. I. Corporate Training of Teachers as a Resource for Improving Professional Competence. *Koncept = The concept*, 2020, no. 9, pp. 14–24. URL : <https://e-koncept.ru/2020/209043.htm> (In Russian).

15. Shane E. H. *Organizacionnaya kul'tura i liderstvo* [Organizational culture and leadership]. St. Petersburg : Peter, 2003. 336 p. (In Russian).

16. Marquardt M., Waddill D. *The power of learning in action learning: a conceptual analysis of how the five schools of adult learning theories are incorporated within the practice of action learning*, Action Learning : Research and Practice, 2004. Pp.185–202.

17. Marilyn Osborn. *Changing the context of teachers' work and professional development: A European perspective*. International Journal of Educational Research 45 (2006). Pp. 242–253.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Тупичкина, Е. А. Факторы возникновения профессиональных дефицитов у учителей начальных классов и пути их преодоления / Е. А. Тупичкина, Е. В. Попова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 61–72.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tupichkina E. A., Popova E. V. Factors of the emergence of professional deficiencies in primary school teachers and ways to overcome them / E. A. Tupichkina, E. V. Popova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2026, no. 1, pp. 61–72. (In Russian).

УДК 37.047

**РОЛЬ НАСТАВНИЧЕСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ПРАКТИКЕ КАК МЕХАНИЗМА ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ
В УЧРЕЖДЕНИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ТЕХНИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

Е. М. Шишкин, А. А. Бердникова

**THE ROLE OF MENTORING IN EDUCATIONAL PRACTICE
AS A MECHANISM FOR THE FORMATION
OF COGNITIVE ACTIVITIES OF STUDENTS IN INSTITUTIONS
OF ADDITIONAL EDUCATION OF TECHNICAL FOCUS**

E. M. Shishkin, A. A. Berdnikova

Аннотация. В статье рассматривается модель наставничества, объединяющая педагога дополнительного образования и школьного учителя. Данная модель способствует формированию и совершенствованию у обучающихся компетенций в области технического конструирования и инжиниринга, обеспечивая подготовку к последующей конструкторско-изобретательской деятельности и содействуя профессиональной ориентации учащихся. Наставничество в системе образовательной практики технической направленности «Инжиниринговый проекторий» нацелено на расширение политехнического кругозора обучающихся, а также на формирование устойчивого интереса к современным техническим достижениям, инженерным профессиям и научно-исследовательской деятельности. По мнению авторов, активное вовлечение молодых педагогов в систему дополнительного образования технической направленности реализуется наиболее эффективно, если в образовательном учреждении существует институт наставничества по схеме опытный педагог – наставник – начинающий педагог – наставляемый.

Abstract. This article examines a mentoring model that brings together a supplementary education teacher and a school teacher. This model facilitates the development and refinement of students' competencies in technical design and engineering, preparing them for subsequent design and inventive work and facilitating their career guidance. Mentoring within the "Engineering Projection" technical educational practice system aims to broaden students' technical horizons and foster a lasting interest in modern technical achievements, engineering professions, and scientific research. According to the authors, the active involvement of young teachers in the system of additional technical education is most effectively realized if the educational institution has a mentoring system based on the scheme experienced teacher – mentor – novice teacher – mentee.

Ключевые слова: наставничество, педагогическая модель, обучающиеся, профессиональная ориентация, образовательная практика, техническое творчество, инжиниринг.

Keywords: mentoring, pedagogical model, students, career guidance, educational practice, technical creativity, engineering.

Согласно приказу Минпросвещения РФ № 196, с 24 марта 2023 года действует обновленный порядок аттестации педагогических работников. Среди ключевых требований к присвоению квалификационной категории «педагог-наставник» выделяются: наставничество в отношении педагогических работников образовательной организации, активного сопровождения их профессионального развития в образовательной организации; содействия в подготовке педагогических работников, в том числе из числа молодых специалистов, к участию в конкурсах профессионального (педагогического) мастерства [1].

Реализация системы наставничества сопряжена с максимальными сложностями в контексте технического образования. Данное обстоятельство обусловлено существенными факторами:

- необходимостью обеспечения образовательного учреждения соответствующими учебными и вспомогательными помещениями [2];
- необходимостью обеспечения образовательного учреждения соответствующей технической инфраструктурой [3];
- требованием к педагогическому персоналу обладать соответствующими компетенциями [4].

Для решения данной проблемы целесообразно внедрить систему наставничества в формате сетевого взаимодействия учреждений общего и дополнительного образования, реализовав образовательную практику, например на базе «Инжиниринговый проекторий» технической направленности.

В рамках реализации образовательной практики «Инжиниринговый проекторий» педагог Е.М. Шишкин Центра детского (юношеского) научно-технического творчества («Наставник») и педагог А.А. Бердникова центра «Точка роста» МАОУ СОШ № 25 («Наставляемая»), далее совместно именуемые «Стороны», заключили договор о сотрудничестве. Цель договора – реализация целевой модели наставничества в сфере дополнительного образования. В рамках сотрудничества наставляемая будет вовлечена в профессиональную деятельность: написание статей для научно-методических журналов, участие в конференциях, семинарах, вебинарах и конкурсах научно-технической направленности.

Образовательная практика «Инжиниринговый проекторий», ориентированная на техническое образование, нацелена на развитие у учащихся целостной системы ценностей: от патриотизма и законопослушности до уважения к труду, старшему поколению и семейным устоям. Особое внимание уделяется бережному отношению к культурному наследию, природе и здоровью.

Разрабатываемые школьниками технические проекты носят научно-исследовательский характер и обладают социальной ценностью, воплощая идеи инжиниринга, который представляет собой совокупность работ, направленных на разработку инновационного проекта посредством реализации, создания, а также продвижения и распространения конкретной инновации.

С данным комплексом компетенций, которые необходимо освоить обучающимся в процессе прохождения образовательной практики «Инжиниринговый проекторий», безусловно, должна быть знакома на уровне теории и практики наставляемая. В этой связи наставляемая была привлечена к разработке обучающей программы «Образовательная практика «Инжиниринговый проекторий», реализуемой как в МБУ ДО «Центр детского научно-технического творчества», так и в школах города Армавира. В процессе разработки программы у наставляемой возникали вопросы теоретического и практического плана, которые успешно разрешались наставником.

В совместном творчестве наставника и наставляемой была разработана программа «Образовательная практика «Инжиниринговый проекторий», имеющая техническую направленность. Ее содержание нацелено на развитие мотивации личности учащегося к познанию и интеллектуальному творчеству, на овладение навыками сбора и обработки технической информации, на создание условий для развития личности ребенка и обеспечения его эмоционального благополучия. Основная форма обучения в данной программе – проектная деятельность [5].

Определяя инжиниринговый проекторий как инновационную образовательную среду, мы выделяем, что проект учащегося имеет многие свойства товара. Он ограничен во времени и средствах, он закончен в своей реализации. При этом одна из форм работы учащихся – исследовательская деятельность – не выделяется, а органически вписывается в структуру проекта [6].

В инжиниринговом проектории создание и реализация проекта невозможны без сопровождения проекта со стороны наставника. В этом плане для наставляемой были важны усвоение этапов проекта и овладение навыками педагогической поддержки обучающихся. Для устранения данных дефицитов мы применяли в своем профессиональном взаимодействии интерактивный обучающий семинар, в ходе которого наставляемая непосредственно под руководством наставника участвовала в реализации технических проектов обучающихся в МБУ ДО «Центр детского научно-технического творчества» города Армавира.

Образовательная практика «Инжиниринговый проекторий» служит инструментом раскрытия творческого потенциала учащихся и развития их исследовательских компетенций. В ходе занятий школьники осваивают базовые принципы физики, механики и электроники, формируют конструкторские навыки, а также учатся прогнозировать результаты и последствия принимаемых решений. Работа организуется индивидуально либо в малых группах, что позволяет четко распределить зоны ответственности между участниками. Итогом работы становится технический проект – собранная конструкция, которая затем представляется на профильных выставках, конкурсах и конференциях разного уровня.

Образовательная практика «Инжиниринговый проекторий» рассчитана на учебные группы разного возраста. Она учитывает особенности ведущей

деятельности (учение, общение, учебно-профессиональная деятельность), мотивацию и интересы учащихся (эстетические интересы, общение со сверстниками, профессиональное самоопределение), а также оптимальные формы взаимодействия: для среднего возраста – коллективная работа, для старших – доверительное общение с опорой на самостоятельность.

Образовательная практика рассчитана на работу с одаренными детьми: разрабатывается индивидуальный учебный план, исходя из выбранной темы технического проекта, индивидуальных возможностей и потребностей ребенка. Данный этап проекта наиболее значим в его реализации, поскольку определяет специфику и психологические особенности детей в составлении индивидуального педагогического маршрута. Во взаимодействии с наставляемой мы уделяли большое значение разработке индивидуальных маршрутов – образовательных траекторий. Наставляемая, под руководством наставника, разрабатывала данные маршруты, вносила в них коррективы, изучая особенности и привычки детей.

Цель создаваемой образовательной траектории – создание условий для развития технических способностей и творческого потенциала учащихся посредством вовлечения его в проектную и исследовательскую деятельность через освоение основ инженерно-технического конструирования.

Задачи создаваемой образовательной траектории:

- *образовательные*: ознакомление с историей развития техники и современными достижениями; формирование умений и навыков осуществлять расширенный поиск информации в соответствии с исследовательской задачей с использованием ресурсов библиотек и сети Интернет; формирование навыков работы с технической документацией; привитие навыков ориентироваться на разные способы решения познавательных исследовательских задач;

- *воспитательные (личностные)*: формирование ответственного отношения к учению, готовности и способности учащихся к саморазвитию и самообразованию; формирование культуры общения и поведения со сверстниками в процессе разных видов деятельности; развитие самостоятельности, личной ответственности за свои поступки; приобретение стремления к самоутверждению через освоение технического конструирования и творческую деятельность;

- *развивающие*: развитие мотивации к успешному освоению профессий инженерно-технической направленности, потребности в саморазвитии, самостоятельности, ответственности, активности и аккуратности.

Характерной чертой образовательных проектов созданных в рамках образовательной практики является интеграция исследовательской деятельности в общую структуру проектной работы, без ее обособления. Формирование нового знания или разработка инновационного продукта требуют проведения предварительного исследования по выбранной тематике, а для успешной

реализации проекта необходимо проанализировать потребности и выгоды целевых пользователей. Доказательством приобретения новых знаний может выступать успешное участие обучающихся в технических выставках, конкурсах и конференциях разного уровня – в частности, их победы в таких мероприятиях.

В рамках совместной деятельности наставник – наставляемая были с успехом реализованы несколько проектов, в основе которых лежало освоение программы «Образовательная практика «Инжиниринговый проекторий». Так обучающаяся МАОУ СОШ № 25 Вероника Гайдаржи завоевала в 2025 году диплом 1 степени Всероссийского конкурса медиаторчества и программирования среди учащихся «24bit» (г. Москва), проводившегося под патронажем Федерального центра технического творчества учащихся. Святослав Бердников получил Диплом 1 степени Всероссийского конкурса научно-технического творчества учащихся «Юные техники XXI века» (г. Москва), организованного Министерством науки и высшего образования РФ.

Масштабируемость педагогического процесса – это способность образовательной системы к расширению и адаптации без потери качества обучения при увеличении числа участников или изменении условий реализации. Масштабируемость образовательной практики «Инжиниринговый проекторий» обеспечивается следующими факторами:

- *гибкость обучения*: учащийся сам выбирает тему своего проекта, темп работы над проектом и объемом поднимаемой проблемы; педагог имеет возможность управлять этим процессом, имея управляющий или совещательный голос в зависимости от стадии реализации проекта и степени подготовки учащегося;

- *открытость обучения*: преподаватель, используя субъектный опыт учащегося, планирует информационную, научную либо производственную площадку на которой будет представлен или апробирован проект;

- *персонализация обучения*: кластерная структура образовательной практики, где каждый кластер разбит на модули – автономные планируемые единицы в учебной деятельности дает возможность каждому учащемуся проходить курс обучения в оптимальном для него темпе;

- *экспертная поддержка*: осуществляется при реализации проекта, участии в выставках, конференциях и иных мероприятиях всероссийского и международного уровней учащихся и их педагогов;

- *профессионализм педагогического состава*: во многом реализуется через наставничество в системе опытный педагог – начинающий педагог, под руководством наставника наиболее эффективно осуществляется передача опыта и традиций технической школы.

Таким образом, роль наставничества в образовательной программе «Образовательная практика «Инжиниринговый проекторий», как механизма формирования познавательной деятельности и технологических компетенций

обучающихся в учреждениях дополнительного образования технической направленности, имеет непреходящее значение. Наставничество способствует эффективной передаче опыта молодым педагогам, поддерживает и развивает традиции, складывающиеся десятилетиями в научных технических школах России. Активное вовлечение молодых педагогов в систему дополнительного образования технической направленности реализуется наиболее эффективно, если в образовательном учреждении существует институт наставничества по схеме опытный педагог – наставник – начинающий педагог – наставляемый.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Приказ Минпросвещения РФ от 24 марта 2023 года № 196 «Об утверждении порядка проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность» – URL : <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=449829&ysclid=mlt9tpnvx5527787467> (дата обращения : 10.08. 2025) – Текст : электронный.
2. Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 28 сентября 2020 года № 28 «Об утверждении санитарных правил СП 2.4.3648-20 "Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи» – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403709682/?ysclid=mlta542iss767743089> (дата обращения : 10.08. 2025) – Текст : электронный.
3. Положение об учебных мастерских общеобразовательной школы – URL : <https://docs.cntd.ru/document/902005557> (дата обращения : 10.08. 2025) – Текст : электронный.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» – URL : <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=503791&ysclid=mlt9zd513p291540404> (дата обращения : 10.08. 2025) – Текст : электронный.
5. Сопровождение проектной деятельности учащихся / И. Ю. Жильцова, Е. В. Масловская. // М. : НИЯУ МИФИ – 2019. – URL : https://mephi.ru/content/public/uploads/files/proektnaya_deyatelnost_shkolnikov_kak_ushpeshno_predstavit_svoy_proekt_i_p.kurse.pdf (дата обращения 10.08. 2025) – Текст: электронный.
6. Реализация проектно-исследовательской деятельности как инновационной педагогической технологии в воспитательном процессе – URL : <https://moluch.ru/th/2/archive/222/7321> (дата обращения : 10.08. 2025) – Текст : электронный.

REFERENCES

1. *Prikaz Minprosveshcheniya RF ot 24 marta 2023 goda № 196 «Ob utverzhdenii poryadka provedeniya attestacii pedagogicheskikh rabotnikov organizacij, osushchestvlyayushchih obrazovatel'nyu deyatelnost'»* [Order N. 196 of the Ministry of Education of the Russian Federation dated March 24, 2023, "On Approval of the Procedure for Attestation of Teachers in Educational Organizations"]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=449829&ysclid=mlt9tpnvx5527787467> (In Russian).

2. *Postanovlenie Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha Rossiyskoi Federatsii ot 28 sentyabrya 2020 goda № 28 («Ob utverzhdenii sanitarnykh pravil SP 2.4.3648-20 "Sanitarno-epidemiologicheskiye trebovaniya k organizatsiyam vospitaniya i obucheniya, otdykha i ozdorovleniya detey i molodezhi»* [Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of September 28, 2020 N. 28 "On approval of sanitary rules SP 2.4.3648-20 "Sanitary and epidemiological requirements for organizations for the education and training, recreation and health improvement of children and youth"]. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403709682/?ysclid=mlta542iss767743089>_(In Russian).

3. *Polozheniye ob uchebnykh masterskikh obshcheobrazovatelnoy shkoly* [Regulations on educational workshops of comprehensive schools]. URL : <https://docs.cntd.ru/document/902005557> (In Russian).

4. *Federalnyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 29 dekabrya 2012 g. № 273 – FZ «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii»* [Federal Law of the Russian Federation of December 29, 2012 No. 273-FZ «On Education in the Russian Federation»]. URL : <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=503791&ysclid=mlt9zd513p291540404>_(In Russian).

5. Zhiltsova I. Yu., Maslovskaya E. V. *Soprovozhdeniye proyektnoy deyatel'nosti uchashchikhsya* [Support for students' project activities]. M., NRNU MEPhI, 2019. URL : https://mephi.ru/content/public/uploads/files/proektnaya_deyatelnost_shkolnikov._kak_u_spešno_predstavit_svoy_proekt_i_p.kurse.pdf_(In Russian).

6. *Realizatsiya proyektno-issledovatel'skoy deyatel'nosti kak innovatsionnoy pedagogicheskoy tekhnologii v vospitatel'nom protsesse* [Implementing project-based research as an innovative pedagogical technology in the educational process]. URL : <https://moluch.ru/th/2/archive/222/7321/>_(In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Шишкин, Е. М. Роль наставничества в образовательной практике как механизма формирования познавательной деятельности учащихся в учреждениях дополнительного образования технической направленности / Е. М. Шишкин, А. А. Бердникова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 73–79.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Shishkin E. M., Berdnikova A. A. The role of mentoring in educational practice as a mechanism for the formation of cognitive activities of students in institutions of additional education of technical focus / E. M. Shishkin, A. A. Berdnikova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2026, no. 1, pp. 73–79. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

УДК 94 (470.6) "18"

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ, ОПРЕДЕЛЯВШИХ ХАРАКТЕР СИТУАТИВНОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Ю. Д. Алёшин

ON THE FACTORS THAT DETERMINED THE SITUATIONAL DEVELOPMENT OF THE NORTH CAUCASUS BORDERSHIP OF THE RUSSIAN EMPIRE (LATE 18TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY)

Yu. D. Aleshin

Аннотация. В статье акцентируется внимание на разнородных факторах, повлиявших на ход и развитие ситуации на северокавказском порубежье Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX столетий. Среди них определяющую роль сыграло геополитическое соперничество России с Оттоманской Портой и Персидской державой, боровшихся друг с другом за установление своего доминирующего влияния в регионе. Не менее важным влиянием обладала российская колонизация, направленная на Северный Кавказ, характер взаимодействия различных групп колонистов с автохтонными народами и вырвавшимися на этой почве противоречиями. Ситуацию сильно осложняли перманентные разногласия между кавказскими владельческими фамилиями, которые постоянно перерастали в междоусобную вражду и вооруженное противостояние. Вмешательство России, которая часто принимала на себя роль медиатора или помощника обиженным, провоцировало недовольство их соперников и содействовало росту противостояния, вылившегося в многолетнюю Кавказскую войну.

Abstract. This article focuses on the diverse factors that influenced the course and development of the situation on the North Caucasus borderland of the Russian Empire in the late 18th and first half of the 19th centuries. Among these, the geopolitical rivalry between Russia and the Ottoman Porte and the Persian Empire, which fought for dominant influence in the region, played a decisive role. No less significant was Russian colonization of the North Caucasus, the nature of the interactions between various colonist groups and indigenous peoples, and the resulting contradictions. The situation was greatly complicated by persistent disagreements between Caucasian ruling families, which regularly escalated into internecine feuds and armed conflict. Russia's intervention, often acting as a mediator or facilitator for the aggrieved, provoked discontent among their rivals and contributed to the escalation of the confrontation, which culminated in the long-running Caucasian War.

Ключевые слова: северокавказский фронт, политические контакты, ситуация неопределенности, горские общества, военная экспансия, непримиримость.

Keywords: North Caucasian frontier, political contacts, situation of uncertainty, mountain societies, military expansion, intransigence.

На Северный Кавказ Россия пришла в поисках естественных границ для своих южных рубежей, а также из-за геополитического соперничества с Османской Портой и Персией, поскольку «государство, упирающееся в Черное и Каспийское моря, не может быть равнодушно к тому, что происходит на кавказском перешейке, который в полном смысле командует этими морями» [21, с. 113]. Кроме того, «охранять свои южные бассейны Россия», по мнению российского имперского геополитика Р.А. Фадеева, «могла только с кавказского перешейка» [21, с. 37]. По этой причине Северный Кавказ стал площадкой «динамического состязания между Россией, Турцией и Ираном» [3, с. 10] и приобрел значение ключевого фактора для обладания черноморско-каспийским пространством.

Другой российский политический мыслитель XIX века, Н.И. Тургенев, подчеркивал в южных и восточных устремлениях России первостепенность геополитики и цивилизаторской миссии и считал, что «истинные интересы русской политики находятся не на Западе, а на Востоке... Восток открывает для русской политики поле столь обширное, сколь и легкое для возделывания» [19, с. 443]. К тому же потребность в расширении границ России «движет цивилизацию вперед, побуждая вторгаться в пределы варварства, всеми средствами подрывать его, прибегая даже к такой ужасной мере, как война» [19, с. 373], а «для широкого развития будущей цивилизации нужно больше пространств, выходящих к морю» [19, с. 373], в данном случае к морю Черному и Каспийскому.

С Кабарды и шамхальства Тарковского началось установление политических контактов с местными северокавказскими владельцами, которые к началу XIX века переросли устойчивое взаимодействие, хотя и не всегда конструктивное. В условиях перманентных разногласий между кавказскими владельческими фамилиями, которые постоянно перерастали в междоусобную вражду и вооруженное противостояние, Россия часто принимала на себя роль медиатора или помощника обиженным, чем провоцировала недовольство их соперников.

Войны с османами и крымскими ханами в XVIII веке, а затем в первой половине XIX века в 1806–1812 гг., 1828–1829 гг. и с персами в 1804–1813 гг. и в 1826–1828 гг. привели к необходимости возведения кордонных укрепленных линий с крепостями на принадлежащих или контролировавшихся местными владельцами землях, что вызывало напряженность в отношениях между сторонами. Постройка русскими крепостей и устройство станиц на линии фронта с размещением в них казаков, а затем начавшееся крестьянское переселение на равнины Предкавказья нарушили прежний уклад жизни

местных горских обществ, «их торговые и соседские отношения с ближайшими народами» [6, с. 70]. Например, только одна Константиногорская крепость «по положению своему представляла важный стратегический пункт, заграждавший кабардинцам легчайший доступ в сношениях с кубанским краем и возможность хищническим партиям скрываться в группе так называемых Бештовых гор» [6, с. 70].

Следствием было то, что «со времени отобрания земель, необходимых для пастбищ, среди кабардинцев и образовалась партия, враждебная России» [6, с. 91]. К этому прибавлялось также то обстоятельство, что русская колонизация по своему характеру «была не мирная, не культурная, а боевая и военная» [6, с. 71], потому вместо расширения мирных отношений обе стороны постепенно втянулись в тяжелую борьбу, приобретающую, например, при начальствовавшим на Кавказе князе П.Д. Цицианове (1802–1806 гг.), а потом при генерале А.П. Ермолове (1816–1827 гг.) вид взаимного ожесточения.

Кабардинские князья к началу XIX века «дополнительно лишились значительных территориальных владений и данников-горцев, издавна арендовавших у них участки равнины под пастбища и пашню» [4, с. 192]. Потому кабардинские князья отказывались в большинстве своем от установленных империей порядков, а «военное поражение кабардинцев помимо прямых людских потерь привело к миграции значительной массы населения к верховьям Кубани и к Лабе» [4, с. 192].

Противоречия с кабардинцами выростали также и потому, что сталкивались две разнонаправленные модели социокультурного и хозяйственного существования. Для имперской стороны «груз давнего противостояния со степью и кочевниками усугублял неприятие Россией скотоводческой модели хозяйства на территориях, удобных для земледелия. Для кабардинцев и значительной массы остальных адыгов, расселявшихся на плоскости и занимавшихся скотоводством, российское вмешательство в строй их жизни оказалось чревато кардинальными переменами, и было встречено предельно негативно» [4, с. 192].

Что касалось Тарковских кумыков, которые по большей части культивировали земледельческую форму хозяйства, острого конфликта с русскими у них не происходило, «при том, что из экономического оборота последних, хотя и в значительно меньших по сравнению с Кабардой размерах, также изымались земли» [4, с. 192]. В силу того, что хозяйственная деятельность кумыков была преимущественно земледельческой, а потому понятной русским и не вызывала в них негативных коннотаций. Со стороны кумыкских владельцев изъятие из их хозяйственного оборота части земель компенсировалось иными возможностями от взаимодействия с российскими властями – премиями, пенсиями или пожалованиями, воинскими чинами, связанными со службой российскому императору. От дружественных отношений с кумыками зависело существование русской восточной торговли и безопасность вокруг г. Астрахани.

Одновременно и по мере укрепления позиций России на Северном Кавказе тот же социокультурный фактор и его неприемлемость для местных обществ «сработал на обострение отношений с жителями горных районов края» [4, с. 193]. Военная экспансия горцев (чеченцев), их «сползание» на равнины, их походы за добычей на казачьи и другие поселения кордонных линий, получившие в российской имперской историографии название «хищничество», не способствовали взаимному миролюбию и пониманию.

Так с конца XVIII века все более накалялись отношения с чеченскими обществами, которые значительно усилили свою социальную активность (движение шейха-Мансура 1785–1791 гг.), а также отреагировали на устройство кордонных линий по Сунже и Тереку расширением экспансии на равнины, где подвергали опустошительным набегам старожильческие селения русских поселенцев.

Новый всплеск противостояния России с кавказскими народами был предопределен фактом присоединения Грузии в 1801 г. к империи. После этого новой задачей России сделалось спасение единоверного народа, истомленного вековой борьбой с турками, персами и кавказскими горами, от истребления «хищными соседями», а также усмирение и подавление «вечно кипящего кавказского котла» [1, с. 20], чуждого всем параметрам имперского существования. Это способствовало разворачиванию событий, которые в отечественной историографии получили название «Кавказская война».

На Северном Кавказе Российская армия столкнулась с противником, с которым прежде не встречалась: «это были не феодальные ополчения и не взявшиеся за оружие мирные обыватели. Противником оказались народы, у которых владение оружием составляло одну из важнейших частей быта. Приобретение боевых навыков в горском обществе неразрывно связывалось с социализацией, а перманентная война являлась обычным состоянием» [10, с. 69].

Первоначально Санкт-Петербург не ставил себе цель продвижения в горные районы Северного Кавказа, а потому там не планировали обострять отношения с горскими обществами, тем более, не стремились к их покорению. Российская политика долго не имела доминирующей определенности и постоянно колебалась от «ласканий» и заискивания с местной элитой до «сердитости» и карательных экспедиций в горы. Для политических элит имперской России важнейшим моментом в пространстве между Черным и Каспийским морями было стратегическое соперничество с Оттоманской Портой и Персией, а также желание обеспечить безопасную торговлю российскому купечеству в его взаимодействии со странами Востока, а не пререкания с многочисленными горскими обществами.

Однако, опыт многих лет пребывания на северокавказском пограничье и попытки ограничиваться оборонительными действиями (отгородиться кордонными линиями) в отношениях с горским населением показали неэффективность такой стратегии. По мнению В.В. Лапина, соглашения между

сторонами часто не выполнялись, а российские карательные акции лишь увеличивали число жертв с обеих сторон [10, с. 24]. Непримируемость горской среды к русским, которых воспринимали во владельческих кругах как угрозу или конкурента, агрессивная реакция на действия российских властей со стороны «демократических» сельских общин региона заставили Санкт-Петербург пересмотреть свои первоначальные подходы и вынудили уполномоченных центром начальников перейти к активным действиям по усмирению и покорению народов северокавказского пограничья при одновременном передвижении линии фронта в южном направлении.

Движение с севера на юг вызывалось также необходимостью, отодвинуть горскую угрозу от линии русской колонизации, добиться получения необходимых для аграрной деятельности пространства и земельного фонда, обеспечения для новопривывавших контингентов новопоселенцев сносных жизненных условий и безопасности.

Русская колонизация порождалась острой необходимостью получения средства, способного скрепить новоприобретаемое кавказское пространство с основным телом империи: без славяно-русского и иных христианских народов крайне трудно было сохранять имперское присутствие в инородных регионах, населенных неприязненным к империи местными народами.

Как отмечает современный отечественный исследователь, «сложность усилий в Кавказском крае по сближению с Россией умножалась, как категорическим требованием внедрять в местную гражданскую жизнь монархических начал империи, среди народов, таких начал не имевших, так и потому, что сам процесс сближения реализовывался в ситуации длительного вооруженного противостояния» [7, с. 440]. При этом заселение колонистами отдельных территорий имело свою специфику, порождавшуюся местными условиями и обстоятельствами расширявшихся масштабов войны.

Помимо казаков основными контингентами славяно-русских переселенцев были государственные крестьяне, выселявшиеся из Центральных и Южных губерний России из-за создавшегося там малоземелья [7, с. 443]. Например, на равнинное Ставрополье переселялись выходцы из Курской и Орловской губерний, вслед за которыми устремились крестьяне Владимирской, Воронежской, Екатеринославской, Киевской, Полтавской, Саратовской, Тамбовской и Харьковской губерний [12, с. 12]. Первые славяно-русские крестьяне на территориях Кабарды стали поселяться, образуя слободы Прохладная и Солдатская и село Приближенное, в конце XVIII – начале XIX века [20, с. 34]. Такие переселения способствовали разрастанию «имперского ядра» за счет присоединения к нему сопредельных окраин [16, с. 40–41], а значит, укрепляли позиции России в крае.

Кроме того, процессы колонизации неизбежно выходили за рамки хозяйственного освоения кавказских территорий и сочетались с процессами формирования политического и социокультурного пространства империи. В этом отношении данный тип колонизации сближается по смыслу с термином «фронтир», который был ранее использован автором, и который был

заимствован у американского историка Ф.Д. Тернера [18, с. 14]. Фронтир, как граница и порубежье, «приобретал черты подвижной зоны закрепления и освоения, зоны, которая... должна была сближать внутреннее и внешнее пространства» [16, с. 41].

В этой связи стала изменяться география военного противостояния. Если первоначальные стычки русских с горцами главным образом локализовались вдоль линии рек Кубань, Терек и Алазань, то с 20-х гг. XIX в. главной ареной противостояния сделался по преимуществу почти весь Северо-Восточный и отчасти Северо-Западный Кавказ. Страсти постоянно накалялись, чему способствовали не только геополитическая обстановка и притязания геополитических соперников России, но и почти ежедневные выпады со стороны горских наезднических партий, а также характер и личностные качества российских главнокомандующих на Кавказе.

Наиболее жестким получилось противостояние местных миров с «русским цивилизационным проектом» в высокогорных районах Чечни, Дагестана и Черкесии, которые приобрели там форму очаговой локальности. На равнинах и предгорьях такое противостояние было относительно быстро преодолено. Как подметил британский исследователь Чарльз Кинг, «на практике экспансия России на Кавказе всегда была вопросом высоты, а не широты» [5, с. 38], потому как само явление, так и сам термин «завоевание Кавказа» можно применять по большей части «к областям, которые мучили имперских стратегов: к районам высокогорья Кавказа» [5, с. 39].

Генералом А.П. Ермоловым внедрялся в горах весьма эффективный метод установления прочного военно-политического контроля над горскими территориями, которые охватывались сетью прорубавшихся через дремучие леса просек, устройством дорог, возведением на стратегических направлениях крепостей, которые блокировали непокорных горцев в ущельях Большого Кавказского хребта. Русские работали и уповали не только на пушки, ружья и штыки, но и на топоры, кирки и лопаты [3, с. 30]. Генерал Ермолов ранее других понял, что Северный Кавказ нельзя покорить штурмом – только долгой, терпеливой каждодневной работой и планомерной осадой, добиваясь предельного ограничения свободы действий и истощения средств существования у своих противников [2, с. 159].

В северо-восточной части Кавказа, которая тогда русскими считалась главной цитаделью горского сопротивления, выстраивалась генералом Ермоловым опасная для горцев стратегическая ситуация, в рамках которой предполагалось «не только блокировать горные районы Чечни и Дагестана с севера, но и разделить эту территорию на несколько изолированных зон, где оборонительные возможности горцев будут сведены до минимума...» [2, с. 163]. К этому следует добавить, что «осадную» работу генерал Ермолов сочетал с одновременными ударами по наиболее важным для горцев локациям.

Дагестан в 1821–1826 гг., испытав на себе «силу русского оружия» и «отчасти поняв мирные цели северных пришельцев» [15, с. 234], переживал относительно мирный период в отношениях с российскими властями,

хотя воинственный быт не мог быстро уйти из местной повседневности. По этой причине мирное течение событий часто прерывались спорадическими «эпизодами местных смут, быстро возникавших и быстро исчезающих, потому что массы населения были пока на стороне мира с русскими» [15, с. 234].

Однако там подспудно вызревала весьма опасная для русских идеология мюридизма, которую мулла Кодухский и мулла Гаджи Казикумухский опробовали в 1825 г. в Чечне, будучи сподвижниками Бей-Булата. Среди чеченцев они выступали с речами и указывали на муллу Курали Магому, которого «Бог избрал его для освобождения от русских» [14, с. 228–229]. Призывы к войне с неверными, «пытающимися уничтожить или исказить магометанство», способны были сплотить горцев, «заместить недостающую идею национального единства» [14, с. 236], которой в горах Чечни и Дагестана тогда не было.

На Северо-Западном Кавказе активное противостояние русских с многочисленными адыгскими обществами развернулось только после войны с турками 1828–1829 гг. Вытеснив турок с побережья и отняв главный их оплот и плацдарм влияния на восточном побережье Черного моря – Анапу, российские власти могли начать планомерное наступление на адыгов, лишив их идейной и открытой военной поддержки османских султанов. Немало проблем им создавало крейсерство военных судов Черноморского флота вдоль восточного побережья Черного моря [9, с. 327–376]. Для усиления изоляции прибрежных территорий кавказского побережья Черного моря стала возводиться Черноморская береговая линия (17 укреплений от Новороссийска до Гагр) в течение 1830–1840 гг. [8, с. 41–48].

Кроме турок прибрежным горцам всячески стремились содействовать англичане, которые посылали на Северный Кавказ своих эмиссаров и морские суда с военным снаряжением и оружием [11; 17; 13, с. 155–176]. Политические круги Британии отказывались признавать черкесов подданными России и всячески содействовали поддержанию вражды к русским среди горцев. В британском парламенте очень беспокоились, что завоевание русскими Кавказа даст России «неограниченную власть над Турцией, Персией и всеми странами Востока» [13, с. 173], чего они допустить не желали. Страсти настолько были накалены, что наиболее нервные парламентарии требовали «отправки британского флота в Черное море или даже превентивной войны» [13, с. 173] с русскими. До времени британское правительство удерживалось от радикальных действий против России, но в консультациях со своими европейскими единомышленниками в отношении русских и их действий на Кавказе у англичан возникла идея «запретить всякое присутствие русского флота в Черном море» [13, с. 173] и которую они осуществляют вместе с Францией накануне и во время Крымской войны 1853–1856 гг.

Однако вплоть до 1859 г., по-прежнему, основным театром военных действий (ТВД) на Северном Кавказе оставались Чечня и Дагестан, где

с 1834 г. после утверждения власти 3-го имама Шамиля сопротивление русскому проникновению в горы приобрело организованные и идейно мотивированные формы и отличалось большим упорством. Против русских стали действовать хорошо структурированные сплоченные ополчения мюридов, которым имам Шамиль стремился придать форму регулярной армии. Кроме того, горцы обзавелись артиллерией, где основной контингент артиллеристов состоял из русских солдат-перебежчиков и польских дезертиров [14, с. 449–451].

Таким образом, под воздействием множества факторов общая ситуация на северокавказском пограничье была противоречивой и неустойчивой. Долгое время политической и социальной неопределенности в крае содействовали геополитические претензии и соперничество трех сопредельных держав – России, Персии и Османской Порты – боровшихся между собой за доминирование на Кавказе, при растущем вмешательстве европейских игроков – Англии и Франции, стремившихся всячески вредить России.

Много лет не способствовала устойчивому развитию края Кавказская война, вылившаяся в долгое противостояние части непримиримых к русским горцев, ставшая результатом непонимания намерений и целей сторон, а также реакцией на нововведения, привносимые в горы русскими. Ситуация приняла необратимый характер и проявила свои черты и тенденции после пленения имама Шамиля и замирения северо-восточной части Кавказа к концу 50-х гг. XIX века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гордин, Я. А. Кавказская Атлантида. 300 лет войны / Я. А. Гордин. – М. : Время, 2014. – 128 с. – Текст : непосредственный.
2. Дегоев, В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе / В. В. Дегоев. – М. : Русская панорама, 2001. – 448 с. – Текст : непосредственный.
3. Дегоев, В. В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год) / В. В. Дегоев. – М. : Навона, 2009. – 128 с. – Текст : непосредственный.
4. Карпов, Ю. Ю. Россия и этносоциальные процессы на Северном Кавказе в Новое и Новейшее время / Ю. Ю. Карпов. – Текст : непосредственный // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия». Исторические чтения. – СПб. : Звезда, 2001. – С. 190–202.
5. King C. The Ghost of freedom. A History of the Caucasus – New York: Oxford university press, 2008. – 291 p.
6. Кудашев, В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. К 300-летию Дома Романовых / В. Н. Кудашев. – Киев : Типография С. В. Кульженко, 1913. – 303 с. – Текст : непосредственный.
7. Лазарян, С. С. Кавказ под управлением князя М. С. Воронцова (1844–1854 гг.) / С. С. Лазарян. – М. : Проспект, 2022. – 768 с. – Текст : непосредственный.
8. Лазарян, С. С. Служба поляков в укреплениях Черноморской береговой линии и на судах Черноморского флота. 1830–1856 годы / С. С. Лазарян, Ю. Ю. Клычников. – Пятигорск : ПГУ, 2023. – 356 с. – Текст : непосредственный.

9. Лазарян, С. С. Польский сюжет в кавказско-черноморских реалиях XIX века / С. С. Лазарян, Ю. Ю. Клычников. – М. : Проспект, 2024. – 568 с. – Текст : непосредственный.
10. Лапин, В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. / В. В. Лапин. – СПб. : Европейский Дом, 2008. – 400 с. – Текст : непосредственный.
11. Лонгворт, Дж. Год среди черкесов: В 2 т. / Дж. Лонгворт / Перевод с английского В. М. Аталиков. Нальчик : Эль-Фа, 2002. – 540 с. – Текст : непосредственный.
12. Невская, Т. А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта / Т. А. Невская, С. А. Чекменев. – Минеральные Воды : Кавказская здравница, 1994. – 167 с. – Текст : непосредственный.
13. Осли, Э. Покорение Кавказа. Геополитическая эпопея и войны за влияние / Э. Осли / Перевод с французского Е. Д. Богатыренко. – М. : Плюс-Минус, 2008. – 624 с. – Текст : непосредственный.
14. Покровский, Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Н. И. Покровский. – М. : РОССПЭН, 2009. – 584 с. – Текст : непосредственный.
15. Потто, В. А. Кавказская война: В 5 т. / В. А. Потто. – М. : Центрполиграф, 2006. – Т. 2. – 591 с. – Текст : непосредственный.
16. Сибирь в составе Российской империи. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с. – Текст : непосредственный.
17. Спенсер, Э. Описание поездок по Западному Кавказу в 1836 году / Э. Спенсер / Перевод с английского К. А. Мальбахов. – Нальчик : Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2008. – 256 с. – Текст : непосредственный.
18. Тернер, Ф. Д. Фронт в американской истории / Ф. Д. Тернер. – М. : Весь мир, 2009. – 304 с. – Текст : непосредственный.
19. Тургенев, Н. И. Россия и русские / Н. И. Тургенев. – М. : ОГИ, 2001. – 744 с. – Текст : непосредственный.
20. Тхамокова, И. Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии / И. Х. Тхамокова. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 240 с. – Текст : непосредственный.
21. Фадеев, Р. А. Кавказская война / Р. А. Фадеев. – М. : Эксмо, 2003. – 640 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Gordin Ya. A. *Kavkazskaya Atlantida. 300 let vojny* [Caucasian Atlantis. 300 Years of War]. M., Vremya, 2014. 128 p. (In Russian).
2. Degoev V. V. *Bol'shaya igra na Kavkaze : istoriya i sovremennost'. Stat'i, ocherki, e'sse* [The Great Game in the Caucasus : History and Modernity. Articles, essays, and research papers]. M., Russkaya panorama, 2001. 448 p. (In Russian).
3. Degoev V. V. *Vvedenie v politicheskuyu istoriyu Severnogo Kavkaza (XVI vek – 1917 god)* [Introduction to the Political History of the North Caucasus (16th Century – 1917)]. M., Navona, 2009. 128 p. (In Russian).
4. Karpov Yu. Yu. Russia and ethnosocial processes in the North Caucasus in the Modern and Contemporary Times. *Rossiya i Kavkaz – skvoz dva stoletiya. Istoricheskie chteniya = Russia and the Caucasus – Through Two Centuries. Historical Readings*. Saint Petersburg, Zvezda, 2001, pp. 190–202. (In Russian).

5. King C. *The Ghost of freedom. A History of the Caucasus*. New York, Oxford university press, 2008. 291 p.
6. Kudashev V. N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode. K 300-letiyu Doma Romanovy`x* [Historical information about the Kabardian people. On the 300th anniversary of the Romanov dynasty]. Kiev, Publishing house S. V. Kulzhenko, 1913. 303 p. (In Russian).
7. Lazaryan S. S. *Kavkaz pod upravleniem knyazya M. S. Voronczova (1844–1854 gg.)* [The Caucasus under the rule of Prince M. S. Vorontsov (1844–1854)]. M., Prospekt, 2022. 768 p. (In Russian).
8. Lazaryan S. S., Klychnikov Yu. Yu. *Sluzhba polyakov v ukreplenyax Chernomorskoj beregovoj linii i na sudax Chernomorskogo flota. 1830–1856 gody* [Poles served in the fortifications of the Black Sea coastline and on the ships of the Black Sea Fleet. 1830–1856]. Pyatigorsk, PGU, 2023. 356 p. (In Russian).
9. Lazaryan S. S., Klychnikov Yu. Yu. *Pol'skij syuzhet v kavkazsko-chernomorskix realiyax XIX veka* [The Polish plot in the Caucasian-Black Sea realities of the 19th century]. M., Prospekt, 2024. 568 p. (In Russian).
10. Lapin V. V. *Armija Rossii v Kavkazskoj vojne XVIII–XIX vv.* [The Russian Army in the Caucasian War of the 18th–19th centuries]. St. Petersburg, European House, 2008. 400 p. (In Russian).
11. Longvort Dzh. *God sredi cherkesov* [A Year Among the Circassians]. Nalchik, "El-Fa", 2002. 540 p. (In Russian).
12. Nevskaya T. A., Chekmenev S. A. *Stavropol'skie krest'yane. Oчерki xozyajstva, kul'tury i byta* [Stavropol Peasants: Essays on Economy, Culture, and Everyday Life]. Mineral Waters, Kavkazskaya zdravnicza, 1994. 167 p. (In Russian).
13. Osli E. *Pokorenie Kavkaza. Geopoliticheskaya e`popeya i vojny` za vliyanie* [The Conquest of the Caucasus : A Geopolitical Epic and Wars for Influence]. M., Plyus-Minus, 2008. 624 p. (In Russian).
14. Pokrovskij N. I. *Kavkazskie vojny` i imamat Shamilya* [The Caucasian Wars and the Imamate of Shamil]. M., ROSSPEN, 2009. 584 p. (In Russian).
15. Potto V. A. *Kavkazskaya vojna* [The Caucasian War]. M., Centrpoligraf, 2006. Vol. 2. 591 p. (In Russian).
16. *Sibir v sostave Rossijskoj imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 368 p. (In Russian).
17. Spenser E. *Opisanie poezdok po Zapadnomu Kavkazu v 1836 godu* [Description of travels in the Western Caucasus in 1836]. Nalchik, Republican Printing Plant named after the Revolution of 1905, 2008. 256 p. (In Russian).
18. Terner F. D. *Frontir v amerikanskoj istorii* [The Frontier in American History]. M., Ves mir, 2009. 304 p. (In Russian).
19. Turgenev N. I. *Rossiya i russkie* [Russia and Russians]. M., OGI, 2001. 744 p. (In Russian).
20. Tkhamokova I. H. *Russkoe i ukrainskoe naselenie Kabardino-Balkarii* [Russian and Ukrainian population of Kabardino-Balkaria]. Nalchik, Publishing center "El-Fa", 2000. 240 p. (In Russian).

21. Fadeev R. A. *Kavkazskaya vojna* [The Caucasian War]. M., Eksmo, 2003. 640 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Алёшин, Ю. Д. К вопросу о факторах, определявших характер ситуативного развития северокавказского порубежья Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX века) / Ю. Д. Алёшин – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 80–90.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Aleshin Yu. D. On the factors that determined the situational development of the North Caucasus bordership of the Russian Empire (late 18th – first half of the 19th century) / Yu. D. Aleshin // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2026, no. 1, pp. 80–90. (In Russian).

УДК 94(470.45)"1928/1934":323.272

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАЛИНГРАДСКОГО ИСПАРТА В 1928–1934 ГОДАХ

А. А. Камышанов

THE MAIN ACTIVITIES OF THE STALINGRAD HISTORICAL PARTY COMMISSION IN 1928–1934

A. A. Kamyschanov

Аннотация. Историко-партийная комиссия (Испарт) и ее региональные отделения являлись специальными органами по сбору исторических материалов по теме Октябрьской революции и Гражданской войны. Их деятельность была направлена на формирование нового исторического нарратива, основанного на принципах марксистской методологии. Царицынский (Сталинградский) испарт, учрежденный в 1922 году, сформировался в один из наиболее эффективных региональных историко-партийных институтов. За период своей деятельности он эволюционировал от марксистского исследовательского центра до пропагандистской структуры, внося существенный вклад в научно-просветительскую работу, в выявление, сбор и систематизацию документальных материалов по ключевым событиям российской истории начала XX века: Первой русской революции, Октябрьской революции и Гражданской войны. Наиболее продуктивный этап деятельности Сталинградского испарта приходится на период 1928–1934 гг., когда он, находясь в административном подчинении Нижневолжскому краевому испарту, достиг пика своей научно-организационной эффективности. В статье раскрываются особенности деятельности Сталинградского испарта в указанный хронологический период, обозначены основные направления его работы.

Abstract. The Historical Party Commission and its regional branches were special bodies for collecting historical materials on the topic of the October Revolution and the Civil War. Their activities were aimed at forming a new historical narrative based on the principles of Marxist methodology. The Tsaritsyn (Stalingrad) historical party commission, established in 1922, has developed into one of the most effective regional historical and party institutions. During its activity, it has evolved from a Marxist research center to a propaganda structure, making a significant contribution to scientific and educational work, as well as to the identification, collection and systematization of documentary materials on key events in Russian history at the beginning of the 20th century: the First Russian Revolution, the October Revolution and the Civil War. The most productive stage of the Stalingrad Art Department's activity occurred in the period 1928–1934, when, being administratively subordinate to the Nizhnevolzhsky Regional historical party commission, it reached the peak of its scientific and organizational effectiveness. The article reveals the specifics of the Stalingrad historical party commission's activities during the specified chronological period, and outlines the main directions of its work.

Ключевые слова: испарт, Сталинград, история революционного движения, Октябрьская революция, Гражданская война, Оборона Царицына, Нижнее Поволжье.

Keywords: Historical party commission, Stalingrad, history of the revolutionary movement, October Revolution, Civil War, Defense of Tsaritsyn, Lower Volga region.

Великая Октябрьская революция в корне изменила весь экономический, политический и социальный уклад нашей страны. Благодаря этому историческому событию в мире появилось первое социалистическое государство – Советская Россия. Большевики считали себя зачинателями Мировой социалистической революции и первопроходцами в создании первого в мире государства рабочих и крестьян. Они были уверены, что их опыт революционной борьбы и социалистического строительства будет востребован мировым революционным движением, по этой причине придавали особое значение изучению в первую очередь истории революционного движения и коммунистической партии. Марксизм стал официальной идеологической концепцией и оказал исключительное влияние на развитие отечественных социальных наук, прежде всего исторической науки. Большевики были убеждены, что только марксизм дает единственно верной интерпретации исторических процессов. Проблема заключалась в том, что, находясь в глубоком подполье революционеры, прежде всего большевики не имели возможности накапливать информацию в библиотеках и архивах. Ее нужно было собирать буквально по крупицам и формировать партийные архивы с нуля. Эта работа после победы большевиков в Гражданской войне стала делом государственной важности. С этой целью в 1920 году по инициативе российского историка Михаила Николаевича Покровского, главного проводника идеи внедрения марксистского подхода в историческую науку, была создана специальная организация – Историко-партийная комиссия или Истпарт, которая создала региональные отделения и проделала колоссальную по масштабам работу по целенаправленному формированию архивных фондов партии большевиков, в результате которой внесен значительный вклад в изучение революционного движения в России [1, л. 1].

Проблематика становления и функционирования Истпарта как организации привлекла внимание исследователей еще в рамках советской историографии.

Первой значительной работой, посвященной непосредственно этой теме, стала статья Н.С. Комарова «Создание и деятельность Истпарта (1920–1928 гг.)», опубликованная в 1958 году [33]. Будучи специалистом по партийно-государственным институтам, Н.С. Комаров предпринял попытку системного анализа институциональной эволюции Истпарта, охватив как центральный аппарат, так и региональную сеть, а также обозначив ключевые направления его деятельности [33, с. 116–133].

Важный вклад в изучение темы внесла Г.Д. Алексеева в монографии «Октябрьская революция и историческая наука. 1917–1923 гг.». В этом комплексном исследовании, посвященном организации центров исторической науки в ранний советский период, Истпарт рассмотрен как один из главных элементов формирующейся системы историко-партийных учреждений. Алексеева детально проанализировала его роль в развитии исторических знаний, уделив особое внимание истпартовской публикационной деятельности и механизмам популяризации марксистской исторической науки [27].

Значительный рост числа исследований деятельности историко-партийных комиссий пришелся на современный период российской историографии. Этот всплеск научного интереса стал возможен благодаря рассекречиванию архивных фондов истпартов, что кардинально расширило источниковую базу и позволило перейти к детальному изучению их наследия. В 2000–2010-е годы появился ряд работ, посвященных региональным истпартам в различных частях страны. [28, 29, 34, 37]

В рамках современных исследований можно выделить два основных методологических подхода. Первый, институциональный, концентрируется на изучении истории создания, организационной структуры и практической деятельности историко-партийных комиссий. К этому направлению относятся работы следующих авторов: диссертация ивановского историка Е.Е. Дрябловой, посвященная истории истпартов центральных губерний России [29]; исследование сибирского историка М.Ю. Дашинимаевой, рассматривающее истпарты Байкальского региона [28]; а также работа самарского историка И.В. Митрофановой, в которой анализируются истпарты Среднего Поволжья [34].

Второй, источниковедческий, подход представлен диссертацией Е.А. Селунской. В отличие от других работ, ее исследование посвящено не самой организации, а анализу корпуса исторических источников, сформированного сотрудниками Тверского губернского истпарта, и оценке его научной значимости [37].

Царицынский (Сталинградский) истпарт как организация, а также созданный им корпус документов после репрессий 30-х годов XX в. долгое время находились вне поля зрения исследователей. Первые попытки анализа его структуры и деятельности были предприняты волгоградскими историками в рамках краеведческих исследований. Так, в статье А.Л. Клейтмана «Особенности развития Сталинградского краеведения в 1920–1930-х годах» [32] и кандидатской диссертации М.В. Кирсанова «Царицынское (Сталинградское) краеведение в 1920–1930-х годах» [31] деятельность истпарта была рассмотрена кратко и схематично, в общем контексте развития краеведческого движения, с упоминанием роли его первого руководителя, царицынского краеведа Я.Г. Холщевникова.

Новый этап в изучении темы ознаменовался появлением работ, носящих преимущественно источниковедческий характер и сфокусированных на конкретных аспектах работы истпарта. К ним относятся статьи волгоградских историков И.О. Тюменцева [38], а также И.С. Петровой и О.В. Рвачевой [35]. Эти исследования освещают такие направления истпартовской работы, как награждения и увековечение памяти ветеранов Гражданской войны и методика сбора мемуаров.

Однако, несмотря на эти важные шаги, Царицынский (Сталинградский) истпарт как целостный организационный механизм и его документальное наследие по-прежнему не стали предметом комплексного исследования.

В его истории остается множество нераскрытых вопросов, что определяет перспективность и актуальность дальнейшей работы.

Царицынский истпарт был учрежден 19 апреля 1922 года постановлением Президиума Царицынского губкома РКП(б) в форме бюро. В первый год своего существования он фактически бездействовал из-за недостаточного финансирования и отсутствия исследовательского опыта у своих первых руководителей, А.Т. Москаленко и П. Свитнева, которые, будучи опытными революционерами, не были подготовлены к архивно-научной работе [19, л. 49 об.].

Активная деятельность Царицынского (Сталинградского) истпарта началась в 1923–1928 годы, когда его возглавляли последовательно краевед-марксист Я.Г. Холщевников, а затем видный партийный деятель Г.Т. Гаврилов. Именно в годы руководства этих двух руководителей истпарт сформировался как эффективно функционирующая научно-организационная структура и была развернута планомерная работа: систематический сбор партийной периодики и агитационной литературы периода Первой русской революции, просветительская деятельность, организация историко-революционных выставок, фиксация воспоминаний ветеранов путем устных опросов, а также составление хроники революционных событий 1917 года [30, с. 137–141].

1928 год ознаменовался институциональными преобразованиями для Сталинградского истпарта. Изменения были обусловлены, прежде всего, проведением территориально-административной реформы, в результате которой была образована новая административная единица – Нижневолжский край с центром в Саратове, а Сталинградская губерния упразднена [39, с. 145]. В связи с этим региональный центр истпартовской работы переместился в краевую столицу, где было сформировано новое учреждение – Нижневолжский краевой истпарт [20, л. 49]. Прежний губернский истпарт в Сталинграде был ликвидирован, и на его месте сохранился лишь филиал краевой организации, руководство которым было поручено Н.Н. Соколову [18, л. 1].

Николай Николаевич Соколов, был профессиональным историком и опытным сотрудником упраздненного Сталинградского бюро истпарта. Еще в 1920-е годы он зарекомендовал себя как компетентный специалист, отредактировав истпартовские сборники «1905 год в Сталинградской губернии» [22] и «Наше прошлое» [23] и опубликовав в них ряд исследовательских статей. Впоследствии его карьера успешно развивалась в академической сфере: Соколов преподавал в Институте повышения квалификации при Сталинградском педагогическом институте [36, с. 16].

По результатам совещания 1928 года уполномоченные Нижневолжского краевого истпарта, представлявшие все округа вновь образованного края, приняли резолюцию, содержащую детальный план работы для местных отделений. Помимо решения насущных организационных вопросов, документ формулировал конкретные научно-исследовательские задачи. В их число

входили: составление очерков по истории местных партийных организаций и начало подготовки тематического библиографического указателя по истории революционного движения на Нижней Волге [18, л. 4–5 об.]. Именно на эту программу и стал опираться в своей ранней деятельности Сталинградский отдел краевого истпарта.

Первый этап деятельности Сталинградского отдела истпарта, охватывающий 1928–1930 годы, связан с деятельностью ее руководителя – Н.Н. Соколова, привлекшего к работе Николая Александровича Синеокова – одного из видных деятелей местного комсомола, заведующего революционным отделом Сталинградского краеведческого музея.

Такое сотрудничество было не просто инициативой, а прямой обязанностью, предписанной «Положением об уполномоченных», которое обязывало руководителей местных истпартов работать в единой команде с сотрудниками историко-революционных музеев, постоянно советуясь с ними. Фактически это правило превращало музейных работников в полноправных участников истпартовской деятельности, стирая ведомственные границы в деле изучения и сохранения революционного прошлого [18, л. 7].

Важным результатом сотрудничества Сталинградского отдела истпарта с Н.А. Синеоковым стало создание библиографического указателя по истории революционного движения в крае за 1905–1922 годы. Н.А. Синеоков провел масштабную работу по выявлению и систематизации всего комплекса опубликованных письменных источников 1920-х – начала 1930-х годов, впервые в регионе создав фундаментальный библиографический справочник. Этот труд, не имевший аналогов в практике местного истпарта, стал незаменимым пособием для последующих исследователей [26].

Другим значимым результатом совместной работы стала брошюра «Революционный Сталинград», подготовленная Синеоковым под редакцией Н.Н. Соколова к 15-летию освобождения города от белых [25]. Это издание, представлявшее собой подробный исторический очерк от Гражданской войны до первой пятилетки, носило, прежде всего, научно-популярный и просветительский характер. Отсутствие ссылочного аппарата ограничивает его академическую ценность. Тем не менее, брошюра «Революционный Сталинград» символизировала важный переходный этап, ознаменовав первую попытку Сталинградского истпарта создать научно-популярное исследование, а не ограничиваться публикацией отдельных исторических материалов в сборниках, что было характерно для деятельности Царицынского истпарта в 1920-е годы. Кроме того, данное издание стало заметным шагом в процессе конструирования и популяризации образа Сталинграда как «Красного Вердена» – выстоявшего оплота большевиков в годы Гражданской войны и активного строителя социализма в годы первой пятилетки. Эта работа была важна для формирования новой советской идеологии, а также ввиду того, что именно Оборона Царицына стала для И.В. Сталина решающим трамплином в его политической карьере.

Таким образом, в начальный период своей деятельности Сталинградский отдел краевого истпарта под руководством Н.Н. Соколова, действуя в тесном контакте с заведующим историко-революционным отделом краеведческого музея, сумел заложить прочные основы для дальнейшей истпартовской работы.

Второй этап деятельности Сталинградского отдела Нижневолжского истпарта пришелся на первую половину 1930-х годов. В ноябре 1931 года он был реорганизован в так называемую Сталинградскую «Пятерку» – неформальное название, отражавшее ее первоначальный кадровый состав из пяти человек [5, л. 86]. Новым заведующим стал «красный профессор» И.Г. Романов – авторитетный историк-марксист и партийный деятель, чья фигура соответствовала усилившимся идеологическим требованиям. Его предшественник, Н.Н. Соколов, вошел в состав «Пятерки» в качестве помощника заведующего, обеспечивая преемственность и научно-редакторскую экспертизу. Секретарем был утвержден Н.А. Синеоков, чье назначение стало закономерным признанием его прежних заслуг, в частности вышеупомянутой работы над библиографическим указателем [5, л. 86].

Таким образом, формирование костяка «Пятерки» из профессиональных историков и музейных работников свидетельствовало о целенаправленной кадровой политике, нацеленной на привлечение квалифицированных сил для решения масштабных научных задач. В дальнейшем численный и профессиональный состав организации пополнялся за счет привлечения внештатных сотрудников и добровольцев, к которым относились преподаватели, специалисты по истории партии и студенты [5, л. 31–38]. Помимо этого, Сталинградская «Пятерка» располагала собственной сетью уполномоченных, действовавших как в районах Сталинградского округа [18, л. 4–5 об.], так и на промышленных предприятиях города. Их функционал включал как сбор историко-документальных материалов, так и пропаганду деятельности истпарта [5, л. 86].

Анализ первого протокола заседания Сталинградской «Пятерки» позволяет выделить два главных направления ее научной работы: события Октября 1917 года и Оборона Царицына в 1918–1920 годах. Характерной особенностью планирования стало стремление не просто осветить эти общие темы, а накопить материалы по конкретным, более узким сюжетам в деталях: истории крестьянских и рабочих движений, женского движения и т. д. Такой подход свидетельствует о переходе к более детализированной, структурированной и, следовательно, профессиональной исследовательской методике [5, л. 86].

Одной из первостепенных задач Сталинградской «Пятерки» стала систематизация и обработка делопроизводственных и печатных источников, относящихся к событиям Октябрьской революции 1917 года и обороне Царицына 1918–1920 гг. Однако реализация этой задачи сразу натолкнулась на существенные системные препятствия: значительная часть документов

находилась в частных руках, была утрачена или перемещена – одни были вывезены в Саратов после переноса туда столицы края, другие – в Ростов-на-Дону [5, л. 31–38].

Для преодоления этих трудностей «Пятерка» прибегла к комплексу мер, включавшему организацию командировок в центральные и региональные архивы, а также личные переговоры ее председателя, И.Г. Романова, о возврате материалов из Саратова [5, л. 31–38]. Эти целенаправленные усилия, несмотря на все трудности, связанные со сложными отношениями с краевым истпартом, привели к формированию обширного документального корпуса. В результате были систематизированы протоколы Штаба обороны Царицынского Совета за январь – июль 1918 года [6], выявлен и обработан массив оперативных документов, а именно боевые приказы Реввоенсовета 10-й армии [7], а также собраны материалы по истории создания местных вооруженных формирований, прежде всего 1-го Революционного и 1-го Коммунистического батальонов [8].

Кроме того, Сталинградской «Пятерке» удалось сформировать репрезентативный массив материалов партийной печатной прессы, охватывающий три блока: 1) пресса царицынских парторганизаций [15], 2) саратовские партийные издания [9], 3) газеты белогвардейских формирований [10]. Высокий методический уровень работы подтверждается не просто сбором, но и детальной тематической классификацией этих материалов. В условиях утраты значительной части делопроизводственных документов, вывезенных из Сталинграда в Саратов, периодическая печать 1917–1922 гг. приобрела статус главного источника, поскольку на ее страницах публиковались официальные документы и освещалась событийная картина в реальном времени [5, л. 31–38].

Таким образом, несмотря на значительные организационные и архивные препятствия, Сталинградской «Пятерке» удалось принципиально расширить источниковую базу по истории Октябрьской революции и Гражданской войны в регионе. Сформированный ею комплекс делопроизводственных материалов заложил прочный фундамент для последующей детальной реконструкции революционных событий в Царицыне.

Когда сотрудникам Сталинградской «Пятерки» удалось собрать обширные материалы по революционному движению и гражданской войне в крае, остро встал вопрос об их систематизации и использованию. Важную роль на этом этапе работы испартовцев сыграл новый секретарь Сталинградской «Пятерки», Тимофей Серегин, который был назначен на должность после отставки Н.А. Синеокова [5, л. 87]. Став профессиональным архивистом и главой Нижневолжского краевого архивного управления, он сумел привести в систему обширный исторический материал, накопленный Сталинградским истпартом. О результатах его деятельности красноречиво свидетельствует составленная им в 1934 году опись дел, в которой весь рукописный материал был систематизирован по разделам: 1) Хроники событий;

2) Выборки из газет; 3) Постановления Царицынского Исполкома и Штаба Обороны; 4) Протоколы собраний; 5) Воспоминания; 6) Некрологи [14]. Фактически, Т.М. Серегину удалось совершить важнейшее дело – структурировать архив Сталинградского истпарта.

Сталинградская Пятёрка также занималась и другой важной частью истпартовской работы – издательской деятельностью. На основе анализа и систематизации указанных исторических материалов была подготовлена монография «Очерк истории революции 1917 года в Царицыне» (1932 г.), реконструирующая политический процесс в Царицыне от Февральской революции до утверждения советской власти [24]. Авторы уделили особое внимание изучению массовых социальных движений, борьбе большевистской организации за политическую гегемонию, а также конкретным организационным механизмам осуществления революции.

В начале 1930-х годов новый руководитель Сталинградской «Пятёрки» И.Г. Романов и ее секретарь Т.М. Серегин успешно привлекли к истпартовской работе ряд авторитетных местных деятелей революционного прошлого – бывших руководителей революционного Царицына и ветеранов его обороны [5, л. 63]. Проявив высокую степень самоорганизации, эти ветераны, часть которых проживала в Москве, а часть – в Сталинграде, сформировали два объединения: Московский и Сталинградский кружки ветеранов Обороны Царицына. Данные структуры сыграли главную роль в организации планомерного сбора мемуаров. Уже на первом заседании Московского кружка его староста И. Ф. Павлюков обозначил сбор воспоминаний в качестве задачи первостепенной важности, что предопределило дальнейшую активность объединения в качестве одного из основных источников комплектования материалов личного происхождения [5, л. 39 об.].

Сбор свидетельств осуществлялся с помощью переписки по специально разработанным анкетам, составленным в соответствии с марксистско-ленинской методологией. Анализ анкет-опросников позволяет заключить, что сотрудники Сталинградской Пятёрки посредством сбора источников личного происхождения стремились собрать сведения по многим малоизвестным сюжетам, связанных с периодом Революций и Гражданской войны. Детализированная формулировка вопросов предоставляла респонденту возможность не только изложить автобиографические данные, но и глубоко осветить отдельные аспекты исторических событий: историю партийных и общественных организаций, процесс формирования Советов и местных большевистских ячеек, а также генезис крестьянского движения [11, л. 30–35].

Анкетирование не только повышало эффективность, но и унифицировало исторический нарратив, подчиняя личные воспоминания общим идеологическим шаблонам, что было характерно для процесса стандартизации исторической памяти в начале 1930-х годов. Работу по рассылке анкет и прямой переписке вели председатель И.Г. Романов и секретарь Т.М. Серегин [12, л. 20; 153–153 об.].

Так, взаимодействие Сталинградской Пятерки с кружками участников обороны Царицына позволило сформировать значительный корпус источников личного происхождения, включающий мемуары участников исторических событий: царицынских большевистских руководителей революции 1917 года, военных командиров периода обороны Царицына, а также рядовых участников Октябрьской революции и Гражданской войны. Ценность этих свидетельств то, что они не подвержены идеологической цензуре времен культа личности И.В. Сталина. [2; 3; 4; 16; 17]

Высокая самоорганизация Московского и Сталинградского кружков ветеранов имела и обратную сторону, порождая острую конкурентную борьбу за «правильную» версию истории. Ярчайшим проявлением этого стал конфликт П.А. Синюкова и В.И. Чалова, развернувшийся в ходе взаимных обвинений в мемуарах и письмах в связи с оценкой боевых действий под хутором Орловским. Прочитав воспоминания П. А. Синюкова, который возложил вину за поражение своей роты 1-й Коммунистической дружины под селом Орловским на него, В.И. Чалов в письме Сталинградскому горсовету обвинил мемуариста в оплошности и самовольстве, утверждая, что именно по его инициативе отряд перешел в неудачное наступление и понес значительные потери [13, л. 64–69]. В ответном послании П.А. Синюков отверг все обвинения и, в свою очередь, подверг критике Чалова, заявив, что тот искажил в своих воспоминаниях ход боя под Орловским и фактически не принимал в нем активного участия [5, л. 50–51].

Групповые интересы Московского и Сталинградского кружков ветеранов, а в особенности конфликт между В.И. Чаловым и П.А. Синюковым, служат репрезентативным примером борьбы непосредственных участников исторических событий за право интерпретации прошлого и влияние на формирование исторической памяти в контексте усиливающегося идеологического контроля со стороны государства.

В период с 1931 по 1934 гг. совместными усилиями членов Сталинградской «Пятерки» и кружков ветеранов Сталинградский истпарт явно трансформировался в региональный научный центр по изучению истории Октябрьской революции и обороны Царицына. Его достижения заключались не только в накоплении обширного и разнообразного корпуса исторических источников, но и в активном участии в формировании исторической памяти, включая детальное освещение роли местных большевистских руководителей, фактически возглавлявших революционные процессы в 1917 году и период обороны Царицына.

Однако конфликты, возникшие между ветеранами, а также между Московским и Сталинградским кружками в процессе сбора воспоминаний и обсуждения кандидатур для награждений, вызвали недовольство официального партийного руководства. К середине 1930-х годов, на фоне усиления культа личности И.В. Сталина, идеологический контроль над формированием

исторической памяти ужесточился. От исторических работ теперь требовалось раскрытие исключительной роли Сталина в обороне Царицына. Между тем, вклад многих местных большевиков, таких как С.К. Минин, И.Ф. Павлюков, В.И. Чалов и П.И. Синюков, оказался несовместим с «генеральной линией» партии, особенно после того, как некоторые из них были обвинены в троцкизме. Руководство «Пятерки», стремясь к относительной объективности в освещении истории Царицына 1917–1918 гг., допустило ссылки на опального лидера местных большевиков С.К. Минина, что стало одной из причин последующих репрессий в отношении самой организации.

В 1934 году Сталинградский крайком ВКП(б) инициировал создание нового истпарта, укомплектованного партийными журналистами, историками-«партийцами» и пропагандистами [21, л. 293 об.]. Перед ним была поставлена четкая задача: создать каноническую версию истории обороны Царицына, в которой решающая роль отводилась бы исключительно И.В. Сталину.

Проведенное исследование показало, что в этот период Сталинградским испартовцам благодаря тому, что они руководствовались научной марксистской методологией, а не догматической идеологией и стремились оставить потомкам максимально достоверные сведения о пережитом, удалось собрать и сохранить ценнейшие источники по истории революций 1905–1907 гг. и 1917 гг., Гражданской войне 1918–1920 гг., прежде всего по Обороне Царицына 1918–1919 гг. Эти материалы, не подвергшиеся переработке в духе культа личности И. В. Сталина, должны быть востребованы в современных исследованиях для более объективной оценки трагических событий тех лет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 15478. – Текст: непосредственный.
2. Государственный архив Волгоградской области. – Ф. 346. – Оп. 1. – Д. 27. – Текст : непосредственный.
3. Государственный архив Волгоградской области. – Ф. 346. – Оп. 1. – Д. 30. – Текст : непосредственный.
4. Государственный архив Волгоградской области. – Ф. 346. – Оп. 1. – Д. 31. – Текст : непосредственный.
5. Государственный архив Волгоградской области. – Ф. Р-346. – Оп. 1. – Д. 1. – Текст : непосредственный.
6. Государственный архив Волгоградской области. – Ф. Р-346. – Оп. 1. – Д. 56. – Текст : непосредственный.
7. Государственный архив Волгоградской области. – Ф. Р-346. – Оп. 1. – Д. 52. – 182 л. – Текст : непосредственный.
8. Государственный архив Волгоградской области. – Ф. Р-346. – Оп. 1. – Д. 19. – Текст : непосредственный.
9. Государственный архив Волгоградской области. – Ф. Р-346. – Оп. 1. – Д. 94. – Текст : непосредственный.

10. Государственный архив Волгоградской области. – Ф. Р-346. – Оп. 1. – Д. 95. – Текст : непосредственный.
11. Государственный архив Волгоградской области. – Ф. Р-346. – Оп. 1. – Д. 38 (Часть. 1). – Текст : непосредственный.
12. Государственный архив Волгоградской области. – Ф. Р-346. – Оп. 1. – Д. 76. – Текст : непосредственный.
13. Государственный архив Волгоградской области. – Ф. Р-346. – Оп. 1. – Д. 75. – Текст : непосредственный.
14. Государственный архив Волгоградской области. – Ф. Р-346. – Оп. 1. – Д. 125. – Текст : непосредственный.
15. Государственный архив Волгоградской области. – Ф. Р-346. – Оп. 1. – Д. 42. – Текст : непосредственный.
16. Государственный архив Волгоградской области. – Ф. Р-346. – Оп. 1. – Д. 26. – Текст : непосредственный.
17. Государственный архив Волгоградской области. – Ф.346. – Оп. 1. – Д. 32. – Текст : непосредственный.
18. Государственный архив Новейшей истории Саратовской области. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 54. – Текст : непосредственный.
19. Центр Документации Новейшей истории Волгоградской области. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 42. – Текст : непосредственный.
20. Центр документации Новейшей истории Волгоградской области. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 10. –Текст : непосредственный.
21. Центр документации Новейшей истории Волгоградской области. – Ф. 71. – Оп.1. – Д. 165. –Текст : непосредственный.
22. 1905 год в Сталинградской губернии : историко-революционный сборник / под редакцией Г. Т. Гаврилова, Н. Н. Соколова, М. М. Щербакова. – Сталинград : [б. и.], 1925. – 177 с. – Текст : непосредственный.
23. Наше прошлое. Из истории Сталинградской организации ВЛКСМ : сборник статей и документов / Истпарт. Отдел Сталинградской ГК ВКП(б). – Сталинград : [б. и.], 1928. – 93 с. – Текст : непосредственный.
24. Романов, И. Г. Очерк истории революции 1917 года в Царицыне (Сталинграде) / И. Г. Романов, Н. Н. Соколов. – Саратов : Партийное издательство, 1932. – 104 с. – Текст : непосредственный.
25. Синеоков, Н. А. Революционный Сталинград : сборник статей по истории Гражданской войны / Н. А. Синеоков. – Сталинград : Полиграфпром ОСНХ, 1930. – 64 с. – Текст : непосредственный.
26. Синеоков, Н. А. Указатель материалов по истории революционного движения Сталинградского края 1905–1922 гг. / Н. А. Синеоков; Сталинградский окружной музей революции. – Сталинград : Полиграфпром ОСНХ, 1930. – 31 с. – Текст : непосредственный.
27. Алексеева, Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923) / Г. Д. Алексеева. – М. : Наука, 1968. – 271 с. – Текст: непосредственный.
28. Дашинимаева, М. Ю. История создания и деятельности Истпартов на территории Байкальского региона: 1921–1939 гг. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Дашинимаева Марина Юрьевна – Улан-Удэ, 2009. – 229 с. – Текст : непосредственный.

29. Дряблова, Е. Е. Деятельность губернских истпартов в 1922–1929 годах: по материалам Иваново-Вознесенской, Костромской и Владимирской губерний : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Дряблова Екатерина Евгеньевна. – Иваново, 2003. – 222 с. – Текст: непосредственный.

30. Камышанов, А. А. Деятельность Царицынского (Сталинградского) истпарта в первые годы существования (1923–1928 гг.) / А. А. Камышанов. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 134–145.

31. Кирсанов, М. В. Царицынское (сталинградское) краеведение в 1920–1930-х годах : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Кирсанов Михаил Васильевич. – Волгоград, 2011. – 270 с. – Текст : непосредственный.

32. Клейтман, А. Л. Особенности развития Сталинградского краеведения в 1920–1930-х годах / А. Л. Клейтман. – Текст : непосредственный // Вестник ВолГУ. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. – 2008. – № 2 (12). – С. 6–11.

33. Комаров, Н. С. Создание и деятельность Истпарта (1920–1928 гг.) / Н. С. Комаров. – Текст : непосредственный // Вопросы истории КПСС. – 1958. – № 5. – С. 116–133.

34. Митрофанова, И. В. Деятельность истпартов и партийных архивов в Среднем Поволжье: 1920–1930-е гг. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Митрофанова Ирина Владимировна. – Ижевск, 2015. – 24 с. – Текст : непосредственный.

35. Петрова, И. С. Воспоминания А. К. Выдрина как источник по истории Гражданской войны / И. С. Петрова, О. В. Рвачева. – Текст: непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 214–224.

36. Петрова, И. С. Сталинградская «пятерка» истпарта в 1929–1932 гг. и ее последователи: работа по собиранию и использованию документов / И. С. Петрова, И. О. Тюменцев. – Текст : непосредственный // Отечественные архивы. – 2024. – № 2. – С. 13–23.

37. Селунская, Е. А. Деятельность Тверского губернского истпарта в 1922–1929 гг. : история и источники изучения: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Селунская Екатерина Александровна – Тверь, 2010. – 256 с. – Текст: непосредственный.

38. Тюменцев, И. О. Герои Революции и Оборона Царицына в 1917–1918 гг. по версии Сталинградского Истпарта / И. О. Тюменцев. – Текст: непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 172–190.

39. Фурман, Е. Л. Районирование Нижнего Поволжья и формирование краевых, окружных, районных и сельских органов советской власти в 1928 г.: первый этап / Е. Л. Фурман. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – № 4. – С. 142–159.

REFERENCES

1. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii*. [Russian State Archive of Socio-political History], fund 2, inventory 1, case 15478. (In Russian).
2. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti*. [The State Archive of the Volgograd region], fund R-346, inventory 1, case 27. (In Russian).
3. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti*. [The State Archive of the Volgograd region], fund R-346, inventory 1, case 30. (In Russian).
4. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti*. [The State Archive of the Volgograd region], fund R-346, inventory 1, case 31. (In Russian).
5. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti*. [The State Archive of the Volgograd region], fund R-346, inventory 1, case 1. (In Russian).
6. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti*. [The State Archive of the Volgograd region], fund R-346, inventory 1, case 56. (In Russian).
7. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti*. [The State Archive of the Volgograd region], fund R-346, inventory 1, case 52. (In Russian).
8. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti*. [The State Archive of the Volgograd region], fund R-346, inventory 1, case 19. (In Russian).
9. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti*. [The State Archive of the Volgograd region], fund R-346, inventory 1, case 94. (In Russian).
10. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti*. [The State Archive of the Volgograd region], fund R-346, inventory 1, case 95. (In Russian).
11. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti*. [The State Archive of the Volgograd region], fund R-346, inventory 1, case 38 (Part. 1). (In Russian).
12. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti*. [The State Archive of the Volgograd region], fund R-346, inventory 1, case 76. (In Russian).
13. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti*. [The State Archive of the Volgograd region], fund R-346, inventory 1, case 75. (In Russian).
14. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti*. [The State Archive of the Volgograd region], fund R-346, inventory 1, case 125. (In Russian).
15. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti*. [The State Archive of the Volgograd region], fund R-346, inventory 1, case 42. (In Russian).
16. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti*. [The State Archive of the Volgograd region], fund R-346, inventory 1, case 26. (In Russian).
17. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti*. [The State Archive of the Volgograd region], fund R-346, inventory 1, case 32. (In Russian).
18. *Gosudarstvennyj arhiv Novejshej istorii Saratovskoj oblasti*. [The State Archive of the Modern History of the Saratov region.], fund 199, inventory 1, case 54. (In Russian).
19. *Centr Dokumentacii Novejshej istorii Volgogradskoj oblasti*. [Center for Documentation of the Modern history of the Volgograd region], fund 1, inventory 1, case 42. (In Russian).
20. *Centr dokumentacii Novejshej istorii Volgogradskoj oblasti*. [Center for Documentation of the Modern history of the Volgograd region], fund 76, inventory 1, case 10. (In Russian).
21. *Centr dokumentacii Novejshej istorii Volgogradskoj oblasti*. [Center for Documentation of the Modern history of the Volgograd region], fund 71, inventory 1, case 165. (In Russian).

22. *1905 god v Stalingradskoi gubernii: istoriko-revoliutsionnyi sbornik* [The Year 1905 in the Stalingrad Province: Historical-Revolutionary Collection]. Stalingrad, 1925. 177 p. (In Russian).

23. *Nashe proshloe. Iz istorii Stalingradskoi organizatsii VLKSM: sbornik statei i dokumentov* [Our Past. From the History of the Stalingrad Organization of the Komsomol : Collection of Articles and Documents]. Stalingrad, 1928. 93 p. (In Russian).

24. Romanov I. G., Sokolov N. N. *Ocherk istorii revoliutsii 1917 goda v Tsaritsyne (Stalingrade)* [Essay on the History of the 1917 Revolution in Tsaritsyn (Stalingrad)]. Saratov, Partiinoe izdatel'stvo Publ., 1932. 104 p. (In Russian).

25. Sineokov N. A. *Revoliutsionnyi Stalingrad: sbornik statei po istorii Grazhdanskoi voiny* [Revolutionary Stalingrad: Collection of Articles on the History of the Civil War]. Stalingrad, Poligrafprom OSNKh Publ., 1930. 64 p. (In Russian).

26. Sineokov N. A. *Ukazatel' materialov po istorii revoliutsionnogo dvizheniia Stalingradskogo kraia 1905–1922 gg.* [Index of Materials on the History of the Revolutionary Movement in the Stalingrad Region 1905-1922]. Stalingrad, Poligrafprom OSNKh Publ., 1930. 31 p. (In Russian).

27. Alekseeva G. D. *Oktiabr'skaia revoliutsiia i istoricheskaia nauka v Rossii (1917–1923)* [The October Revolution and Historical Science in Russia (1917–1923)]. M., Nauka, 1968. 271 p. (In Russian).

28. Dashinimaeva M. Iu. *Istoriia sozdaniia i deiatel'nosti Istpartov na territorii Baikal'skogo regiona: 1921–1939 gg.* [History of Creation and Activity of Istparts in the Baikal Region : 1921–1939]. Ulan-Ude, 2009. 229 p. (In Russian).

29. Driablova E. E. *Deiatel'nost' gubernskikh istpartov v 1922–1929 godakh: po materialam Ivanovo-Voznesenskoi, Kostromskoi i Vladimirskaia gubernii: dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Activity of Provincial Istparts in 1922–1929 : Based on Materials from Ivanovo-Voznesensk, Kostroma and Vladimir Provinces]. Ivanovo, 2003. 222 p. (In Russian).

30. Kamyshanov A. A. Activity of the Tsaritsyn (Stalingrad) Istpart in the First Years of Its Existence (1923–1928). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 4 : Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia = Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 2025, vol. 30, no. 4, pp. 134–145. (In Russian).

31. Kirsanov M. V. *Tsaritsynskoe (stalingradskoe) kraevedenie v 1920–1930-kh godakh* [Tsaritsyn (Stalingrad) Local History in the 1920s-1930s]. Volgograd, 2011. 270 p. (In Russian).

32. Kleitman A. L. Features of the Development of Stalingrad Local History in the 1920s–1930s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 4: Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia = Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 2008, no. 2 (12), pp. 6–11. (In Russian).

33. Komarov N. S. Creation and Activity of the Istpart (1920–1928). *Voprosy istorii KPSS = Questions of the History of the CPSU*, 1958, no. 5, pp. 116–133. (In Russian).

34. Mitrofanova I. V. *Deiatel'nost' istpartov i partiinykh arkhivov v Srednem Povolzh'e: 1920–1930-e gg.* [Activity of Istparts and Party Archives in the Middle Volga Region : 1920s–1930s]. Izhevsk, 2015. 24 p. (In Russian).

35. Petrova I. S., Rvacheva O. V. Memoirs of A. K. Vydrin as a Source on the History of the Civil War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 4 : Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia = Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 2023, vol. 28, no. 4, pp. 214–224. (In Russian).

36. Petrova I. S., Tiumentsev I. O. The Stalingrad "Five" of the Istpart in 1929–1932 and Its Successors: Work on Collecting and Using Documents. *Otechestvennye arkhivy = Domestic Archives*, 2024, no. 2, pp. 13–23. (In Russian).

37. Selunskaja E. A. *Deiatel'nost' Tverskogo gubernskogo istparta v 1922–1929 gg. : istoriia i istochniki izuchenii* [Activity of the Tver Provincial Istpart in 1922–1929 : History and Sources of Study]. Tver', 2010. 256 p. (In Russian).

38. Tiumentsev I. O. Heroes of the Revolution and Defense of Tsaritsyn in 1917–1918 according to the Version of the Stalingrad Istpart. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 4 : Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia = Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 2023, vol. 28, no. 2, pp. 172–190. (In Russian).

39. Furman E. L. Zoning of the Lower Volga Region and the Formation of Regional, District, and Local Soviet Authorities in 1928: The First Stage. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 4 : Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia = Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 2024, no. 4, pp. 142–159. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Камышанов, А. А. Основные направления деятельности сталинградского истпарта в 1928-1934 годах / А. А. Камышанов – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 91–105.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kamyshanov A. A. The main activities of the stalingrad historical party commission in 1928–1934 / A. A. Kamyshanov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2026, no. 1, pp. 91–105. (In Russian).

УДК 93/94

**ВЛИЯНИЕ ЭКЗОГЕННЫХ ФАКТОРОВ НА ДЕМОГРАФИЮ
ПРЕДГОРНОЙ КУБАНИ
(НА ПРИМЕРЕ ХОЛЕРНОЙ ЭПИДЕМИИ 1910 Г.
В БАТАЛПАШИНСКОМ ОТДЕЛЕ)**

Н. С. Коваленко

**THE INFLUENCE OF EXOGENOUS FACTORS
ON THE DEMOGRAPHY OF THE FOOTHILL KUBAN
(ON THE EXAMPLE OF THE CHOLERA EPIDEMIC
OF 1910 IN THE BATALPASHINSKY DEPARTMENT)**

N. S. Kovalenko

Аннотация. В предлагаемой статье рассматривается влияние экзогенных факторов на демографические показатели станиц предгорной Кубани в досоветский период. Основное внимание при этом концентрируется на холерной эпидемии 1910 г. в Баталпашинском отделе, обусловившей почти повсеместно значительные людские потери. На базе архивных документов автор определяет примерные хронологические рамки эпидемии в Удобной и Красногорской станицах, анализирует половозрастную и социальный состав жертв инфекции, а также делает выводы о воздействии бедствия на дальнейшее развитие указанных пунктов. Статья будет полезна, в первую очередь, профессиональным историкам, изучающим демографические аспекты российского освоения предгорной Кубани во второй половине XIX – начале XX вв., а также сотрудникам архивных и музейных учреждений, преподавателям, студентам и всем тем, кого занимают вопросы регионального прошлого.

Abstract. This article examines the influence of exogenous factors on the demographic indicators of villages in the Kuban Foothills region in the pre-Soviet period. The primary focus is on the 1910 cholera epidemic in the Batalpashinsky Department, which caused significant human losses almost everywhere. Using archival documents, the author determines the approximate chronological framework of the epidemic in the villages of Udobnaya and Krasnogorskaya, analyzes the age, sex, and social composition of the victims, and draws conclusions about the impact of the disaster on the subsequent development of these villages. This article will be useful primarily to professional historians studying the demographic aspects of Russian development of the Kuban foothills in the second half of the 19th and early 20th centuries, as well as to archival and museum staff, teachers, students, and anyone interested in the region's past.

Ключевые слова: Баталпашинский отдел, демография, инфекции, предгорная Кубань, станица Удобная, станица Красногорская, холера, эпидемия.

Keywords: Batalpashinsky Department, demography, infections, Kuban foothills, Udobnaya village, Krasnogorskaya village, cholera, epidemic.

Дореволюционный период в истории станиц и сел предгорной Кубани был отмечен частыми эпидемиями заразных болезней, которые ежегодно

уносили значительное количество людских жизней. Экзогенная, и прежде всего инфекционно обусловленная, смертность являлась следствием суммы причин, среди которых наибольшее значение имели удручающая санитарная обстановка и неразвитость медицинской инфраструктуры в большинстве пунктов субрегиона, а также низкий культурный уровень местных жителей, проявлявшийся в их недостаточной информированности в плане гигиены. На фоне прочих эпидемий заметно выделялась холерная эпидемия 1910 г., во время которой в Кубанской области, по официальным данным, умерло 16386 человек, что составляло 52,4 % всех инфицированных [14, с. 139].

В региональной историографии тема эпидемии 1910 г. на сегодняшний день мало разработана. Имеются статьи, в которых она рассматривается на уровне села Армавир (ныне одноименный город в Краснодарском крае) и некоторых поселений Майкопского отдела [1; 5; 10; 11]. Главными источниками при их написании послужили метрические книги станичных и сельских церквей, из которых исследователями был извлечен ценный эмпирико-статистический материал о примерных масштабах холерного мора, а также о половозрастном и социальном составе его жертв. Существуют также немногочисленные краеведческие публикации о борьбе с инфекцией в городе Новороссийске Черноморской губернии [15]. В отличие от вышеупомянутых работ, они базируются на ограниченном наборе документов, игнорируют общерегиональный контекст событий и не содержат анализ статистических данных, что обуславливает их невысокую познавательную ценность. Таким образом, одной из актуальных задач, стоящих перед историками, остается исследование особенностей протекания эпидемии 1910 г. в конкретных районах предгорной Кубани, и в частности в Баталпашинском отделе.

В июне 1910 г. по количеству инфицированных Баталпашинский отдел уступал в пределах Кубанской области только Лабинскому, а в следующем месяце оказался на третьем месте, расположившись за Майкопским и Кавказским отделами [14, с. 138]. Согласно официальной статистике, в течение лета в нем было охвачено эпидемией 44 пункта, в которых совокупно заболело 2995 человек и умерло более 1340 человек [14, с. 139]. Первыми в Баталпашинском отделе под удар холеры попали приурупские станицы Отрадная и Спокойная, в которые она, как явствует из доступных источников, пришла 2 июня [3]. В последующие дни «азиатская гостья» продолжила движение вверх по Урупу, Кубани и другим рекам отдела, наступая, таким образом, с нескольких направлений и поражая все новые поселения. 13 июня 1910 г. инфекция была зафиксирована в Баталпашинской (сегодня это город Черкесск в Карачаево-Черкесской Республике), где к 1 августа из-за нее скончалось 63 человека [4].

Среди населенных мест Баталпашинского отдела, застигнутых холерой в первой декаде июня 1910 г., была Удобная станица (ныне в Отрадненском районе Краснодарского края), об эпидемии в которой мы расскажем ниже.

В метрической книге Успенской церкви станицы Удобной за 1910 г. летальные исходы от холеры фиксировались с 8 июня по 24 августа [7, л. 188 об.–225], что дает возможность оценить примерную продолжительность эпидемии здесь в 77 дней. При этом следует учитывать ряд важных обстоятельств. Во-первых, хронологические рамки, очерченные выше, ограничивают период, в течение которого в поселении имел место холерный мор, и не исключают фактов заражений, как в предшествующее, так и в последующее время. Во-вторых, некоторые доступные источники содержат сведения о начале эпидемии, противоречащие вышеприведенным данным. В частности, речь идет о «Бюллетене № 7 о движении холеры в Кубанской области», помещенном в выпуске «Кубанских областных ведомостей» от 4 августа 1910 г. В нем начало эпидемии в Удобной датировалось 9 июня [3], что могло быть следствием либо ошибки при типографическом наборе текста, либо поступления в Екатеринодар и дальнейшей публикации в прессе не вполне достоверной информации с места. В-третьих, анализ материалов Успенской церкви демонстрирует, что распределение холерных смертей по месяцам не было одинаковым. Так, в июне от инфекции скончался 41 человек (40,6 % всех холерных смертей), в июле – 59 (58,4 %) и в августе – 1 человек (1 %) [7, л. 188 об.–225]. Отсюда можно заключить, что пик смертности в Удобной, как и в других пунктах предгорной Кубани [1, р. 10–11], совпал с летним температурным максимумом, который обусловил благоприятные условия для размножения холерных вибрионов. В-четвертых, одновременная фиксация в документах летальных исходов от холеры и различных, зачастую прямо не называвшихся, кишечных инфекций заставляет подозревать, что все или определенная часть катаральных расстройств желудка на самом деле также была спровоцирована «азиатской гостьей». Подобные мысли возникают по аналогии со станицей Новорождественской (ныне она входит в Тихорецкий район Краснодарского края) Ейского отдела. В корреспонденции из этого пункта, опубликованной в «Кубанских областных ведомостях» за 25 июля 1910 г., утверждалось, что, несмотря на явную холерную детерминированность детской смертности, местный фельдшер связывал ее с поносом [9], который, как известно, является одним из основных симптомов холеры [2, с. 816]. В данной связи то количество людей, скончавшихся от указанной инфекции в станице Удобной, которое было установлено нами с помощью метрик, нужно признать лишь приблизительным.

Рис. 1.– Казак станицы Удобной Василий Николаевич Кияшко (слева) и, предположительно, его брат, начало XX в. Фото предоставлено Ю.С. Астаповой.
Отец Василия, Николай Васильевич Кияшко умер от холеры 10 июля 1910 г.

Первыми, кто в 1910 г. умер от холеры, стали иногородние обыватели станицы [7, л. 188 об.]. Это косвенно подчеркивает как то, что инфекция была занесена извне, так и то, что бытовые условия лиц, не принадлежавших к Кубанскому войску, и в особенности тех из них, которые не имели оседлости, в известной мере уступали казачьим. Последнее обстоятельство делало пришлый элемент более восприимчивым и уязвимым для заразных болезней.

В июне 1910 г. холера привела к уходу из жизни 41 человека, включая 31 человека в период с 20 по 29 число [7, л. 188 об.–202]. В следующем месяце наиболее смертоносной оказалась первая половина, в течение которой имели место 45 летальных исходов, в том числе 4 – 1 июля, 5 – 2-го, 5 – 3-го, 4 – 4-го, 5 – 5-го, 2 – 6-го, 5 – 7-го, 2 – 8-го, 4 – 10-го, 4 – 11-го, 2 – 12-го и 2 – 14 июля [7, л. 201 об.–216]. В свою очередь, с 15 по 29 число в Удобной преставилось 14 человек [7, л. 213 об.–221]. Тогда же проявилась тенденция к постепенному затуханию эпидемии: после двух смертей 25 июля следующая была зафиксирована 30 числа; затем наступила продолжительная пауза, прерванная лишь 24 августа, когда в станице произошла последняя в 1910 г. смерть от «азиатской гостыи» [7, л. 218 об.–219, 219 об.–220, 224 об.–225].

Как явствует из метрик, всего за время эпидемии Удобная потеряла 101 жителя, в том числе 50 мужчин и 51 женщину. Свыше половины (54,5 %) всех умерших приходилось на лиц 20–49 лет, представлявших самые трудоспособные и репродуктивные возрастные группы. Удельный вес (в %) станичников от 50 лет и старше был почти в 2 раза ниже и составлял 27,7. Категориями населения, в наименьшей степени пострадавшими от холеры, в Удобной были младенцы, дети, подростки, юноши и девушки, на которых приходилось в совокупности 17,8 % всех жертв инфекции [7, л. 188 об.–225].

Таблица 1

**Смертность от холеры по возрастам в станицах Удобной
и Красногорской в 1910 г.**

(составлено по: [6, л. 38 об.–41; 7, л. 188 об.–225]).

Населенный пункт	До 1 г.	1–3	4–5	6–10	11–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	Старше 70	Всего
ст. Удобная	-	5	2	2	9	14	19	22	11	8	9	101
ст. Красногорская	-	-	-	-	1	2	-	2	1	3	-	9

В социальном составе умерших относительно преобладали лица невоинского сословия. Из более чем 50 иногородних, нашедших последнее пристанище на удобненском кладбище, 6 происходило из Воронежской губернии, 2 – из Киевской, 5 – из Курской, 15 – из Полтавской, 2 – из Рязанской, 3 – из Ставропольской, 1 – из Тамбовской, 10 – из Харьковской, 4 из Черниговской губернии и 3 – из Области войска Донского [7, л. 188 об.–225]. Таким образом, почти 85 % всех жертв «азиатской гостыи» из числа обывателей невоинского сословия были выходцами из малороссийских и черноземных регионов Российской империи, служивших во второй половине XIX – начале XX в. главными поставщиками мигрантов для всей предгорной Кубани. Что же касается казачьих потерь, то они составляли, как минимум, 49 человек (неизвестной остается сословная принадлежность женщины, проживавшей у Крышталя), причем в это число входили коренные жители как Удобной, так и других пунктов Баталпашинского отдела, включая Передовую [7, л. 188 об.–225].

В части сокращения времени прощаний с покойниками основная масса станичников в период эпидемии проявляла сознательность. Так, наши подсчеты показали, что большинство лиц, скончавшихся от инфекции, было погребено на приходском кладбище уже на следующий день после ухода из жизни, и только в 6 случаях похороны прошли спустя двое и более суток

(Таблица 2). Вопрос о том, в какой степени удобненцы соблюдали прочие санитарно-врачебные предписания, требует дальнейшего изучения. Вместе с тем в свете того, что число жертв «азиатской гостыи» в конечном итоге превысило отметку в 100 человек, можно предположить, что значительная часть станичников недооценила угрозу, исходившую от инфекции.

Таблица 2

Число дней между смертью и погребением людей, скончавшихся от холеры в станицах Удобной и Красногорской в 1910 г.

(составлено по: [6, л. 38 об.-41; 7, л. 188 об.-225]).

Населенный пункт	Всего умерло от холеры	Дней между смертью и погребением инфицированных								
		0	1	2	3	4	5	6	7	>7
ст. Удобная	101	-	95	2	2	2	-	-	-	-
ст. Красногорская	9	-	8	1	-	-	-	-	-	-

Анализ региональной прессы демонстрирует, что низкий культурный уровень удобненцев способствовал тому, что на определенном этапе среди них широко распространилось представление о возможности прекращения эпидемии посредством колядок. По сообщению корреспондента «Откликов Кавказа» Д. Мерхалева, молодежь, исполняющая их, получала щедрое материальное вознаграждение в виде продуктов питания и денег, но при этом критиковалась за суеверие членами местного причта [13]. Впрочем, как видно из архивных документов, некоторая часть станичников полагала, что на самом деле настоятель Успенской церкви, священник Александр Остриков использовал колядующих для сбора денежных средств на общественные молебны. Живучести этого заблуждения в немалой степени способствовало то, что его полностью разделял местный атаман Мацак [8, л. 49–50 об.].

Необходимо заметить, что интересные с этнографической точки зрения методы борьбы с инфекцией, по словам Д. Мерхалева, практиковались и в других местах Удобненского юрта. Так, жители некоего хутора, стремясь не допустить прихода «азиатской гостыи», в одну из ночей впряглись в плуг и обпахали свой населенный пункт по периметру, что, однако, не обеспечило им эффективную и долговременную защиту [13].

Принимая во внимание то, что общая смертность в станице составила в 1910 г. более 490 человек, можно заключить, что практически каждый пятый летальный исход был связан с холерой. Эпидемия оказала заметное влияние на показатель естественного прироста населения. При ее отсутствии количество жителей могло увеличиться не на 56 человек, как это произошло в действительности, а почти на 160 человек, что благотворно отразилось бы как на демографическом, так и на хозяйственном развитии Удобной.

Таблица 3

Демографические показатели станиц Удобной и Красногорской в 1910 г.

(составлено по: [6, л. 23 об., 38 об.– 41; 7, л. 136 об., 188 об.–225]).

Населенный пункт	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
ст. Удобная	547	491	56
ст. Красногорская	108	67	41

В метрической книге Николаевской церкви Красногорской станицы располагавшейся в нагорной части Баталпашинского отдела и уступавшей Удобной по численности населения в 7,2 раза [12, с. 318, 368], первая смерть от холеры была зафиксирована 23 июня (эта дата называлась отправной точкой эпидемии и в официальных бюллетенях о движении инфекции) [3; 6, л. 39 об.]. К 6 августа «азиатская гостья» умертвила здесь еще 8 жителей [6, л. 38 об.–41]. В половом составе инфицированных наблюдалось примерно одинаковое соотношение мужчин и женщин (4 и 5 человек соответственно), тогда как в социальном – двукратный перевес казаков (6 человек) над иногородними (3 человека) [6, л. 38 об.–41]. Все умершие, кроме одного человека, были взрослыми людьми старше 20-и лет (Таблица 1). Наличие у них отличных друг от друга фамилий, с одной стороны, с высокой долей вероятности исключает кровное родство и, с другой стороны, демонстрирует разные каналы распространения инфекции. Как и удобненцы, обыватели Красногорской в большинстве своем хоронили покойников на следующие сутки после представления (Таблица 2). Вместе с глубоко периферийным положением станицы это способствовало минимизации числа летальных исходов и в целом крайне не существенному воздействию «азиатской гостьи» на местную демографию. Сильнее в данном отношении в 1910 г. отметились другие заразные болезни (оспа, дифтерия, пневмония, различные кишечные инфекции), что прекрасно иллюстрирует устойчивую связь смертности с внешними факторами.

Таким образом, летом 1910 г. вся предгорная Кубань, и в частности Баталпашинский отдел, была охвачена эпидемией холеры, которая на данный момент получила слабое и фрагментарное освещение в региональной историографии. Детальному изучению этого бедствия, кроме традиционно недостаточного внимания специалистов к вопросам повседневной истории, препятствует утрата материалов почти всех станичных, сельских и аульских правлений, а также неполная сохранность метрических книг. В результате невозможно не только установить подлинные масштабы трагедии, постигшей полиэтничное население субрегиона на исходе первого десятилетия XX в., но и оценить противоэпидемические мероприятия местных властей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kovalenko, N. S., Ktitorov, S. N., Pelikh, A. L. The Influence of Infectious Diseases on the Demography of the Population of the Foothill Kuban (on the Example of the Cholera Epidemic of 1910). – Population Processed, 2021. – 6 (1). – Pp. 8–18.
2. Бородулин, В. И., Ланцман, М. Н. Справочник : Болезни. Синдромы. Симптомы / В. И. Бородулин, М. Н. Ланцман. – М. : Оникс ; Мир и образование, 2006. – 896 с. – Текст : непосредственный.
3. Бюллетень № 7 о движении холеры в Кубанской области с 4-го по 11-е июля 1910 года (календарная неделя) // Кубанские областные ведомости (далее – КОВ). – 1910. – 4 августа. – Текст : непосредственный.
4. Бюллетень о движении холеры в Кубанской области с 8-го по 14-е августа 1910 года включительно // КОВ. – 1910. – 24 августа. – Текст : непосредственный.
5. Василенко, В. Г. История одного заболевания (холерные эпидемии в дореволюционном Армавире) / В. Г. Василенко. – Текст : непосредственный // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа. Материалы 18-й межрегиональной научно-практической конференции. – Армавир, 2011. – С. 45–49.
6. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 1. – Текст : непосредственный.
7. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 801. – Оп. 20. – Д. 122. – Текст : непосредственный.
8. Государственный архив Ставропольского края. – Ф. 135. – Оп. 68. – Д. 654. – Текст : непосредственный.
9. Житель. Корреспонденция. Ст. Новорождественская / Житель. – Текст : непосредственный // КОВ. – 1910. – 25 июля.
10. Коваленко, Н. С. К вопросу о влиянии инфекционных болезней на демографию станицы Костромской Майкопского отдела (на примере холерных эпидемий 1892 и 1910 гг.) / Н. С. Коваленко. – Текст : непосредственный // История и обществознание : научный и учебно-методический ежегодник – Армавир, 2020. – № 17. – С. 85–91.
11. Коваленко, Н. С. Холерная эпидемия 1910 года в предгорной полосе Кубанской области (по данным метрических книг) / Н. С. Коваленко, С. Н. Ктиторов. – Текст : непосредственный // Северный Кавказ в историческом и археологическом измерениях. Доклады и сообщения 23 Международного семинара Кавказоведческой Школы В. Б. Виноградова. – Армавир, 2020. – С. 54–61.
12. Кубанский календарь на 1910 год. – Екатеринодар : Типография Кубанского областного правления, 1910. – 530 с. – Текст : непосредственный.
13. Мерхалев, Д. Ст. Удобная. Холера на куриных ножках / Д. Мерхалев. – Текст : непосредственный // Отклики Кавказа. – 1910. – 14 июля.
14. О состоянии области и войска за 1910 г., извлечение из отчета начальника области и наказного атамана Кубанского казачьего войска / под редакцией Н. М. Каплина. – Текст : непосредственный // Кубанский сборник – Екатеринодар : Типография Кубанского областного правления. – 1912. – Т. 17. – С. 1–288.
15. Шило, С. Холера в Новороссийске / С. Шило. – Текст : электронный – URL : <https://proza.ru/2017/12/20/1737>. (Дата обращения : 07.09.2025).

REFERENCES

1. Kovalenko N. S., Ktitorov S. N., Pelikh A. L. *The Influence of Infectious Diseases on the Demography of the Population of the Foothill Kuban (on the Example of the Cholera Epidemic of 1910)*, Population Processed, 2021, 6 (1). Pp. 8–18. (In Russian).
2. Borodulin V. I., Lancman M. N. *Spravochnik: Bolezni. Sindromy. Simptomy* [Reference book: Diseases. The syndromes. Symptoms]. M., Onyx, Peace and Education, 2006. 896 p. (In Russian).
3. *Byulleten' № 7 o dvizhenii holery v Kubanskoj oblasti s 4-go po 11-e iyulya 1910 goda (kalendarnaya nedelya)* [Bulletin No. 7 on the cholera movement in the Kuban region from July 4 to July 11, 1910 (calendar week)]. *Kubanskije oblastnye vedomosti = Kuban Regional News*, 1910, August 4. (In Russian).
4. *Byulleten' o dvizhenii holery v Kubanskoj oblasti s 8-go po 14-e avgusta 1910 goda vklyuchitel'no* [Bulletin on the cholera outbreak in the Kuban region from August 8 to 14, 1910 inclusive]. *Kubanskije oblastnye vedomosti = Kuban Regional News*, 1910, August 24. (In Russian).
5. Vasilenko V. G. The story of one disease (cholera epidemics in pre-revolutionary Armavir). *Arheologiya, etnografiya i kraevedenie Severnogo Kavkaza. Materialy 18-j mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii = Archaeology, Ethnography, and Regional Studies of the North Caucasus. Proceedings of the 18th Inter-regional Scientific and Practical Conference*. Armavir, 2011, pp. 45–49. (In Russian).
6. *Gosudarstvennyj arhiv Karachaevo-CHerkesskoj Respubliki* [State Archives of the Karachay-Cherkess Republic], fund 10, inventory 1, case 1. (In Russian).
7. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archives of Krasnodar Krai], fund 801, inventory 20, case 122. (In Russian).
8. *Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja* [State Archives of Stavropol Krai], fund 135, inventory 68, case 654. (In Russian).
9. ZHitel'. Correspondence. St. Novorozhdestvenskaya. *Kubanskije oblastnye vedomosti = Kuban Regional News*, 1910, July 25. (In Russian).
10. Kovalenko N. S. On the impact of infectious diseases on the demography of the village of Kostromskaya in the Maykop department (using the cholera epidemics of 1892 and 1910 as an example). *Istoriya i obshchestvoznaniye : nauchnyj i uchebno-metodicheskij ezhegodnik = History and Social Science : Scientific and Educational-Methodological Yearbook*. Armavir, 2020, no. 17. Pp. 85–91. (In Russian).
11. Kovalenko N. S., Ktitorov S. N. The cholera epidemic of 1910 in the foothills of the Kuban region (according to parish registers). *Severnyj Kavkaz v istoricheskom i arheologicheskom izmereniyah. Doklady i soobshcheniya 23 Mezhdunarodnogo seminarav Kavkazovedcheskoj SHkoly V. B. Vinogradova = The North Caucasus in Historical and Archaeological Dimensions. Reports and Communications of the 23rd International Seminar of the V. B. Vinogradov School of Caucasian Studies*. Armavir, 2020, pp. 54–61. (In Russian).
12. *Kubanskij kalendar' na 1910 god* [Kuban calendar for 1910]. Ekaterinodar, Printing house of the Kuban regional government, 1910. 530 p. (In Russian).
13. Merhalev D. St. Stanitsa Udobnaya. Cholera on chicken legs. *Otkliki Kavkaza = Echoes from the Caucasus*, 1910, July 14. (In Russian).
14. On the state of the region and the army in 1910, an extract from the report of the head of the region and the acting ataman of the Kuban Cossack army. *Kubanskij sbornik = Kuban Collection*. Vol. 17. Ekaterinodar, Printing house of the Kuban regional government, 1912, pp. 1–288. (In Russian).

15. SHilo S. Cholera in Novorossiysk. URL: <https://proza.ru/2017/12/20/1737>. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Коваленко, Н. С. Влияние экзогенных факторов на демографию предгорной кубани (на примере холерной эпидемии 1910 г. в Баталпашинском отделе) / Н. С. Коваленко. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 106–115.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kovalenko N. S. The influence of exogenous factors on the demography of the foothill kuban (on the example of the cholera epidemic of 1910 in the Batalpashinsky department) / N. S. Kovalenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2026, no. 1, pp. 106–115. (In Russian).

УДК 94 (470)

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И США В ПЕРИОД 1991–1993 ГОДОВ

К. В. Маркарян

FEATURES OF ECONOMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE USA IN THE PERIOD 1991–1993

K. V. Markaryan

Аннотация. В данной статье анализируется ранний период становления двусторонних российско-американских отношений. Рассмотрев подробно историю двусторонних встреч России и США в период 1991–1993 годов, а также проанализировав подписанные двумя странами документы, удастся рассмотреть попытки российского руководства во главе с Б.Н. Ельциным выстроить стратегические отношения с Соединенными Штатами, которые бы способствовали проведению масштабных экономических реформ и предоставлению экономической помощи России. В статье подробно рассматриваются события, связанные с подписанием Кэмп-Дэвидской декларации, Хартии российско-американского партнерства и дружбы, соглашения о взаимном предоставлении режима наибольшего благоприятствования в торговле, а также проведением саммита Россия – США в Ванкувере в 1993 году. Особое внимание уделяется асимметричному характеру формирующихся отношений. Доказывается, что Вашингтон, несмотря на риторику о партнерстве, видел в России не равноправного игрока, а скорее объект влияния, обуславливая предоставление помощи соблюдением политических условий и внутренних реформ. Сохранение поправки Джексона – Вэника и формат участия России в саммите G7 в Токио (1993) было подтверждением этого неравенства. В итоге, удалось прийти к выводу, что прагматизм американской администрации, внутривнутриполитическая нестабильность в России и скептицизм американского общества не позволили реализоваться идее стратегического партнерства, заложив основу для отношений, в которых доминирующая роль оставалась за США.

Abstract. This article analyzes the early period of the formation of bilateral Russian-American relations. By examining in detail the history of bilateral meetings between Russia and the United States from 1991 to 1993, as well as by analyzing the documents signed by the two countries, it is possible to examine the attempts of the Russian leadership, headed by Boris Yeltsin, to build a strategic relationship with the United States that would facilitate large-scale economic reforms and the provision of economic assistance to Russia. The article examines in detail the events associated with the signing of the Camp David Declaration, the Charter of Russian – American Partnership and Friendship, the agreement on mutual provision of most-favored-nation treatment in trade, as well as the holding of the Russia – USA summit in Vancouver in 1993. Particular attention is paid to the asymmetric nature of the emerging relationship. It is demonstrated that Washington, despite the rhetoric of partnership, viewed Russia not as an equal player, but rather as an object of influence, conditioning the provision of assistance on compliance with political conditions and domestic reforms. The retention of the Jackson – Vanik Amendment and Russia's participation in the G7 summit in Tokyo

(1993) confirmed this inequality. Ultimately, it was concluded that the pragmatism of the American administration, domestic political instability in Russia, and skepticism of the American public prevented the idea of a strategic partnership from being realized, laying the foundation for a relationship in which the United States remained dominant.

Ключевые слова: российско-американское экономическое сотрудничество, Кэмп-Дэвидская декларация, Хартия российско-американского сотрудничества, ограниченный суверенитет, поправка Джексона – Вэника, Ванкуверская декларация, комиссия Гор – Черномырдин, «Большая семерка».

Keywords: Russian-American economic cooperation, Camp – David Declaration, Charter of Russian-American Cooperation, limited sovereignty, Jackson – Vanik Amendment, Vancouver Declaration, Gore – Chernomyrdin Commission, G7.

После того, как Советский Союз прекратил свое существование, положение дел в международных отношениях сильно изменилось. Одним из ярких проявлений таких изменений стала попытка России и США выстроить новые двусторонние отношения.

Тем более что новоиспеченное российское руководство, в лице президента Б.Н. Ельцина, рассчитывало, что налаживание отношений с Соединенными Штатами будет способствовать посткоммунистической трансформации самой России.

Двусторонние контакты между двумя странами были налажены сразу же. Еще в ноябре 1991 года с визитом в Вашингтон приезжал глава российского Министерства иностранных дел А. Козырев. Спустя несколько месяцев с первым визитом в США в качестве президента России прибыл Б.Н. Ельцин.

Президент США Дж. Буш принял своего российского коллегу в своей резиденции в Кэмп-Дэвиде, где между Россией и США была подписана декларация, формально положившая конец холодной войне. Правда, стоит отметить, что Кэмп-Дэвидская декларация носила исключительно декларативный характер, ни к чему не обязывая обе стороны [3, с. 42].

Первые контакты российского и американского руководства касались в основном вопросов международной безопасности и разоружения. Однако экономический аспект в двусторонних отношениях России и США также играл важную роль, тем более что в Кремле после успешного визита Ельцина видели в США стратегического партнера.

О том, что российская экономика, столкнувшаяся с реформами, направленными на ее трансформацию, нуждается в помощи со стороны Вашингтона, Ельцин говорил и в Кэмп-Дэвиде, но Дж. Буш пообещал вернуться к данному вопросу позже.

К реальному обсуждению вопросов экономического характера российское и американское руководство перешли только летом 1992 года, когда президент России Б.Н. Ельцин прибыл с официальным визитом в Вашингтон. Визит российского лидера продолжался пять дней: с 15 по 19 июня 1992 года.

За время своего пребывания в американской столице, российский президент успел выступить в Конгрессе, где, в том числе объявил американское направление основным в российской внешней политике. Несмотря на доброжелательный характер встречи двух лидеров, было очевидно, что Ельцина принимают гораздо прохладнее, чем в предыдущий раз [2, с. 58].

По итогу пяти дней пребывания Ельцина в Вашингтоне, между Россией и США был подписан специальный документ, который должен был регулировать экономическое взаимодействие между странами – «Хартия российско-американского партнерства и дружбы», официальное подписание которой состоялось 17 июня 1992 года.

Согласно подписанной Хартии, российское руководство брало на себя обязательство проводить в стране демократические реформы, придерживаясь следующих принципов: демократия, свобода слова, защита и соблюдение прав человека и т. п. При этом выделение экономической помощи России зависело исключительно от оценки проводимых Москвой реформ со стороны американского правительства.

В Хартии были прописаны, в том числе нормы, которые регулировали внутривнутриполитические вопросы России, что можно было расценить, как посягательство на суверенитет страны. Правда, в этом же документе было указано, что американское руководство уважает независимость и суверенитет России и обязуется оказывать экономическую поддержку при соблюдении прописанных условий [7, с. 7].

Подписание данного соглашения было явно сигналом того, что американская администрация не видит в России равнозначного партнера, отношения с которым могут в будущем носить стратегический характер, как бы этого хотели в Кремле. Максимум на что были готовы в Вашингтоне это предоставить России роль младшего партнера, находящегося в состоянии ограниченного суверенитета.

Согласно воспоминаниям профессора Стэнфордского университета М. Макфола, работавшего в начале 90-х годов XX века консультантом российского правительства, российское высшее руководство готово было пойти на ограничение суверенитета в обмен на финансовую помощь США [5, с. 67].

Еще один документ, который был подписан между Россией и США, в ходе летнего визита Б.Н. Ельцина в американскую столицу стало соглашение о взаимном предоставлении режима наибольшего благоприятствования в торговле.

По условиям соглашения, российское правительство должно было открыть российский рынок для товаров, импортируемых из США. Американское правительство брало на себя обязательство снизить пошлины на российские товары, которые были направлены на американский рынок.

Однако режим наибольшего благоприятствования в торговле действовал только год, после чего американскому президенту необходимо было обратиться в Конгресс, чтобы получить одобрение на продление данного режима.

Объяснялось такое условие действия соглашения тем, что продолжала действовать поправка Джексона – Вэника, которая была принята еще против СССР в 1974 году. Согласно данной поправке Соединенным Штатам запрещалось предоставлять кредиты государством с нерыночной экономикой, которые параллельно ограничивают миграцию собственного населения.

Несмотря на то, что Советский Союз прекратил свое существование, поправка Джексона – Вэника продолжила распространяться на Россию. В Конгрессе отказались ее отменять, предложив вариант по которому на поправку накладывалось вето, но только по просьбе президента США. Таким образом, Россия снова оказалась в позиции страны зависимой от решения американской администрации [9, р. 365].

Такая жесткость американской администрации в вопросе экономического взаимодействия с Россией объяснялась несколькими причинами. Во-первых, правительство США было не готово выделять в больших объемах финансовую помощь Москве, так как американских чиновников смущала нарастающая политическая нестабильность в России, а также высокий уровень коррупции и медленная реализация реформ.

Во-вторых, американское руководство считало, что ее помощь будет заключаться в выделении средств на проведение реформ, но никак не в поддержке реальных секторов российской экономики. К тому же согласно американскому видению предоставления помощи России, в Кремле могли рассчитывать на поддержку только по мере реализации запланированных экономических реформ на практике [6, с. 120].

В-третьих, в ноябре 1992 года в США должны были состояться президентские выборы, на которых действующий президент, представитель Республиканской партии, Дж. Буш не выглядел фаворитом, уступая кандидату от Демократической партии Б. Клинтону.

Отсюда можно сделать вывод, что вопросы экономического сотрудничества были на втором плане для администрации Дж. Буша. К тому же после поражения на выборах, в понимании Буша, вопрос взаимодействия с Россией в сфере должен был стать проблемой для следующей администрации.

После того, как 20 января 1993 года Б. Клинтон официально вступил в должность президента США, российское руководство стало предпринимать попытки наладить отношения с новой американской администрацией. Первая встреча президентов Б.Н. Ельцина и Б. Клинтона была запланирована на 3–4 апреля 1993 года и должна была пройти в канадском городе Ванкувер.

В Кремле понимали, что подготовка к канадскому Саммиту проходит в очень непростых условиях. К тому моменту российская экономика достигла пика своего падения в результате либеральных экономических реформ. Также накалился конфликт президента Ельцина и депутатов Верховного Совета, на чьей стороне также выступил российский вице-президент А. Руцкой.

Администрация Б. Клинтона также осознавала уровень нестабильности, которая царила в то время в России и, опасаясь возвращения коммунистов к власти, готова была поддержать действующее российское руководство и его курс на дальнейшее проведение реформ.

Чтобы заполучить общественную поддержку у россиян, Б. Клинтон даже опубликовал программную статью в газете «Известия», в которой изложил свое видение двусторонних отношений России и США. Американский лидер похвалил российское общество за то, что оно решило строить у себя в стране демократическое государство.

Также Клинтон отметил, что США точно не оставят Россию одну в вопросе проведении реформ, так как иметь партнерские отношения с такой богатой на природные ресурсы страной будет выгодно и самим Соединенным Штатам [8, с. 1].

Несмотря на позитивное видение двусторонних отношений России и США в сфере экономики со стороны Б. Клинтона, американское общество не разделяло позитива своего президента и относилось со скепсисом к перспективам России и его руководства. Согласно опросу, который был проведен американской общенациональной газетой «USA Today», только 12 % американцев выступали за предоставление дополнительной финансовой помощи России [10, p. 5].

По результатам встречи в Ванкувере президентам России и США удалось договориться об увеличении финансовой помощи со стороны Вашингтона. Тем не менее, важно отметить, что при принятии решения, президент США Б. Клинтон руководствовался скорее не духом стратегического сотрудничества, к которому стремилось российское руководство, а исключительно прагматическими соображениями.

Кроме того, президентам России и США удалось договориться о создании Российско-американской комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству, создание которой было закреплено в Ванкуверской декларации.

Председателями комиссии стали председатель российского правительства В. Черномырдин и американский вице-президент А. Гор. Главной задачей комиссии Гор – Черномырдин стало налаживание прямого экономического взаимодействия России и США, а также налаживание сотрудничества между двумя странами в таких сферах как: энергетика, космос, оборонная промышленность, предпринимательство, защита окружающей среды, наука, здравоохранение и сельское хозяйство. Комиссия активно работает уже в 1994 году [1, с. 57–58].

Понимая масштаб экономических проблем, с которыми столкнулась российская экономика, администрация Б. Клинтона видела своей основной задачей ни столько финансирование российских реформ, сколько интегрирование России в международные политические и экономические институты.

Общими усилиями, по мнению Клинтона, международному сообществу удалось бы вытащить Россию из затяжного экономического кризиса.

Одним из таких шагов, предпринятых американской администрацией стало приглашение России на саммит «Большой семерки» (G7), который проходил в Токио с 7 по 9 июля 1993 года. Несмотря на то, что большинство представителей G7 выступали против приглашения российского руководства, американской администрации удалось настоять на своем.

Президент России Б.Н. Ельцин прибыл на саммит G7 в столицу Японии и принял участие в обсуждении политических вопросов, однако обсуждение экономических вопросов проходило уже без присутствия российского лидера. Во многом это объяснялось тем, что Россия на саммите была представлена в качестве временного приглашенного участника, а не полноправного представителя «Большой семерки» [4, с. 119].

Учитывая, что проблемы в российской экономике обсуждались без участия российского президента, приглашение России на саммит G7 в Японию стало очередным подтверждением того, что в экономическом сотрудничестве российско-американские двусторонние отношения остаются неравными.

Таким образом, можно сделать вывод, что после распада Советского Союза начался период становления российско-американских двусторонних отношений, которые в будущем виделись российскому руководству в формате стратегического партнерства. Однако, несмотря на то, что американская сторона также декларировала идею равного партнерства, на деле выстраивание такого рода партнерства носило иллюзорный характер.

В Вашингтоне, несмотря на обилие документов подписанных Россией и США в период 1991–1993 годов, видели в Москве не равноправного партнера, а объект для воздействия. Особенно ярко это было выражено в экономическом сотрудничестве двух стран.

Экономическая и политическая поддержка либеральных реформ в России со стороны американской администрации зависела от того, насколько активно и результативно, с точки зрения США, российским руководством проводились реформы.

Такая модель взаимодействия, построенная на ограничении российского суверенитета, приведет к зарождению системных противоречий, которые в будущем будут только усугубляться и пагубно влиять на двусторонние отношения России и США.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батюк, В. И. Режимы в российско-американских отношениях / В. И. Батюк. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия : Политология. – 2007. – № 1. – С. 52–66.

2. Богатуров, А. Д. Три поколения внешнеполитических доктрин России / А. Д. Богатуров. – Текст : непосредственный // Международные процессы. – 2007. № 1 (13). – С. 54–69.

3. Гарусова, Л. Н. Внешняя политика Соединенных Штатов Америки: основные тенденции и направления (1990–2000-е гг.) / Л. Н. Гарусова. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2004. – 151 с. – Текст : непосредственный.
4. Глебова, А. Г. Влияние сотрудничества со странами «Большой Семерки» в сфере торговли товарами на национальную экономику России / А. Г. Глебова, А. А. Гилядова, Е. А. Мартакова. – Текст : непосредственный // Вестник ГУУ. – 2022. – № 10. – С. 115–124.
5. Голдгейр, Дж., Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны» (в переводе Чхиквишвили О. В.) / Дж. Голдгейр, М. Макфол; перевод О. В. Чхиквишвили – М. : Международные отношения, 2009. – 520 с. – Текст : непосредственный.
6. Небываев, И. В. Экономическое воздействие США на Россию посредством консультационных программ в первые годы после распада СССР / И. В. Небываев. – Текст : непосредственный // Промышленность : экономика, управление, технологии. 2008. № 1. С. 120–123.
7. Хартия российско-американского партнерства и дружбы / Текст : непосредственный // Дипломатический вестник. – 1992. – № 13–14. – С. 7–11.
8. Шальнев, А. Билл Клинтон говорит россиянам: «Мы с вами» / А. Шальнев. – Текст : непосредственный // Известия. – 1993. 3 апреля. – С. 1.
9. Brumley R. H. Jackson – Vanik : Hard Facts, Bad Law? – Boston University International Law Journal, 1995. – № 8 (2). – Pp. 363–372.
10. Less than 12 % of Americans supported providing financial aid to Russia – USA Today. 1993, 1 April. – P. 5.

REFERENCES

1. Batyuk V. I. Regimes in Russian-American Relations. *Vestnik RUDN. Seriya : Politologiya = Bulletin of RUDN. Series : Political Science*, 2007, no. 1, pp. 52–66. (In Russian).
2. Bogaturov A. D. Three Generations of Russia's Foreign Policy Doctrines. *Mezhdunarodnye processy = International Processes*, 2007, no. 1 (13). Pp. 54–69. (In Russian).
3. Garusova L. N. *Vneshnyaya politika Soedinyonnyh Shtatov Ameriki: osnovnyye tendencii i napravleniya (1990–2000-e gg.)*. [Foreign Policy of the United States of America : Main Trends and Directions (1990-2000s).] Vladivostok, VSUES Publishing House, 2004. 151 p. (In Russian).
4. Glebova A. G., Gilyadova A. A., Martakova E. A. The Impact of Cooperation with the G7 Countries in the Sphere of Trade in Goods on the National Economy of Russia. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta upravleniya = Bulletin of the State University of Management*, 2022, no. 10, pp. 115–124. (In Russian).
5. Goldgeir J., McFaul M. *Cel' i sredstva. Politika SShA v otnoshenii Rossii posle "holodnoj vojny"* [End and Means. US Policy Towards Russia after the Cold War]. М., International Relations, 2009. 520 p. (In Russian).
6. Nebyvaev I. V. US Economic Influence on Russia through Consulting Programs in the First Years after the Collapse of the USSR. *Promyshlennost' : ekonomika, upravlenie, tekhnologii = Industry : Economy, Management, Technology.*, 2008, no. 1, pp. 120–123. (In Russian).

7. Charter of Russian-American Partnership and Friendship. *Diplomaticheskij vestnik = Diplomatic Bulletin*, 1992, no. 13–14, pp. 7–11. (In Russian).

8. Shalnev A. Bill Clinton Tells the Russians : "We Are with You". *Izvestiya = Izvestia*, 1993. P. 1. (In Russian).

9. Brumley R. H. *Jackson – Vanik : Hard Facts, Bad Law?* Boston University International Law Journal, 1995. No. 8 (2). Pp. 363–372.

10. *Less than 12 % of Americans supported providing financial aid to Russia* USA Today, 1993. P.5.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Маркарян, К. В. Особенности экономического сотрудничества России и США в период 1991–1993 годов / К. В. Маркарян – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 116–123.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Markaryan K. V. Features of economic cooperation between Russia and the USA in the period 1991–1993 / K. V. Markaryan // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2026, no. 1, pp. 116–123. (In Russian).

УДК 93.94

**НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ РСФСР:
ОРГАНИЗАЦИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ОТДЕЛА ГОРЦЕВ КАВКАЗА
В 1917–1918 ГГ.**

В. А. Матвеев

**THE PEOPLE'S COMMISSARIAT
FOR NATIONALITIES OF THE RSFSR:
ORGANIZATION AND FUNCTIONING OF THE DEPARTMENT
OF THE MOUNTAINEERS OF THE CAUCASUS
IN 1917–1918**

V. A. Matveev

Аннотация. В статье отражен результат исследования особенностей политики в отношении иноэтнического населения России. Используемые до 1917 г. критерии, по мнению автора, способствовали формированию государственной общности. Интеграционный процесс происходил неравномерно и в зависимости от обстоятельств с разной степенью устойчивости к сепаратистским влияниям. После октябрьского переворота исходя из составленных ранее с привнесением отражавших опыт формирования национальных государств в Европе программных установок вожди большевизма изменили курс. Российское полиэтническое согражданство в соответствии с ними стало подвергаться целенаправленной сегментации. Под нее подводилось и классовое измерение, объявлявшееся определяющим в исторических свершениях. Предварительно следует также отметить, что в воспроизведениях данных из источников сохранены те обозначения территориального деления, которые использовались в изучаемый промежуток времени. До переломных событий Дагестанская область в административной подчиненности относилась к Закавказью. Вопрос о ее соединении с Северным Кавказом ставился неоднократно, но получил разрешение только в апреле 1918 г. Поэтому Дагестан и упоминался в сочетании с Северным Кавказом, ранее включавшим в свой состав только Кубанскую и Терскую области.

Abstract. The article reflects the results of a study examining the specific features of Russia's policy toward its non-ethnic population. According to the author, the criteria used before 1917 contributed to the formation of a state-wide civic community. The integration process was uneven and, depending on the circumstances, demonstrated varying degrees of resilience to separatist influences. After the October Revolution, the leaders of Bolshevism changed their course on the basis of earlier programmatic guidelines incorporating the experience of nation-state formation in Europe. In accordance with these principles, Russia's polyethnic citizenship became subject to deliberate segmentation. This process also incorporated a class dimension, proclaimed to be decisive in historical development. It should also be noted in advance that the reproduction of source data retains the designations of the territorial division used during the period under study. Prior to the turning-point events, the Dagestan region was administratively subordinate to Transcaucasia. The question of its incorporation into the North Caucasus was raised repeatedly,

but was resolved only in April 1918. For this reason, Dagestan is referred to in conjunction with the North Caucasus, which previously included only the Kuban and Tersk regions.

Ключевые слова: дискредитация прошлого, интеграционный процесс, интернационалистские установки, классовый подход, межэтнические конфликты, местная специфика, Наркомнац, национальные критерии, Отдел горцев, политические инициативы, просветительские мероприятия, российское согражданство, сепаратистские проявления, советский проект.

Keywords: discrediting the past, the integration process, internationalist attitudes, class approach, interethnic conflicts, local specifics, People's Commissariat for Nationalities, national criteria, Department of the Mountaineers, political initiatives, educational activities, Russian civic citizenship, separatist manifestations, Soviet project.

25–26 октября в России произошел еще один в 1917 г. государственный переворот, придавший иную направленность процессу революционной трансформации. Вызванные ею преобразования определялись прежде всего изменениями, основывавшимися на применявшихся выработанных ранее положениях программы РСДРП(б). В дополнение к провозглашенным на II съезде Советов декретам 2 ноября 1917 г. была опубликована «Декларация прав народов России», содержащая осуждение предшествующей политики и объявлявшая о предоставленной народам возможности свободного самоопределения вплоть до отделения. Ее подписали «Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)» и «Народный Комиссар по делам национальностей Иосиф Джугашвили (Сталин)» [1, с. 7].

Под влиянием именно их публицистики, копировавшей соединенные с марксизмом положения европейских теорий, достигалось и внедрение национального критерия в качестве идентификационного обозначения этнических общностей, что привело к реорганизации формировавшегося ранее российского согражданства в иную государственную общность. Выступая с речью на съезде Финляндской социал-демократической рабочей партии в Гельсингфорсе 14 ноября 1917 г. И.В. Сталин «самым категорическим образом» отверг распространявшиеся обвинения в том, что захватившие власть в Петрограде большевики занимаются «развалом России, раздроблением ее на многочисленные независимые государства». При этом он подтвердил признание его партией за народами права «свободного самоопределения» [2, с. 3]. Провозглашался лозунг: «Никакой опеки, никакого надзора сверху...» [2, с. 4], являвшийся, по сути, одной из разновидностей утопий.

При отсутствии вертикали власти государство, выполняющее, прежде всего охранительные функции по отношению к населению, существовать не может. В своей речи 14 ноября 1917 г. в Гельсингфорсе И.В. Сталин вместе с тем отметил и необходимость сплочения народов России, без которого не могут быть «закреплены завоевания Октябрьской революции и двинуто вперед дело международной социалистической революции» [2, с. 4].

А 12 декабря 1917 г. И.В. Сталин подразумевая Украину заявил, что «Совет Народных Комиссаров с самого начала стоял и продолжает стоять на точке зрения свободного самоопределения» и «ничего не имеет даже против» выделения ее «в независимое государство» [3, с. 8]. Однако взгляды его в ряде случаев оказывались противоречивыми.

Исходя из своего опыта налаживания управления государством и преодоления разрозненности включаемых в него земель «железный канцлер» Германской империи Отто фон Бисмарк констатировал: «Всякая политика хороша, кроме политики колебаний» [4, с. 32]. Восприняв предшествующие складывавшиеся на волевом начале «практики революционного движения в России», И.В. Сталин также придерживался настроя, что все «опасности можно преодолеть, если действовать решительно и без колебаний» [2, с. 4]. Убежденность в этом и соответствующие качества привились и другим представителям большевизма еще когда они находились в оппозиции. Проводившаяся после захвата власти политика в государственном переустройстве России выдерживалась в рассогласованности с достигавшимися ранее результатами. Возобладал «путь освобождения от исторического прошлого России», об опасности которого для сохранения государственной целостности предупреждал еще П.А. Столыпин [5, с. 104].

Тем не менее проводившаяся РКП(б) политика, несмотря на отклонения от предшествующего курса, сочеталась и с позитивными достижениями. Оформление определявших ее направленность подходов возлагалось на Народный комиссариат по делам национальностей. Создание его в составе правительства было намечено уже на II Всероссийском съезде Советов в соответствии с «Декретом об учреждении Совета Народных Комиссаров» (СНК). Главная задача этого органа, руководство которым было поручено И.В. Сталину, «признанному знатоку» в партии национального вопроса [6, с. 5], состояла в том, констатировалось в постановлении, чтобы «закрепить завоевания революции... ввести в ее русло многочисленные национальности прежней империи», принять все меры «к поднятию культурного уровня и классового самосознания среди трудовых масс наций» [7, с. 19–20].

В компетенцию Народного комиссариата по делам национальностей входила также обязанность вовлечения их в борьбу с контрреволюцией. Имелись, прежде всего, ввиду, как можно судить по содержанию директивных указаний, ее национальные проявления [7, с. 20]. Образованному подразделению присваивались специализированные управленческие функции. На места Народный комиссариат по делам национальностей через непродолжительное время после образования разослал специальную инструкцию об организации и там своих филиалов. В ней предлагалось «по мере необходимости» в «местностях РСФСР отличающихся различным национальным составом населения» создавать «при Совдепах, на равных с другими отделами основаниях, отделы по делам национальностей». Местным же отделам

по делам национальностей предлагалось образовывать «при себе национальные секции в соответствии с имевшими» на их территориях «жительство национальностями» [8, л. 22].

Отделам по делам национальностей «при местных Совдепах... предметом... деятельности» обозначалось, прежде всего «проведение в жизнь начал Советской власти в среде соответствующих наций на их родном языке... всех постановлений Народного комиссариата по делам национальностей» [8, л. 22]. В обязанность всех его подразделений вместе с тем включалось «принятие мер... к поднятию культурного уровня и классового самосознания среди трудовых масс наций». Предлагалось вовлекать их в «борьбу... с буржуазными "правительствами"» провозглашавшимися в отдельных субъектах и на окраинах России. Инструкцией утверждалась подотчетность местных отделов по делам национальностей, «кроме исполкома», еще и Народному комиссариату по делам национальностей. Подотчетность же национальных секций определялась «как местному отделу по делам национальностей и исполкому, так и центральному национальному отделу (комиссариату) при Народном комиссариате по делам национальностей» РСФСР [8, л. 22].

Его деятельность с различной степенью полноты получала отражение в исследованиях. Ими охватывались как самый ранний период осуществления возлагавшихся на ведомство задач [9], так и накапливавшийся опыт вплоть до упразднения [10]. Освещение получали учредительная организация Народного комиссариата по делам национальностей, начало его деятельности по государственному устройству национальностей, роль в оформлении так называемой «ленинско-сталинской» политики [9, с. 45–102, 103–154]. Обобщались в исследованиях сведения о создании центрального и местных аппаратов управления, организационно-политические инициативы, обобщался так называемый опыт ликвидации «контрреволюционно-националистических организаций» [10, с. 35–43].

Специализировавшимися по теме авторами в систематизациях отражалась проводившаяся подразделениями Народного комиссариата по делам национальностей агитация и пропаганда «идей Советской власти среди нерусских народов» [10, с. 64–83], «культурно-просветительская деятельность», в том числе в начальный период Гражданской войны [10, с. 94–102]. Рассматривались и теневые стороны проводившейся советской «национальной политики» [11]. Однако организация и работа подразделений комиссариата остается во всей полноте не изученной. Накапливавшийся же входившими в его состав отделами и подотделами положительный и отрицательный опыт актуален между тем и для понимания современных процессов в России.

Народный комиссариат по делам национальностей еще с момента создания, как уже упоминалось, подразделялся на комиссариаты и отделы, каждый из которых занимался устройством какой-либо национальности или группы национальностей. По устанавливавшейся специфике функционирования в данное ведомство направлялись доклады с мест, отражавшие нередко коллективные жалобы [12, л. 6]. Одна из них 8 декабря 1917 г. поступила,

например, от «мусульман Северного Кавказа». В этом послании сообщалось о столкновениях «между пехотными полками, русским населением» с «чеченцами и ингушами» [12, л. 6]. В качестве виновника происшедшего назывался атаман М.А. Караулов, назначенный Временным правительством вскоре после февральского переворота комиссаром Терской области. После этого якобы началось вооружение «всех казаков» и натравливание их «на горцев, конечной целью которого», утверждалось обратившимися, «было окончательное подчинение инородцев казачьей диктатуре» [12, л. 5-об.].

Атаман М.А. Караулов, напротив, вопреки распространявшимся слухам прилагал немалые усилия к тому, чтобы восстановить с земляками иной этнической и конфессиональной принадлежности добрососедские отношения. На поступившую 8 декабря 1917 г. жалобу с обвинительными утверждениями руководством Наркомнаца была наложена резолюция: «Необходимо слить русское население с горцами для общей борьбы с контрреволюцией» [12, л. 7], что предполагало, как казалось тогда, классовое решение проблемы межэтнических конфликтов в крае. Судя по содержанию рекомендации, терское казачество в ней отнесено к враждебной группе. Обвинительный уклон при отображениях проводившейся в имперский период политики провоцировал и в этом случае конфликтный настрой и закладывал вместе с тем фон для последующих исторических интерпретаций. Так что в деятельности Наркомнаца, следует заметить, провозглашавшаяся справедливость выдерживалась не во всех случаях.

17 января 1918 г. в его составе учреждается Комиссариат по делам мусульман внутренней России. В апреле подразделению присваивается название Центральный мусульманский комиссариат. Впоследствии в нем также выделялись отделы и подотделы. Некоторые из них через какое-то время становились самостоятельными. Так, например, отдел «по делам мусульманского пролетариата Кавказа и Туркестана», состоявший первоначально из трех подотделов, разделен был на части, занимавшиеся раздельным управлением применительно к каждому из регионов [13, с. 131]. Продолжался поиск модели общего для всех народов России государственного совмещения. Беседа 3 и 4 апреля 1918 г. с сотрудником газеты «Правда», И.В. Сталин, например, высказал суждение, что «в России можно и нужно установить федеративный строй на основе свободного союза народов» [14, с. 68]. Этот посыл указывает на то, что концепция по переустройству страны продолжала складываться. Ясности же в том, как это должно происходить, не существовало.

В заключении к беседе И.В. Сталин изложил весьма примечательное предположение, что федерализму в России «суждено, как и в Америке и Швейцарии, сыграть переходную роль – к будущему социалистическому унитаризму» [14, с. 73]. Но при последующих реорганизациях в Народном комиссариате по делам национальностей использовались прежние дифференцирующие установки. Об этом свидетельствует, в частности, то, что национальные отделы продолжали создаваться. В их числе 1 июля 1918 г. был учрежден

и отдел горцев Кавказа, организованный после совещаний их представителей, приехавших в Москву на V Всероссийский съезд Советов. На временное заведование им был назначен имевший «высшее мусульманское образование» востоковед «Умар Бек Алиев» [15, л. 2], представитель карачаевского народа. Заместителем его также на временной основе стал «тов. А. Хамзат Ингуш» [15, л. 2]. Оба получили чуть позже постоянные полномочия [16].

12 июля 1918 г. в Народном комиссариате по делам национальностей состоялось совещание с избранными горцами Северного Кавказа и Дагестана делегатами, прибывшими на V Всероссийский съезд Советов. Заслушав доклад У.Д. Алиева об организации отдела, присутствующие необходимость его создания поддержали. Оправданность нововведения продиктована тем, отмечалось выступавшими, что в составе Народного Комиссариата по делам национальностей уже созданы и «существуют отделы других национальностей» [15, л. 4–4-об.]. Потребность подразделения обосновывалась, согласно записи протокола, и «тяжелым... в политическом отношении» положением «горцев Кавказа» [15, л. 4–4-об.]. Русский народ находился, следует заметить, в не менее сложных условиях и переживал так же, как и остальные соотечественники, вызванные разрухой лишения. Представленность его в Народном комиссариате по делам национальностей, тем не менее, разработанными нормативами не предусматривалась.

Исключение же оказывалось дискриминационным. 15 июля 1918 г. в центральный аппарат Народного комиссариата по делам национальностей поступила копия протокола о состоявшемся 12 июля совещании «делегатов горцев» Кавказа, приехавших на V Всероссийский съезд Советов, с представителями формировавшегося отдела [15, л. 3]. По начальному фрагменту текста отчета «Препровождаем при сем для вашего сведения...» [15, л. 3] заметно, что и в данном подразделении так же, как и в других советских правительственных структурах, работу налаживала и осуществляла какая-то часть обладавших канцелярским опытом бывших государственных служащих, вынужденных в силу сложившихся обстоятельств в стране принять необходимость содействия утверждавшемуся большевистскому режиму.

Это явилось одной из немаловажных обеспечивавших успешность политики составляющих. Постановление «Об образовании отдела горцев Кавказа» было зафиксировано в протоколе «заседания коллегии Народного комиссариата по делам национальностей» от 29 июля 1918 г. [17, л. 29-об.]. Создававшиеся на местах «Комиссариаты по делам горцев» считались, отмечалось в инструктивных документах, «подотделами московского отдела горцев» [15, л. 14–14-об.]. Их посланцы от «каждой национальности» приняли на себя обязательство «по приезде на места» ходатайствовать «о возможно скором созыве съезда для выбора делегатов в... отдел» и содействовать незамедлительной отправке их в Народный комиссариат по делам национальностей [15, л. 4–4-об.]. В тексте указывалось в очередной раз и то, что данное подразделение является составной частью Народного комиссариата по делам

национальностей. В штампе же было помечено расположение его в г. Москве [15, л. 12].

Вскоре после образования отдел горцев Кавказа о проделанной работе наладил регулярный выпуск информационных бюллетеней, имевших и пропагандистское предназначение. Так, в обзоре деятельности за период с 30 июля по 3 августа 1918 г. сообщалось о переданном «уездным и губернским Совдепам» предложении организовать в своем составе «отделы и подотделы горцев» везде, где они представлены [18, л. 39]. 23 августа 1918 г. отдел горцев Кавказа известил о намерении «в самом ближайшем будущем выпустить в свет свои издания», периодические и иные, как на местных наречиях, «так и в переводе их на другие языки» [15, л. 12].

5 октября 1918 г. руководство его проинформировало Народный комиссариат по делам национальностей о создании подотделов и уполномоченных на заведование ими лицах. В переданном списке отмечалось, что в качестве глав поставлены: Дагестанским подотделом Г. Саидов, Литературно-издательским – М.А. Гафаров, Экономическим – Б. Туганов, Чечено-ингушским – с временными полномочиями осуществлять руководство Х. Гастимиров, Культурно-просветительский возглавил У. Хубиев. Исполнять обязанности заведующего Агитационно-организационным подотделом временно поручалось Х. Гастимирову [15, л. 16].

В устройстве подразделения воспроизводилась специфика организации аппарата Народного комиссариата по делам национальностей, состоявшего из управления делами, секретариата, отделов информации и печати. Отдел горцев Кавказа также имел свои подотделы: агитационный, издательский, по делам тех или иных национальностей с филиалами на местах [8, л. 22]. Усилия по «развитию революционного сознания в темной массе горского пролетариата» предпринимались, кроме того, отделом мусульман-горцев Северного Кавказа и Дагестана в составе Центрального мусульманского комитета [19, л. 25, 28]. Эти учреждения занимались сбором сведений и о нуждах российских народов.

26 октября 1918 г. отдел горцев Кавказа сообщил об организации в своем составе коллегии, в которую вошли заведующий отделом У. Алиев, в качестве его заместителя М. Альтемиров. Включены в нее были У. Буйнакский, У. Кубатиев и Х. Гастимиров. В сообщении особо выделялась их принадлежность «к рабоче-крестьянской партии коммунистов-большевиков». Отдел горцев Кавказа ходатайствовал перед Народным комиссариатом по делам национальностей РСФСР об утверждении намеченных кандидатов. Из их числа принято решение командировать «для ознакомления с нуждами» населения и «выявления некоторых вопросов на местах т. У. Буйнакского, У. Кубатиева и Х. Гастимирова» [15, л. 21].

В обращении к «Председателю ВЦИК т. Свердлову» 28 октября 1918 г. сообщалось: «В связи с особенным значением Южного фронта и, признавая таковой неразрывным с Северо-Кавказским фронтом, вновь организовавшаяся

коллегия отдела горцев Кавказа придает сугубо важное значение своевременной организации на Северном Кавказе Советской власти с тем, чтобы революционные кавказские горцы с боем могли двинуться на соединение» с наступающей «с Севера Красной Советской Армией». Излагались в связи с этим и конкретные инициативы отдела горцев. Образованная в его составе коллегия «в своем заседании» еще «от 19... октября постановила выделить из своей среды ответственную чрезвычайную коллегия из трех лиц». В нее включили «т. Буйнакского (дагестанец), Кубатиева (осетин) и Гастимирова (ингуш)». На них возлагалась миссия «экстренно принять меры к организации северокавказского и дагестанского пролетариата» [15, л. 24].

В качестве основополагающих установок для деятельности созданной группы избраны были соответствовавшие цели положения. Извещая председателя ВЦИК РСФСР об учреждении чрезвычайной коллегии «по делам Северного Кавказа и Дагестана», руководство отдела горцев заявило, что ее «задачей... является создание единого краевого органа Советской власти на Северном Кавказе и Дагестане на основах Конституции РСФСР». На коллегия возлагалась миссия по прибытии на места «с этой целью» создать «Советские органы власти там, где таковых нет» и способствовать «правильному строительству их там, где таковые возникли». Наряду с этим инструкция включала созывы районных, партийных, национальных съездов и конференций, а также краевых съездов «Советов» [15, л. 24-об.]. Инициатива в этом, как видно, исходила отнюдь не снизу.

В соответствии с существовавшими указаниями руководства действовал и отдел горцев. Чрезвычайной коллегии вместе с тем давалось поручение обследовать «попутно... культурно-просветительские и экономические нужды Северного Кавказа и Дагестана». Районом же ее действия объявлялась вся территория, «населенная горскими племенами». Представленный на одобрение председателя ВЦИК РСФСР Я.М. Свердлова доклад коллегия просила утвердить [15, л. 24-об.]. Налаживавшаяся соподчиненность управленческих структур свидетельствует и о прилагавшихся усилиях к восстановлению нарушенной в условиях революционной дестабилизации вертикали власти.

28 октября 1918 г., в «Президиум ЦИК» поступило сообщение: «Народный Комиссариат по делам национальностей, обсудив вопрос о поездке комиссии из горцев Кавказа в составе т. Буйнакского, Кубатиева и Гастимирова для агитации и организации на Северном Кавказе, нашел скорейшую отправку... весьма необходимой». Руководство также информировалось о том, что в «обсуждении... вопроса» на заседании, «кроме отдела горцев Кавказа, принимал участие т. Сталин» [15, л. 22–23]. Председателю ВЦИК Я.М. Свердлову поступила от «имени Сталина» просьба «содействовать отправке в спешном порядке через Астрахань... комиссии из горцев Кавказа», направленных «для агитации и организации» [15, л. 22].

Заведующий отделом горцев У. Алиев 2 ноября 1918 г. извещал Народный комиссариат по делам национальностей о своем временном отъезде «по предложению тов. Сталина на Северный Кавказ и в Дагестан для обследования и организации на местах национальных подотделов». В обращении содержалась наряду с этим просьба «о назначении заместителем... М. Альтемирова, вместо Х. Гастимирова (ингуша)», на которого возлагались полномочия «исполнять другие обязанности по отделу» [15, л. 34^а]. Это является показателем устанавливавшейся соподчиненности во взаимодействии созданных подразделений Народного комиссариата по делам национальностей, что обеспечивало установление согласованности в работе всего ведомства. Из Москвы комиссия от отдела горцев на Северный Кавказ и в Дагестан, по сообщению Наркомнаца, выехала 5 ноября 1918 г. Ей поручалось «организовать во Владикавказе, Темир-Хан-Шуре, Нальчике, Баталпашинске и др. важнейших пунктах, где имеется Советская власть», местные национальные отделы [15, л. 35].

Об организации их во всех субъектах края выпущено было специальное постановление, которым предписывалось следующее: «Для планомерного удовлетворения нужд трудящихся горцев и объединения их вокруг Советской власти предлагается всем уездным и губернским Советам на местах с наличностью горского населения немедленно организовать отделы по делам горцев с подотделами, необходимость коих диктуется местными условиями». Направлялось оно «Всем уездными и губернским Советам рабочих и крестьянских депутатов Северного Кавказа, Дагестана, Черноморской и Ставропольской губерний». Организация отделов поручалась «левореволюционным организациям горцев», стоявших «на Советской платформе» [8, л. 128]. Постановление совместно подписали «Председатель Совета народных комиссаров В. Ульянов (Ленин)» и «Заведующий отделом горцев Кавказа при Народном комиссариате по делам национальностей У.Б. Алиев» [8, л. 128].

В обзоре о проделанной работе национальными комиссариатами и отделами с 4 по 11 ноября 1918 г. отдел горцев Кавказа сообщал, что для осуществления координации деятельности «избрана коллегия из 5 лиц». Находившимся в различных субъектах России горцам предлагалось «зарегистрироваться в отделе в течение 10 дней». Установлена была также связь отдела горцев с Северным Кавказом и Дагестаном. Из Центрального исполнительного комитета «со специальной комиссией из 6 эмиссаров» агитационным отделом туда стала поставляться «литература и печатный материал» [19, л. 25]. В пропаганде использовалось утверждение, что «Советская власть несет всем освобождение... и не позволит притеснять свободную волю тех или иных народностей, которые могут молиться... богу» по канонам исповедуемой религии [20, л. 27]. Идеологическое воздействие и решимость в проведении политики не в последнюю очередь способствовали изменению соотношения сил в Гражданской войне.

19 ноября 1918 г. в редакцию газеты «Жизнь национальностей» от руководства Наркомнаца поступило распоряжение информировать местные национальные отделы о принимаемых решениях и проводимых мероприятиях [15, л. 35]. В отчете же о деятельности «национальных комиссариатов и отделов» в период с «17 по 23 ноября 1918 г.» отдел горцев информировал о принятии мер «к установлению... связи с Кавказом и отправке туда комиссии для культурно-просветительской работы». Наряду с этим на арабский и азербайджанский языки переводится «Закон о социализации земли». По налаженным каналам связи отдел горцев получил «сведения о сформировании на Кавказе нескольких полков из трудящихся ингушей, чеченцев и осетин» [19, л. 36].

В обзоре деятельности национальных комиссариатов и отделов «за время с 23 ноября по 1 декабря 1918 г.» отдел горцев Кавказа проинформировал и о том, что им во все «учреждения по делам пленных и беженцев» направлено обращение «с просьбой сообщать о всех случаях прибытия из плена горцев... в целях регистрации» и проведения с ними «политического воспитания». Предполагалось вместе с тем «создать особый отряд из горцев, находящихся в Москве и центральных губерниях» [19, л. 29]. Проводившаяся руководством РКП(б) политика наряду с отмеченными инициативами имела направленность и на духовную сферу.

В завершающемся конечной датировкой 5 декабря 1918 г. отчете о деятельности отдела размещено, к слову, информирование руководства и общественности о том, что «Дагестанский областной Совдеп» возбудил перед Народным комиссариатом просвещения ходатайство «об утверждении сметы в 21650 руб. на организацию среди горцев Кавказа и Дагестана социалистических трудовых школ» для внедрения «социалистической» культуры «в темной трехмиллионной массе трудовых горцев» [18, л. 97]. При помощи данной меры также достигалось укрепление советской власти в крае. Предоставляя сведения о деятельности национальных комиссариатов и отделов за время с 9 по 17 декабря 1918 г., отдел горцев Кавказа сообщил, что по ходатайству «отдела центропленбеж...» состоялось открытие общежития «для пребывающих из плена горцев». С целью «более успешного проведения коммунистических идей в массы» мусульманского населения Кавказа отделом предполагалось «оборудовать собственную типографию» [19, л. 39].

С учетом преобладавшего использования языка в служебной практике сбора и фиксации необходимых для управления сведений на ряде южных окраин в имперский период, заказан был и арабский шрифт [19, л. 39]. В отчет о проделанной работе с 14 по 21 декабря 1918 г. включена информация о приглашении сотрудников «для перевода социалистической литературы с русского языка на наречия горцев» [19, л. 58]. Большим тиражом в 50 000 экземпляров «на азербайджанском языке» было отпечатано и распространялось «Обращение Совета народных комиссаров к мусульманам России и Востока» [19, л. 58]. Подготавливались и другие пропагандистские издания.

Для «распространения среди горского населения Кавказа», а также мусульман Аравии, Персии, Турции и других стран зарубежного Востока была опубликована на арабском языке «Конституция РСФСР» [19, л. 58].

Данная инициатива, судя по всему, была связана с возобладавшими ожиданиями из-за задержки в европейских странах начала именно там мировой революции. Проводившаяся пропаганда давала результаты, тем не менее, только в России. Руководство Наркомнаца располагало сведениями о том, что исповедующие ислам горцы Кавказа «стоят за советскую власть и поддерживают ее». По имевшимся в его распоряжении данным их представителей, «сражающихся в рядах Советских войск», насчитывалось около 100 000. Цифра, тем не менее, сотрудниками отдела горцев признавалась неточной. Поступавшие с Кавказа донесения, по их признанию, являлись отрывочными [21, л. 103-об.]. Горские же подразделения существовали и в белом движении на Юге России. 30 декабря 1918 г. в телеграмме с пометкой «Кремль. Совет обороны. Ленину» о существовавших настроениях на Северном Кавказе и в Дагестане сообщалось: «Население симпатизирует Советской власти и ждет с нетерпением наших войск» [22, л. 70–71].

К концу 1918 г. в Народном комиссариате по делам национальностей функционировали армянский, белорусский, еврейский, мусульманский, польский комиссариаты. Наряду с ними существовали отделы киргизский, коми-зырянский, украинский и другие. В аппарате наркомата штатным расписанием предусматривались вместе с тем подразделения агитации и пропаганды советской власти, подготовки общих декретов, связи с границей и статистики, а также редакции. По предшествующему опыту организации канцелярий они назывались «столами». Национальные комитеты и отделы наркомата имели развернутую сеть местных комиссариатов и отделов при губернских, уездных, окружных и городских советах. Им также присвоено было наименование «национальных».

В итоговом резюме в дополнение к изложенному следует отметить следующее. Оформление советской разновидности национальной политики с направленностью на переустройство российской государственности из-за наличия у большевистской партии предварительно разработанной программы намечилось сразу же после совершенного в октябре 1917 г. ее руководством переворота. Разработка политики возлагалась на созданное в правительственных структурах специальное подразделение, которому было присвоено соответствовавшее профилю специализации наименование Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР.

Представительство в нем получили уполномоченные от многих народов. Вследствие изменения курса произошел отход от применявшегося ранее критерия единого отечества с сохранением этнической самобытности, субъектность же преобразовывалась по подобию конструирования европейских наций. Заимствованные же образцы российскому коду всеобщности в основополагающих аспектах не соответствовали. Некоторое совпадение

с ним имел лишь провозглашавшийся интернационализм, предполагавший классовую солидарность. Формировавшееся ранее российское полиэтническое согражданство в кризисных условиях не утратило прежней предрасположенности к взаимодействию.

Проявлялась вместе с тем неравномерность и не завершенность интеграционного процесса. Но наличие общероссийской государственной сплоченности и в период неопределенностей развивавшейся в 1918 г. Гражданской войны являлось определяющим фактором. Сепаратистские движения не получали достаточной для утверждения поддержки. Воплощенный на практике советский проект переустройства России состоялся, в том числе при содействии сотрудников отдела горцев Кавказа, знавших местную специфику. Но при общей направленности проводившейся политики с соблюдением критерия единого отечества учитывалась она и в имперский период.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Политика Советской власти по национальному вопросу за три года. (1917–1920 гг.). – Москва : Госиздат, 1920. – 186 с. – Текст : непосредственный.
2. Сталин, И. В. Речь на съезде Финляндской социал-демократической рабочей партии в Гельсингфорсе 14 ноября 1917 г. / И. В. Сталин. – Текст : непосредственный // Сочинения. Том 4 : ноябрь 1917–1920. – М. : ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1947. – С. 1–5.
3. Сталин, И. В. Ответ товарищам украинцам в тылу и на фронте / И. В. Сталин. – Текст : непосредственный // Сочинения. Том 4 : ноябрь 1917–1920. – М. : ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1947. – С. 6–14.
4. Бисмарк, О. Политика есть искусство возможного / Отто фон Бисмарк. – Москва : ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. – 160 с. – Текст : непосредственный.
5. Столыпин, П. А. Речь об устройстве быта крестьян и о праве собственности, произнесенная в Государственной думе 10 мая 1907 года / П. А. Столыпин. Нам нужна Великая Россия! : Полное собрание речей П. А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2011. – С. 92–104. – Текст : непосредственный.
6. Примечание редакции к брошюре И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (1913) // В кн. : Сталин, И. В. О национальном вопросе : сборник статей. – М. : ЗАО Издательство Центрполиграф, 2012. – 127 с. – Текст : непосредственный.
7. К ликвидации Наркомнаца (6 лет работы Наркомнаца) / Текст : непосредственный. // Жизнь национальностей. Ежемесячный журнал по вопросам политики, экономики и культуры национальностей РСФСР. Под редакцией Г. И. Бройдо и М. П. Павловича. Кн. 1 (VI). – М. : Типография «Красный Восток», 1924. – С. 19–26.
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1318. (Наркомнац РСФСР). Оп. 1. Д. 25. – Текст : непосредственный.
9. Песикина, Е. И. Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 гг. / Под редакцией Д. И. Надточеева. Академия обществ. наук при ЦК ВКП(б). Кафедра истории ВКП(б) / Е. И. Песикина. – М. : Тип. Высш. парт. школы при ЦК ВКП(б), 1950. – 156 с. – Текст : непосредственный.

10. Макарова, Г. П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. 1917–1923 гг. Исторический очерк. АН СССР. Институт истории СССР. / Г. П. Макарова. – М. : Наука, 1987. – 172 с. – Текст : непосредственный.
11. Чеботарева, В. Г. Наркомнац РСФСР : свет и тени национальной политики. 1917–1924 гг. / В. Г. Чеботарева. – М. : Общественная академия наук российских немцев, 2003. – 852 с. – Текст : непосредственный.
12. ГАРФ. Ф. 1318. (Наркомнац РСФСР). Оп. 1. Д. 28. – Текст : непосредственный.
13. Акопян, В. З. Национальные подразделения во властных структурах Юга России (1920–1930-е гг.). Монография / В. З. Акопян. – Ростов-на-Дону : Ростовский государственный университет путей сообщения, 2014. – 288 с. – Текст : непосредственный.
14. Сталин, И. В. Организация Российской федеративной республики. Беседа с сотрудником газеты «Правда» // Сталин, И. В. Сочинения. Том 4 : ноябрь 1917–1920. – М. : ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1947. – С. 66–73. – Текст : непосредственный.
15. ГАРФ. Ф. 1318. (Наркомнац РСФСР). Оп. 1. Д. 42. – Текст : непосредственный.
16. Жизнь национальностей. 1918. 24 нояб. – Текст : непосредственный.
17. ГАРФ. Ф. 1318. (Наркомнац РСФСР). Оп. 1. Д. 2. – Текст : непосредственный.
18. ГАРФ. Ф. 1318. (Наркомнац РСФСР). Оп. 1. Д. 619. – Текст : непосредственный.
19. ГАРФ. Ф. 1318. (Наркомнац РСФСР). Оп. 1. Д. 26. – Текст : непосредственный.
20. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 419. (Штаб Терской областной группы красных повстанческих войск). Оп. 1. Д. 1. – Текст : непосредственный.
21. ГАРФ. Ф. 1318. (Наркомнац РСФСР). Оп. 1. Д. 37. – Текст : непосредственный.
22. РГВА. Ф. 100. (Управление армиями Южного фронта против Краснова, Деникина). Оп. 3. Д. 305. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. *Politika Sovetskoi vlasti po natsional'nomu voprosu za tri goda. (1917–1920 gg.)*. [The policy of the Soviet government on the national question for three years. (1917–1920)]. М., Gosizdat, 1920. 186 p. (In Russian).
2. Stalin I. V. *Rech' na s'ezde Finlyandskoi sotsial-demokraticheskoi rabochei partii v Gel'singforsе 14 noyabrya 1917 g.* [Speech at the Congress of the Finnish Social Democratic Workers' Party in Helsingfors on November 14, 1917]. Essays. Volume 4 : November 1917–1920. М., OGIЗ. State Publishing House of Political Literature, 1947. Pp. 1–5. (In Russian).
3. Stalin I. V. *Otvеt tovarishcham ukrainsam v tylu i na fronte*. [Response to Comrades of Ukrainians in the Rear and at the Front]. Works. Volume 4 : November 1917–1920. М., OGIЗ. State Publishing House of Political Literature, 1947. Pp. 6–14. (In Russian).
4. Bismark Otto fon. *Politika est' iskusstvo vozmozhnogo*. [Politics is the Art of the Possible]. М., ZAO Tsentrpoligraf Publishing House, 2015. 160 p. (In Russian).

5. Stolypin P. A. *Rech' ob ustroistve byta krest'yan i o prave sobstvennosti, proiznesennaya v Gosudarstvennoi dume 10 maya 1907 goda*. [Speech on the Peasants' Way of Life and the Right of Property, delivered in the State Duma on May 10, 1907] : Complete Collection of Speeches by P. A. Stolypin in the State Duma and the State Council. 1906–1911. M., Knizhnevek Book Club, 2011. Pp. 92–104. (In Russian).

6. *Primechanie redaktsii k broshyure I. V. Stalina «Marksizm i natsional'nyi vopros» (1913)*. [Editorial note to I. V. Stalin's pamphlet "Marxism and the National Question" (1913)]. On the National Question: A Collection of Articles. M., ZAO Tsentropoligraf, 2012. 127 p. (In Russian).

7. On the Liquidation of the People's Commissariat for Nationalities (6 Years of the People's Commissariat for Nationalities). *Zhizn' nacional'nostej. Ezhemesyachnyy zhurnal po voprosam politiki, ekonomiki i kul'tury nacional'nostej RSFSR. = Life of Nationalities. A Monthly Journal on Politics, Economics, and Culture of the Nationalities of the RSFSR*. Edited by G. I. Broido and M. P. Pavlovich. Book 1 (VI). M., Krasny Vostok Printing House, 1924. Pp. 19–26. (In Russian).

8. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation (GARF)], fund. 1318 (Narkomnats RSFSR), inventory 1, case. 25. (In Russian).

9. Pesikina E. I. *Narodnyi komissariat po delam natsional'nostei i ego deyatel'nost' v 1917–1918 gg.* [The People's Commissariat for Nationalities and its activities in 1917–1918]. Edited by D. I. Nadtocheev. Academy of Societies. Sciences at the Central Committee of the CPSU(b). Department of History of the CPSU(b). M., Type. Vyssh. part. schools at the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), 1950. 156 p. (In Russian).

10. Makarova G. P. *Narodnyi komissariat po delam natsional'nostei RSFSR. 1917–1923 gg.* [People's Commissariat for Nationalities of the RSFSR. 1917–1923]. Historical Essay. USSR Academy of Sciences. Institute of History of the USSR. M., Nauka, 1987. 172 p. (In Russian).

11. Chebotareva V. G. *Narkomnats RSFSR: svet i teni natsional'noi politiki. 1917–1924 gg.* [People's Commissariat for Nationalities of the RSFSR: Light and Shadows of National Policy. 1917–1924]. Moscow, Public Academy of Sciences of Russian Germans, 2003. 852 p. (In Russian).

12. *GARF*. [GARF], fund. 1318 (Narkomnats of the RSFSR), inventory 1, case 28. (In Russian).

13. Akopyan V. Z. *Natsional'nye podrazdeleniya vo vlastnykh strukturakh Yuga Rossii (1920–1930-e gg.)*. [National Units in the Power Structures of Southern Russia (1920–1930 s)]. Rostov-on-Don, Rostov State Transport University, 2014. 288 p. (In Russian).

14. Stalin I. V. *Organizatsiya Rossiiskoi federativnoi respubliki. Beseda s sotrudnikom gazety «Pravda»*. [Organization of the Russian Federal Republic. Conversation with an employee of the Pravda newspaper]. Volume 4 : November 1917–1920. M., OGIZ. State Publishing House of Political Literature, 1947. Pp. 66–73. (In Russian).

15. *GARF*. [GARF], fund 1318 (People's Commissariat for Foreign Affairs of the RSFSR), inventory 1, case 42. (In Russian).

16. *Zhizn' natsional'nostei*. [The life of nationalities]. 1918. November 24. (In Russian).

17. *GARF*. [GARF], fund 1318 (People's Commissariat of the RSFSR), inventory 1, case 2. (In Russian).

18. *GARF*. [GARF], fund 1318 (People's Commissariat of the RSFSR), inventory 1, case 619. (In Russian).

19. *GARF*. [GARF], fund 1318 (People's Commissariat of the RSFSR), inventory 1, case 26. (In Russian).

20. *Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (dalee – RGVA)*. [Russian State Military Archive (RGVA)], fund 419. (Headquarters of the Terek Regional Group of Red Rebel Troops), inventory 1, case 1. (In Russian).

21. *GARF*. [GARF], fund 1318 (People's Commissariat of the RSFSR), inventory 1, case 37. (In Russian).

22. *RGVA*. [RGVA], fund 100 (Management of the Southern Front Armies against Krasnov and Denikin), inventory 3, case 305. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР: организация и функционирование отдела горцев Кавказа в 1917–1918 гг. / В. А. Матвеев – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 124–138.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V. A. The People's Commissariat for Nationalities of the RSFSR: Organization and Functioning of the Department of the Mountaineers of the Caucasus in 1917–1918 / V. A. Matveev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2026, no. 1, pp. 124–138. (In Russian).

УДК 93/94

**НЕИЗВЕСТНЫЕ ЗАЩИТНИКИ АРМАВИРА:
456-Й АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ПОЛК РГК
В ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ БОЯХ ЗА ГОРОД (АВГУСТ 1942 Г.)**

Ю. В. Приймак

**UNKNOWN DEFENDERS OF ARMAVIR:
THE 456TH ARTILLERY REGIMENT OF THE RGK
IN THE DEFENSIVE BATTLES FOR THE CITY (AUGUST 1942)**

Yu. V. Priymak

Аннотация. Статья рассматривает малоизвестные страницы героической обороны Армавира и переправ большой излучины Кубани в начале августа 1942 г., в которых принимал участие 456 артиллерийский полк РГК. Автор акцентирует внимание на биографиях участников боев и их вкладе в оборону Кубани. Содержание статьи раскрывает роль артиллеристов в обороне Армавира и переправ большой излучины Кубани, а также повествует о трагической и одновременно героической судьбе этого полка, его незаслуженно забытой роли в событиях начального периода битвы за Кавказ. Материалы дополнены разнообразным иллюстративным материалом, картами и фотографиями.

Abstract. The article examines the little-known pages of the heroic defense of Armavir and the crossings of the large bend of the Kuban River in early August 1942, in which the 456th Artillery Regiment of the Reserve Group of the Red Army took part. The author focuses on the biographies of the participants in the battles and their contribution to the defense of the Kuban. The article reveals the role of the artillerymen in the defense of Armavir and the crossings of the large bend of the Kuban River, as well as the tragic and heroic fate of this regiment, and its undeservedly forgotten role in the events of the initial period of the Battle for the Caucasus. The materials are supplemented with various illustrations, maps, and photographs.

Ключевые слова: артиллерия, калибр, оборона Армавира, полк, бригада, форсирование реки, Кубань.

Keywords: artillery, caliber, defense of Armavir, regiment, brigade, river crossing, Kuban.

Одним из факторов, не позволившим войскам 1-го отдельного стрелкового корпуса (1 ОСК) сдержать прорыв авангардов 3-го (III Pz) танкового корпуса группы армий «А» (13-й танковой и 16-й моторизованной дивизий вермахта) к переправам большой излучины Кубани, стал острый дефицит дальнобойной артиллерии крупного калибра.

В подчинении командования 1 ОСК, оборонявшего более чем стокилометровый участок фронта по Кубани, находился всего лишь один полк дальнобойной артиллерии – 456-й артполк РГК, который вошел в состав корпуса за месяц до кровопролитных боев под Армавиром. О том, какую роль сыграли артиллеристы

в обороне Армавира и переправ большой излучины Кубани, а также о трагической и одновременно героической судьбе этого полка, его незаслуженно забытой роли в событиях начального периода битвы за Кавказ – наша статья.

456-й артиллерийский полк был сформирован в 1939 г. в Закавказском военном округе и дислоцировался в г. Ленинанкане (совр. г. Гюмри, Республика Армения). С августа 1941 г. входил в составе артиллерии 47-й армии Закавказского военного округа (позже Закавказского фронта). В период с 25 августа по 5 сентября 1941 г. полк принимал участие в операции «Согласие» и находился на территории Ирана до декабря 1941 г. С 18 января 1942 г. участвовал в Керченско-Феодосийской десантной операции. После разгрома Крымского фронта, в ходе операции вермахта «Охота на дроф» (нем. Trappenjagd) и эвакуации из Керчи, полк понес значительные потери в личном составе и материальной части. Из 34 орудий калибра 152 мм. – МЛ–20 (Рисунок 1), стоявших на вооружении полка, были потеряны все [1, с. 29].

Вместо погибшего в Крыму командира полка майора В.Г. Тихонова [2, с. 115] командовать 456 артиллерийским полком РКК, после эвакуации на Тамань, был назначен майор И.К. Богомоллов (Рисунок 2). В свои 36 лет Иван Кириллович Богомоллов был опытным офицером. На службу в РККА он впервые поступил в 1928 г., позже продолжил с 1932 г. В 1941 г., вступил в ряды ВКП(б). До назначения командиром 456-го ап РКК принимал участие в боях на Крымском фронте. В битве за Кавказ майор Богомоллов с боями прошел со своим полком тернистым путем отступления от Кубани, через предгорья Западного Кавказа, к побережью Черного моря. После расформирования полка майор Богомоллов участвовал в обороне Ленинграда, командовал артиллерийскими частями на 3-м Украинском фронте, неоднократно награждался орденами и медалями. Закончил войну в Вене в 1945 г. в звании полковника, командира 15 тмбр.

**Рис. 1 – Орудие калибра 152 мм, образца 1937 г.
(МЛ – 20 индекс 52-Г-544А – гаубица-пушка)**

**Рис. 2 – Полковник
И.К. Богомоллов (г. Вена 1945 г.)
в августе 1942 г. майор,
командир 456 АП РКК**

Начальником штаба полка был капитан Юферов Аркадий Павлович. Об этом отважном офицере известно, что он родился в 1913 г., службу в РККА начал в 1932 г., член ВКП(б) с 1940 г. В период Великой Отечественной войны участвовал в боевых действиях в Крыму и на Северном Кавказе. После расформирования 456-ого ап РГК продолжил службу на Центральном фронте, где в звании майора командовал 1307-м тяжелым пушечным артиллерийским полком РГК. Погиб 17 июля 1943 г. В наградном листе о представлении А.П. Юферова к ордену Отечественной войны первой степени посмертно, отмечалось, что как командир артиллерийского полка всегда стремился находиться на передовой, вместе с пехотой, «быстро выбрасывая в ее передовые боевые порядки свой наблюдательный пункт. При одном таком перемещении наскочил на вражескую мину и погиб» [3].

Комиссаром полка, судьбу которого можно отследить разве что по заверенным его подписью документам и отдельным упоминаниям исследователей, был некто М. Якушев. О его биографии данных крайне мало. Известно, что комиссаром полка он был назначен 24 июля 1942 г., сменив в этой должности выбывшего из строя старшего политрука А.Д. Кулакова. В 456-й ап РГО Якушев служил в звании батальонного комиссара, что соответствовало воинскому званию майор. Полк состоял из двух дивизионов, одним из которых командовал капитан Наум Николаевич Лерман (пропал без вести 15.08.1942 г. (Рисунок 3)), а другим – капитан Григорий Сергеевич Копарчук (Рисунок 4).

**Рис. 3 – Командир артдивизиона
456 ап РГК
капитан Н.Н. Лерман**

**Рис. 4 – Командир артдивизиона
456 ап РГК
капитан Г.С. Копарчук**

В июле 1942 г. 456-й ап РГК входил в состав 47-й армии и являлся ядром центральной артиллерийской подгруппы [4]. Одновременно с этим 5 июля 1942 г. 456-й артиллерийский полк «поступает на усиление 1 ОСК» [5].

29 июля 1942 г. штаб Северо-Кавказского фронта приказом № 00599/оп подчинил 1 ОСК (вместе с приданным ему 456 ап РГК) 56-й Армии. Части корпуса получили приказ занять оборону по Краснодарскому обводу (станции Васюринская, Динская, Новотиторовская, Миловидово) не позднее 31.07.42 г. Выполняя данный приказ, части корпуса в 23.00 29 июля 1942 г. приступили к погрузке «для следования по ж.д. в район Краснодар» [6, л. 75–76]. Однако сразу за новым приказом части 1 ОСК получили распоряжение двигаться в район нового сосредоточения к Новокубанскому и Армавиру [7]. В Журнале боевых действий войск СКФ по этому поводу отмечено; «в 20.00 30.07 – 4 эшелона проследовали Краснодар, 3 эшелона находились в пути, 3 эшелона находились под погрузкой» [8]. Сутки спустя, ситуация с переброской частей 1 ОСК осложнилась. Отправлено в район сосредоточения было лишь 9 эшелонов, под погрузкой находилось 5, в остальном передислокация срывалась из-за нехватки подвижного состава [9]. Именно этим объясняется позднее развертывание 1 ОСК на новом участке фронта, которое затянулось на несколько дней вплоть до первых чисел августа.

К утру 02.08.1942 г., когда часть подразделений корпуса, включая 456-й ап РГК, выгружалась из эшелонов под Армавиrom, был получен приказ штаба фронта № 00634 о выдвигении на новый рубеж обороны в район Смыков, Григориполисская [10, с. 24–25]. 456 артполк РГК должен был форсировать Кубань и, заняв рубеж на правом берегу реки, поддержать огнем батальоны 113-й и 139-й бригад 1 ОСК.

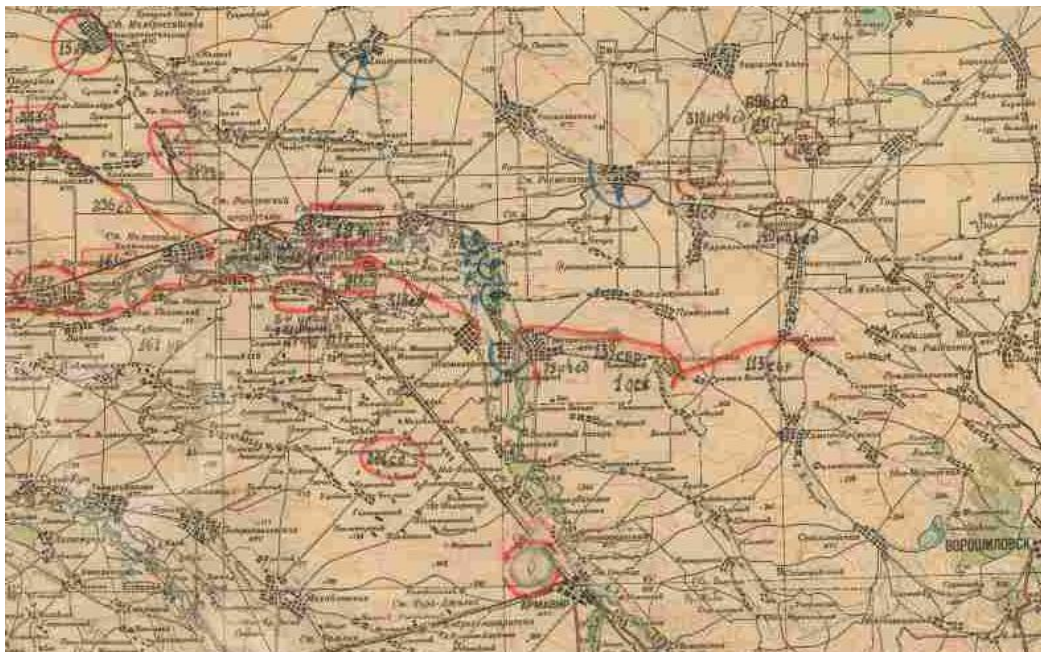
Однако командование корпуса направило на правобережье Кубани только один из двух дивизионов 456-го артполка. Исследователь обороны Кавказа Э. Пятигорский считал, что «командир корпуса (полковник М.М. Шаповалов – Ю.П.) великолепно сознавал, что его четыре батальона не представляют для танковых и моторизованных частей гитлеровцев серьезного препятствия. Он не рискнул выдвинуть вперед весь 456-й гаубичный артиллерийский полк» [11, с. 16]. Откровенно говоря, из анализа биографии командира 1 ОСК полковника М.М. Шаповалова и оценки «полководческого» прошлого комкора, трудно сделать вывод о его искренней обеспокоенности за судьбу бойцов и командиров корпуса, отправленных на правобережье Кубани с заведомо невыполнимой задачей.

Переброска войск 1 ОСК на участок в междуречье Кубани и Егорлыка осуществлялась по прямому приказу штаба СКФ № 00634 от 02.08.1942 г., но командир 1 ОСК полковник М.М. Шаповалов не считал возможным обозначить риски подобного решения для обороны большой излучины Кубани перед вышестоящим командованием, интуитивно, на всякий случай, придерживав при этом часть войск на левом берегу. Полковник М.М. Шаповалов – личность, конечно же, противоречивая, он был человеком своего времени

со свойственными эпохе чертами: жесткостью, волонтаризмом, гипертрофированным инстинктом самосохранения, но как профессиональный военный, он не мог не понимать риска отправки за Кубань одного из дивизионов 456-го ап РКК.

В конечном итоге, на позиции в район Смыков – Григориполисская был направлен только один дивизион артиллерии крупного калибра, в то время как другой, выгрузившись на станции Коцебу (разъезд между станциями Отрадо-Кубанское и Кубанское), занял боевые позиции среди построек конезавода № 33 (совр. конезавод «Восход») для прикрытия танкоопасных направлений у бродов и паромных переправ по р. Кубани.

На отчетной карте штаба СКФ за период с 01.08.1942 г. по 05.08.1942 г. [12] отмечено, что первоначально, батальоны 139 отдельной стрелковой бригады (командир полковник К.Д. Прокофьев) 1 ОСК были развернуты фронтом на север. При этом участок линии обороны бригады от Григориполисской до Воскресенской был довольно протяженным. Левым флангом позиции бригады примыкали к руслу р. Кубань, а справа к линии обороны соседней 113 осбр. Позиции справа – Румяная Балка, Родионов, Смыков обороняли 3-й и 4-й батальоны 113-й отдельной стрелковой бригады (командир полковник Н.С. Васильев). В районе хутора Смыков держали оборону сильно поредевшие эскадроны 127 кавалерийского полка (командир И.А. Безнощенко) 30-й кавалерийской дивизии. По оценке военного комиссара 1 ОСК, бригадного комиссара Н.И. Привалова «6 батальонов занимали по фронту более 40 клм. От Григориполисская до Смыков. Между отдельными батальонами были промежутки до 20 клм.» [13, л. 1].

**Рис. 5 – Фрагмент отчетной карты штаба фронта.
Описывает период с 01.08 по 05.08.1942 г.**

На отчетной карте штаба СКФ за период с 01.08.1942 г. по 05.08.1942 г. [12] отмечено, что первоначально, батальоны 139 отдельной стрелковой бригады (командир полковник К.Д. Прокофьев) 1 ОСК были развернуты фронтом на север (Рисунок 5). При этом участок линии обороны бригады от Григориполисской до Воскресенской был довольно протяженным. Левым флангом позиции бригады примыкали к руслу р. Кубань, а справа к линии обороны соседней 113 осбр. Позиции справа – Румяная Балка, Родионов, Смыков обороняли 3-й и 4-й батальоны 113-й отдельной стрелковой бригады (командир полковник Н.С. Васильев). В районе хутора Смыков держали оборону сильно поредевшие эскадроны 127 кавалерийского полка (командир И.А. Безнощенко) 30-й кавалерийской дивизии. По оценке военного комиссара 1-го ОСК, бригадного комиссара Н.И. Привалова «6 батальонов занимали по фронту более 40 клм. от Григориполисской до Смыков. Между отдельными батальонами были промежутки до 20 клм.» [13, л. 1].

За боевыми порядками 113-й бригады находился дивизион 456 ап РКК однако в начале боев позиции артиллеристов, были подвергнуты ударам противника. «Бомбежкой – отмечал комиссара 1 ОСК Н.И. Привалов – была полностью уничтожена матчасть 152 мм. дивизиона, поддерживающего 113 бригаду» [14, л. 2].

Проломив неустойчивую новую линию фронта наших войск в междуречье Кубани и Егорлыка, к станции Прочноокопской прорвались отдельные боевые группы 13-й танковой дивизии вермахта, но бригады Н.С. Васильева и К.Д. Прокофьева продолжали драться на своих рубежах даже в окружении и своей стойкостью сковывали силы врага.

С началом боев связь штаба 1 ОСК с бригадами была утрачена и приказ на основе оперативной директивы Штаба СКФ № 0077/оп об отходе обратно, на левый берег Кубани [15], был получен не всеми частями и с опозданием. Не имевшие между батальонами прочных стыков, стрелковые бригады оказались рассечены по частям и какое-то время действовали по своему усмотрению. Телефонная связь между подразделениями в ходе боев была быстро нарушена, немногие радиостанции разбиты, бойцы испытывали жажду. Ситуация напоминала слоеный пирог, в котором основные дороги и часть населенных пунктов контролировались немцами, а отдельные хутора, балки и высоты продолжали занимать поредевшие батальоны 113-й и 139-й бригад. Боевые группы 13-й танковой дивизии вермахта не тратили время и силы на уничтожение отдельных очагов сопротивления советских войск и стремились быстрее прорваться в Прочноокопскую, овладеть переправой через Кубань и захватить плацдарм на левом берегу реки. Осознавая, что в тыл позиций корпуса прорвался враг, бригады еще до получения приказа вернуться на левобережье, развернули свои поредевшие подразделения фронтом на юг (Рисунок 6), прикрывшись с севера небольшими арьергардами. По крайней мере, в штабе 1 ОСК располагали информацией, что 4-5 августа 1942 г. остатки бригад перевернутым фронтом

на юг, ведут бой в районе Каменнобродской, Церковный Покровский [16, с. 98–99].

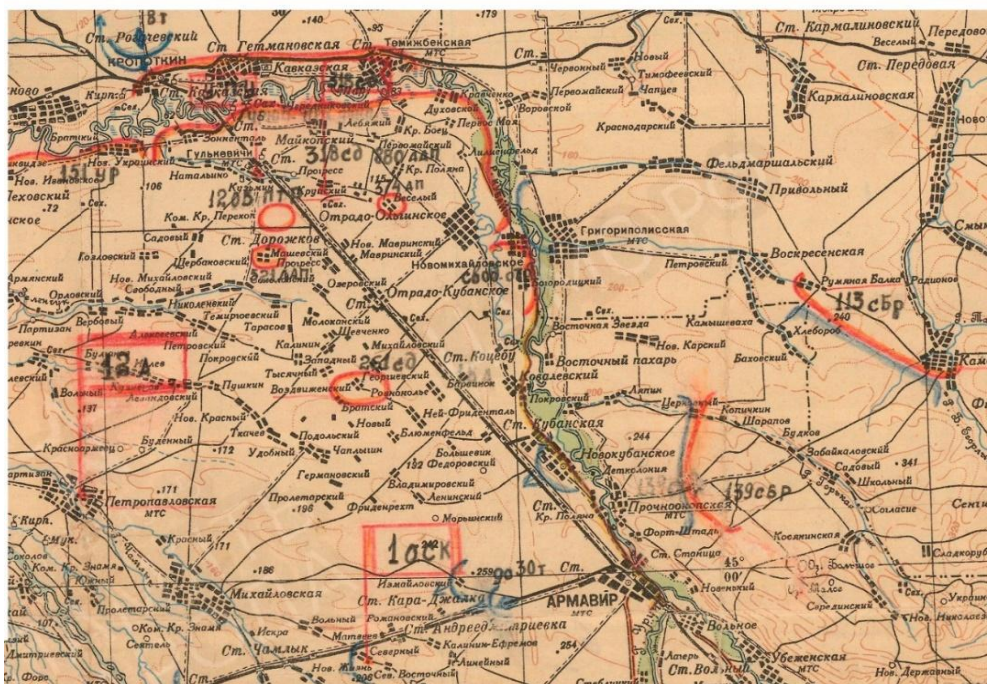

Рис. 6 – Фрагмент отчетной карты штаба СКФ.

Описывает период с 05.08.1942 г. по 06.08.1942 г. [17]

Оказавшись без воздушной поддержки и в отсутствии средств ПВО, направленный за Кубань, дивизион 456-й ап РКК понес большие потери. В списке безвозвратных потерь (Рисунок 7) начальствующего и рядового состава 456-й АП РКК за период с 01.08. по 31.08.1942 г. отмечено 18 человек [18].

Из них два старших лейтенанта А.Х. Фетисов (Рисунок 8) и Н.А. Рак (Рисунок 9), один лейтенант К.Д. Барихновский (Рисунок 10), один младший лейтенант П.Е. Бут. Старший сержант П.Я. Филонов, сержанты Е.М. Самосудов и А.С. Соколов, младший сержант И.М. Захаров. Красноармейцы Е.Т. Бабик, А.И. Бородин, И.С. Бабенко, Н.П. Журавлев, В.И. Стальной, С.П. Тарасов, Н.С. Маслов, И.Т. Бондарчук, Н.И. Квачко и Ф.Я. Куксенюк. Как следует из списка, 17 человек погибли в районе Армавира 3 августа 1942 г. и лишь сержант Соколов Александр Сергеевич был убит 13.08.1942 г. в районе станции Апшеронской. Нами также установлено, что лейтенант Барихновский Корнилий Дмитриевич не погиб в августе 1942 г., а остался жив. В 1943 г. в звании старшего лейтенанта проходил службу в должности командира взвода 1055-го артиллерийского полка. Погиб, освобождая Запорожскую область в 1943 г.

Список Приложение к № 24622 Формы 2.

Безвозвратная потеря начальствующего и рядового состава 456 АП РКГ с 01.08 по 31.08.1942 г.

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Воинское звание	Воинские звания и награды	Место рождения	Какой РВК и какой № мобилиз.	Куда и по какой причине мобилиз.	Где похоронен	Место захоронения и фамилия, адрес места или родственники
1	Фетисов Александр Харитонович	Ст. лейтенант	Капитан	Курск. Новост. Золотобереж. р-н. Мельниковый с/пос. д. Сорокино. Род. 1918 г.	Кадр.	Убит 3.8.42 в районе г.р. Красновд. кр. Крайовд. кр.	Похоронен в р-не г.р. Крайовд. кр. Крайовд. кр.	Отцу: Фетисов Харитон Васильевич. Курский р-н. Золотобереж. р-н. Мельниковый с/пос. д. Сорокино. С. Садовнико.
2	Рок Николай Андреевич	Ст. лейтенант	Ст. лейтенант	Сыктывкар. обл. Архангельский р-н. Железнодорож. с/пос. № 2 ш. "Лидо". Род. 1919 г.	Кадр.	то же	то же	Мать: Маурильда Ивана Николаевна. Сыктывкар. р-н. Центр. Индустриальный с/пос. д. Мельник. № 3 ш. Лидо.
3	Буйт Петр Александрович	Ш.	Капитан	Уезд Калужск. Псков. обл. Стара. Волынский р-н. с/пос. Ново-Волынка. Род. 1919 г.	Псковск. Стара-Волынский РВК. Калинин. Калинин. обл.	то же	то же	Мать: Буйт Мария Александровна. Уезд Калужск. Псков. обл. Стара-Волынский р-н. с/пос. Ново-Волынка. Род. 1919 г.
4	Борисовский Корнелий Дмитриевич	Лейтенант	Капитан	Калининск. обл. Новоржевский р-н. с/пос. Дуброво. Род. 1915 г.	Псковск. Новоржевский РВК. Калинин. Калинин. обл.	то же	то же	Мать: Борисовская Анастасия Ивановна. Калинин. обл. Новоржевский р-н. с/пос. Дуброво.
5	Захаров Иван Митрофанович	Младший сержант	Сержант	Калининск. обл. Вяземский р-н. Касобицкий с/пос. д. 4-й Бурный. Род. 1919 г.	Псковск. Вяземский РВК. Калинин. Калинин. обл.	то же	то же	Мать: Захарова Мария Митрофановна. Калинин. обл. Вяземский р-н. с/пос. Д. Бурный.
6	Одогов Петр Яковлевич	Старший артиллерийский	Старший артиллерийский	Орловская обл. Локотский р-н. Сухининский с/пос. д. Козакино. Род. 1919 г.	Псковск. Локотский РВК. Орловск. Орловск. обл.	то же	то же	Мать: Одогова Анна Романовна. Локотский р-н. Сухининский с/пос. д. Козакино.
7	Бобик Евгений Тимофеевич	Красноармеец	Сержант	Калининск. обл. Стара. Волынский р-н. Род. 1918 г.	Стара-Волынский РВК.	то же	то же	Родные мать: Колесникова Наталья Ивановна. Стара-Волынский р-н.

Рис. 7 – Список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 456 АП РКГ за период с 01.08. по 31.08.1942 г.

8	Савосудов Евгений Михайлович	Сержант	Сержант	Молодос. обл. с. Верный. 2-й Ротарский полк. Род. 1918 г.	Свердловск. РВК.	Убит 3.8.42 в районе г.р. Крайовд. кр. Крайовд. кр.	Похоронен в р-не г.р. Крайовд. кр. Крайовд. кр.	Отцу: Савосудов Михаил Степанович. Свердловск. обл. 2-й Ротарский полк. Род. 1918 г.
9	Соколов Александр Степанович	Сержант	Сержант	Калининск. обл. Куртский р-н. Малаховка. Род. 1921 г.	Калининск. РВК.	Убит 13.8.42 в районе г.р. Калинин. Крайовд. кр.	Похоронен в р-не г.р. Калинин. Калинин. обл.	Отцу: Соколов Степан Александрович. Калинин. обл. Малаховка. Род. 1921 г.
10	Бородин Андрей Иванович	Красноармеец	Сержант	Крайовд. обл. Крайовд. р-н. Ново-Волынский с/пос. д. Воронино. Род. 1918 г.	Калининск. РВК. Калинин. Калинин. обл.	Убит 3.8.42 в районе г.р. Крайовд. кр. Крайовд. кр.	Похоронен в р-не г.р. Крайовд. кр. Крайовд. кр.	Мать: Бородина Анна Степановна. Крайовд. обл. Ново-Волынский с/пос. д. Воронино.
11	Бобико Иван Спиридонович	Красноармеец	Сержант	Зарковск. обл. Даровский с/пос. д. Зарковск. Род. 1915 г.	Зарковск. РВК. Зарковск. обл.	то же	то же	Мать: Бобико Анна Спиридоновна. Зарковск. обл. Даровский с/пос. д. Зарковск.
12	Журавлев Николай Петрович	Красноармеец	Сержант	Крайовд. обл. Мухоморский р-н. Владимировский с/пос. Род. 1919 г.	Мухоморский РВК. Крайовд. кр.	то же	то же	Мать: Журавлева Мария Александровна. Крайовд. обл. Владимировский с/пос. К.Б. Калининск. обл.
13	Сталинский Виктор Иванович	Красноармеец	Сержант	Уезд Зарковск. обл. Савинский с/пос. с. Крюки. Род. 1921 г.	Савинский РВК. Зарковск. обл.	то же	то же	Отцу: Сталинский Виктор Иванович. Уезд Зарковск. обл. Савинский с/пос. с. Крюки.
14	Мараев Виктор Прохорович	Красноармеец	Сержант	Смоленск. обл. Шумяцкий р-н. Род. 1919 г.	Шумяцкий РВК. Смоленск. обл.	то же	то же	Родные мать: Симоненко Анна Шумяцкий р-н. Шумяцкий с/пос.
15	Малив Николай Алексеевич	Кр. ч.	Сержант	Калининск. обл. Архангельский р-н. М. Бурный с/пос. Род. 1919 г.	Земско-Бурный РВК.	то же	то же	Отцу: Малив Алексей Александрович. Калининск. обл. Архангельский р-н. М. Бурный с/пос.

16	Бондарук Шан Матвеевич	Кр.ч. ✓	Кр.ч. ✓	Колесов, Николай от. Безвозвратный РПВ Ровно 1918	Березовский РПВ Колесов, Николай от.	Убит 3.8.42. в 2-м армавир. Сражении Кубань	Позднее 6-м армавир. Краснодарск обл.	Отцы-Бондарук, Матв. Колесов, Николай от. Березовский, р.п. с. Монахово
17	Нварко Николай Иванович	Кр.ч. ✓	Кр.ч. ✓	Коробков, от. Савинский р.п. Ровно 1918	Савинский РПВ Коробков от.	то же	то же	Коробков от. Савинский р.п. с. Савинск
18	Кукуенко Федор Иванович	Кр.ч. ✓	Кр.ч. ✓	Березовский от. Савинский р.п. Ровно 1918	Ломовский ГРВ	то же	то же	Моло-Кукуенко Ирина Березовский от. Савинский р.п. с. Савинск

Командир 456 АПРГК
майор М.С. [подпись] /Борисович/ 5.9.42.

Военком 456 АПРГК
бат. комиссар М. [подпись] /Иванович/

Начальник штаба 456 АПРГК
капитан В. [подпись] /Иванович/

Продолжение рис. 7 – Список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 456 АП РГК за период с 01.08. по 31.08.1942 г.

Рис. 8 – А.Х. Фетисов, ст. лейтенант 456 ап РГК, убит под Армавиром 03.08.1942 г.

Рис. 9 – Н.А. Рак, ст. лейтенант 456 ап РГК, убит под Армавиром 03.08.42 г.

Рис. 10 – К.Д. Барихневский, лейтенант 456 ап РГК, в августе 1942 г.

На протяжении 4-го и 5-го августа поредевшие батальоны 139 бригады и часть других окруженцев, самостоятельно или используя захваченную у противника паромную переправу близ комбината им. Сталина (совр. район г. Новокубанска), переправлялись на левый берег Кубани. 139-й осбр. с батальоном 69-го УРа и оставшейся матчастью 1-го дивизиона 456-го ап к исходу 04.08.1942 г. прикрывали рубеж на левом берегу Кубани, обороняя участок Покровский – Конный завод – Отрадо-Ольгинское [19].

Точных данных о том, сколько человек из состава 1-го дивизиона 456-го ап РГК, разбитого на правобережье Кубани, смогли присоединиться к защитникам Армавира, нет. Однако к 4 августа 1942 г. часть 456 артполка дислоцировалась в районе отметки 198 (западнее Красной Поляны). В этот период на участке фронта велись интенсивные бои с противником по его вытеснению из восточной части Красной Поляны [20].

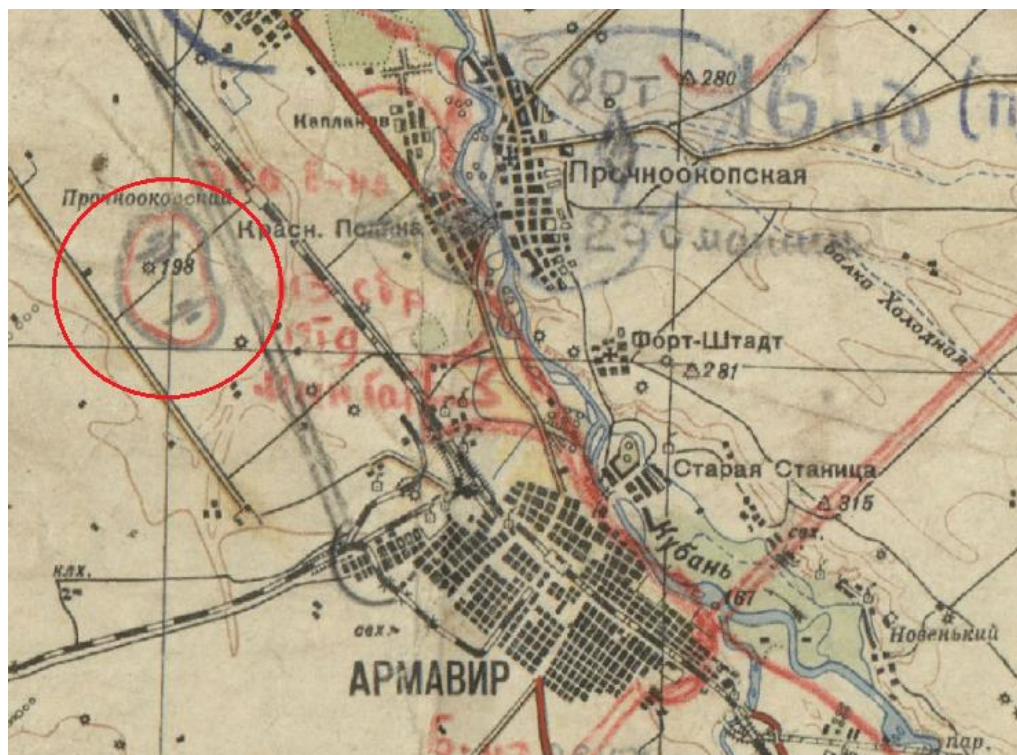

Рис. 11 – Дислокация 456 ап РГК на высоте 198 под Армавиром

Орудия и опорный пункт 456 ап РГК располагались юго-западнее и южнее скатов высоты 198 (Рисунок 11), а сам дивизион находился в подчинении командира 139 отдельной стрелковой бригады [21]. К 5 августа Армавир оказался под угрозой окружения. Возведя понтонный мост через Кубань у хутора Капланов (сейчас район г. Новокубанска) 13 танковая дивизия вермахта, не ввязываясь в бои местного значения, устремилась к станции Курганной с целью захвата Майкопа. Пока другая немецкая дивизия – 16 моторизованная, топталась на плацдарме у переправы в районе станицы Прочноокопской и хутора Красная Поляна, готовясь штурмовать Армавир, многие части РККА, включая остатки 456 ап РГК, получили возможность покинуть город, вырвавшись из окружения.

В ходе отступления 6 августа 1942 г. один из дивизионов 465 артполка отошел в район станицы Ново-Алексеевской, где утром был атакован танками противника и был вынужден отойти на восток. В это время другой дивизион полка самостоятельно выходил из окружения в районе Армавира. При этом артиллеристы периодически теряли связь с командованием 1 ОСК и испытывали нехватку боеприпасов.

8 августа артиллеристы 456 ап РГК сосредоточились в районе хутора Октябрьский, что в 2-х километрах от Майкопа [22]. В дальнейшем с 9 по 12 августа полк продолжил отходить в направлении предгорий Западного Кавказа,

минуя станицы Ярославскую, Апшеронскую, хутор Спасов, теряя бойцов и командиров кого погибшими, а кого пропавшими без вести.

В этот период бойцы 456 ап РГК стали очевидцами странных и одновременно трагических для судьбы полка и 1 ОСК событий. По информации исследователя и публициста Юрия Петровича Ржевцева, его дед по линии матери Василий Лукьянович Юденков (1915–1991) служивший в 456 артиллерийском полку РГК рассказывал ему, что у одной из кубанских станиц, прямо через позиции артиллерийских расчетов в сторону врага вихрем промчалась черная командирская «эмка» с выставленным из окна самодельным белым флагом. Артиллерийские расчеты настолько опешили, что даже не применили стрелковое оружие. А по окопам пронесся слух, что в плен к немцам сдался вместе с семьей командир оборонявшегося здесь стрелкового корпуса.

В данном случае речь идет об измене командира 1 ОСК, полковнике М.М. Шаповалове, который вместе с женой в районе станицы Ярославской 10 августа 1942 г. сдался врагу. После кровопролитных боев остатки полка вышли к побережью Черного моря, однако в связи с большими потерями в людях и материальной части 12 сентября 1942 г. 456 ап РГК был расформирован.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ткаченко, С. Н. К вопросу о боевом и численном составе артиллерии крымского фронта в феврале-мае 1942 года. / С. Н. Ткаченко. – Текст : непосредственный // History and Archeology | Juvenis scientia. – 2019. – № 2. – С. 29.

2. Углов, В. И. Академия в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг. 75-летию Великой Победы 200-летию образования академии посвящается... / В. И. Углов. – М. : Изд-во Военной академии РВСН имени Петра Великого, 2020. – С. 115. – Текст : непосредственный.

3. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Наградной лист на майора Юферова А. П. (Номер шкафа : 240. Номер ящика : 18). – URL : https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie17571138/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3DIюферов%26first_name%3DАркадий%20%26middle_name%3DПавлович%26place_birth_ids%3D%26rank%3DМайор%26division_id%3D%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrody_nagrad_doc%3Anagrody_uchet_kartoteka%3Anagrody_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_ino_stranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_card%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Akld_partizan%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%3Asame_rvk%3Asame_guk%3Apotery_knigi_pamyati%26page%3D1%26grouppersons%3D1& (дата обращения : 14.02.2026) – Текст : электронный.

4. ЦАМО. Боевой приказ штаба Центральной арт. подгруппы. Описывает период с 01.07.1942 по 03.07.1942 г. Боевые приказы и распоряжения. № документа : 1, Дата создания документа : 01.07.1942 г. – Ф. 11467. – Оп. 0000001. – Д. 0001. – URL : [https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=455521846&backurl=q%5CBоевой%](https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=455521846&backurl=q%5CBоевой%26)

20приказ%20штаба%20Центральной%20арт.%20подгруппы.%20Описывает%20период%20с%2001.07.1942%20по%2003.07.1942%20г.%20Боевые%20приказы%20и%20распоряжения.%20№ %20документа:%2001,%20Дата%20создания%20документа:%2001.07.1942%20г.%20(Архив:%20ЦАМО,%20Фонд:%2011467,%20Опись:%2000000001,%20Дело:%2000001,%20Лист%20начала%20документа%20в%20деле:%2010).%20Авторы%20документа:%20456%20ап%20РГК,%20майор%20Богомолов,%20ст.%20батал.%20комиссар%20Кулаков,%20капитан%20Юферов.%20::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie (дата обращения : 08.02.2026). – Текст : электронный.

5. ЦАМО. Боевое распоряжение штаба 456 ап РГК. Описывает период с 05.07.1942 по 06.07.1942 г. Боевые приказы и распоряжения. № документа : 2, Дата создания документа : 05.07.1942 г. – Ф. 11467. – Оп. 0000001. – Д. 0001. – URL : https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=455521852&backurl=q%5C456%20%D0%B0%D0%BF%20%D0%A0%D0%93%D0%9A::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie&static_hash=abdfa3536633c1c5d7c8ab2d34afbcc1v1 (дата обращения : 11.02.2026). – Текст : электронный.

6. ЦАМО. Журнал боевых действий войск СКФ. Описывает период с 26.06.1942 по 03.09.1942 г. Журналы боевых действий. Дата создания документа : 03.09.1942 г. – Ф. 224. – Оп. 760. – Д. 59. – Л. 75–76. – URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=133726228&backurl=division%5C456%20ап::begin_date%5C28.07.1942::end_date%5C01.08.1942::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie&date_from=28.07.1942&date_to=01.08.1942&division=456%20ап (дата обращения : 01.02.2026). – Текст : электронный.

7. ЦАМО. Доклад о составе боевых операций 1 ОСК. Период с 05.09.1942 по 05.09.1942 г. – Ф. 276. – Оп. 811. – Д. 27. – Л. 1. – URL: <https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=112672601&backurl=q%5C1%20%D0%9E%D0%A1%D0%9A>. (дата обращения : 15.02.2026). – Текст : электронный.

8. ЦАМО. Доклад о составе боевых операций 1 ОСК. Период с 05.09.1942 по 05.09.1942 г. – Ф. 276. – Оп. 811. – Д. 27. – Л. 1. – URL: <https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=112672601&backurl=q%5C1%20%D0%9E%D0%A1%D0%9A>. (дата обращения : 15.02.2026). – Текст : электронный.

9. ЦАМО. Оперативная сводка штаба СКФ. Описывает период с 31.07.1942 по 31.07.1942 г. Боевые донесения, оперсводки. № документа : 72, Дата создания документа : 31.07.1942 г. – Ф. 276. – Оп. 811. – Д. 59. – URL : https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=455204813&backurl=q%5CОперативная%20сводка%20штаба%20СКФ::number%5C72::fund%5C276::inventory%5C811::file%5C59::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie (дата обращения 13.02.26) – Текст : электронный.

10. Карташев, А. В. «Опыт боевых действий советских войск на Кавказе был в дальнейшем учтен и развит...». Действия 1-го отдельного стрелкового корпуса Северо-Кавказского фронта на рубеже обороны Смыков – Григорополисская в августе 1942 года. / А. В. Карташев. – Текст непосредственный // Военно-исторический журнал. – 2023. – № 3. – С. 24–25.

11. Пятигорский, Э. И. На остриях войны. Кубань. 1942. Август. / Э. И. Пятигорский. – Туапсе : ОАО «Туапсинская типография», 2005. – С. 16. – Текст : непосредственный.

12. ЦАМО. Отчетная карта штаба фронта. Описывает период с 01.08.1942 по 05.08.1942 г. Карты. Дата создания документа : 05.08.1942 г. – Ф. 224. – Оп. 760. – Д. 261. URL : https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=100610581&backurl=q%5CОтчетная%20карта%20штаба%20фронта::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie (дата обращения : 14.02.2026) – Текст : электронный.

13. ЦАМО. Доклад о составе боевых операций 1 ОСК. Период с 05.09.1942 по 05.09.1942 г. – Ф. 276. – Оп. 811. – Д. 27. – Л. 1. URL : <https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=112672601&backurl=q%5C1%20%D0%9E%D0%A1%D0%9A>. (дата обращения : 15.02.2026) – Текст : электронный.

14. ЦАМО. Доклад о составе боевых операций 1 ОСК. Период с 05.09.1942 по 05.09.1942 г. – Ф. 276. – Оп. 811. – Д. 27. – Л. 2. URL : <https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=112672601&backurl=q%5C1%20%D0%9E%D0%A1%D0%9A>. (дата обращения : 15.02.2026) – Текст : электронный.

15. ЦАМО. Журнал боевых действий войск СКФ. Описывает период с 26.06.1942 по 03.09.1942 г. Дата создания документа: 03.09.1942 г. – Ф. 224. – Оп. 760. – Д. 59. – С. 108 – 171 URL : <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=133726228> (дата обращения : 15.02.2026) – Текст : электронный.

16. Приймак, Ю. В. Армавир 42. Битва за переправы. 03–08.08.1942 г. / Ю. В. Приймак. – М. : Издательство «Перо», 2022. – С. 98–99. – Текст : непосредственный.

17. ЦАМО. Отчетная карта штаба фронта. Описывает период с 05.08.1942 по 06.08.1942 г. Карты. Дата создания документа : 06.08.1942 г. – Ф. 224. – Оп. 760. – Д. 265. – URL : https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=100610583&backurl=begin_date%5C05.08.1942::fund%5C224::inventory%5C760::file%5C265::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie (дата обращения : 15.02.2026 г.) – Текст : электронный.

18. ЦАМО. Список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 456 АП РКГ за период с 01.08. по 31.08.1942 г. – Ф. – 58. – Оп. 818883. – Д. 965. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie50604016/?static_hash=48ea4f0fcedfd9e6201ae092a22a4e84v2_ (дата обращения : 15.02.2026) – Текст : электронный.

19. ЦАМО. Справка по 1 оск. Справка № 1. Период с 05.08.1942 по 05.08.1942 г. Ф.– 276, 811.– Д. 53. – Док. 1. – URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=134086976&backurl=q%5CСправка%20по%201%20оск.%20Справка%20№%201.%20Период%20с%2005.08.1942%20по%2005.08.1942%20г.%20::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie (дата обращения 15.02.26) – Текст : электронный.

20. ЦАМО. Боевое донесение штаба 12 А. Боевые донесения, оперсводки. № документа : 198/ОП, Дата создания документа : 05.08.1942 г. – Ф. 371. – Оп. 6367. – Д. 96. – Л. 30. – URL: <https://pamyat naroda.ru/documents/view/?id=131286241>

&backurl=fund%5C371::use_main_string%5Ctrue::group%5Ccall::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:do_kladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie::page%5C1194&static_hash=b470efb15bce49e506dcbc91d128ba47v1 (дата обращения 15.02.2026) – Текст : электронный.

21. ЦАМО. Боевой приказ КП 1 оск. Боевой приказ № 13. Период с 05.08.1942 по 05.08.1942 г. – Ф. 371. – Оп. 6367. – Д. 94. – Док. 13. – URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=132314347&backurl=division%5C1%20оск::begin_date%5C05.08.1942::end_date%5C05.08.1942 (дата обращения 15.02.2026) – Текст : электронный; ЦАМО. Рабочая карта штаба армии. – Ф. 467. – Оп. 6005. – Д. 153. Период с 05.08.1942 по 05.08.1942 г. – URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=101043501&backurl=division%5C1%20оск::begin_date%5C05.08.1942::end_date%5C05.08.1942 (дата обращения : 15.02.2026) – Текст : электронный.

22. ЦАМО. Журнал боевых действий 377 аап. Описывает период с 18.01.1942 по 31.12.1942 г. № документа : 49, Дата создания документа : 31.12.1942 г. – Ф. 11350. – Оп. 0000001. – Д. 0005. – URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=451009366&backurl=q%5CЖурнал%20боевых%20действий%20377%20аап::use_main_string%5Ctrue::group%5Ccall::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie С.49. (дата обращения : 15.02.2026) – Текст : электронный.

REFERENCES

1. Tkachenko S. N. On the combat and numerical composition of the Crimean Front's artillery in February-May 1942. *History and Archeology / Juvenis scientia*, 2019, no. 2, pp. 29. (In Russian).

2. Uglov V. I. *Akademiya v Velikoj Otechestvennoj Vojne 1941–1945 gg. 75-letiyu Velikoj Pobedy 200-letiyu obrazovaniya akademii posvyashchaetsya...* [The Academy in the Great Patriotic War of 1941–1945. The 75th anniversary of the Great Victory and the 200th anniversary of the Academy's establishment are dedicated to...]. М. : Publishing House of the Peter the Great Military Academy of the Strategic Missile Forces, 2020. Pp. 115. (In Russian).

3. *Central'nyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii (CAMO) Nagradnoj list na majora Yuferova A. P. (Nomer shkafa : 240. Nomer yashchika : 18)* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (CAMO) Award sheet for Major Yuferov A. P. (Wardrobe number: 240. Drawer number: 18)]. URL : https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie17571138/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3DЮферов%26first_name%3DАркадий%20%26middle_name%3DПавлович%26place_birth_ids%3D%26rank%3DМайор%26division_ids%3D%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagradny_uchet_kartoteka%3Anagradny_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inos_tranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_card%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Akld_partizan%3Apotery_doneseniy_a_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_potery%3Apotery_spiski_zahoroneny%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%3Asame_rvk%3Asame_guk%3Apotery_knigi_pamyati%26page%3D1%26grouppersons%3D1& (In Russian).

4. *САМО*. [САМО], fund 11467, inventory 0000001, case 0001. URL : [https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=455521846&backurl=q%5СБоевой%20приказ%20штаба%20Центральной%20арт.%20подгруппы.%20Описывает%20период%20с%2001.07.1942%20по%2003.07.1942%20г.%20Боевые%20приказы%20и%20распоряжения.%20№%20документа:%201,%20Дата%20создания%20документа:%2001.07.1942%20г.%20\(Архив:%20ЦАМО,%20Фонд:%2011467,%20Опись:%2000000001,%20Дело:%2000001,%20Лист%20начала%20документа%20в%20деле:%2010\).%20Авторы%20документа:%20456%20ап%20РГК,%20майор%20Богомолов,%20ст.%20батал.%20комиссар%20Кулаков,%20капитан%20Юферов.%20::use_main_string%5Сtrue::group%5Сcall::types%5Сopersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie](https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=455521846&backurl=q%5СБоевой%20приказ%20штаба%20Центральной%20арт.%20подгруппы.%20Описывает%20период%20с%2001.07.1942%20по%2003.07.1942%20г.%20Боевые%20приказы%20и%20распоряжения.%20№%20документа:%201,%20Дата%20создания%20документа:%2001.07.1942%20г.%20(Архив:%20ЦАМО,%20Фонд:%2011467,%20Опись:%2000000001,%20Дело:%2000001,%20Лист%20начала%20документа%20в%20деле:%2010).%20Авторы%20документа:%20456%20ап%20РГК,%20майор%20Богомолов,%20ст.%20батал.%20комиссар%20Кулаков,%20капитан%20Юферов.%20::use_main_string%5Сtrue::group%5Сcall::types%5Сopersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie) (In Russian).

5. *САМО*. [САМО], fund 11467, inventory 0000001, case 0001. URL : https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=455521852&backurl=q%5С456%20D0%B0%D0%BF%20%D0%A0%D0%93%D0%9A::use_main_string%5Сtrue::group%5Сcall::types%5Сopersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie&static_hash=a6dfa3536633c1c5d7c8ab2d34afbcc1v1 (In Russian).

6. *САМО*. [САМО], fund 224, inventory 760, case 59, sheets 75–76. URL : https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=133726228&backurl=division%5С456%20ап::begin_date%5С28.07.1942::end_date%5С01.08.1942::use_main_string%5Сtrue::group%5Сcall::types%5Сopersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie&date_from=28.07.1942&date_to=01.08.1942&division=456%20ап (In Russian).

7. *САМО*. [САМО], fund 276, inventory 811, case 27, sheet 1. URL : <https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=112672601&backurl=q%5С1%20%D0%9E%D0%A1%D0%9A> (In Russian).

8. *САМО*. [САМО], fund 276, inventory 811, case 27, sheet 1. URL : <https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=112672601&backurl=q%5С1%20%D0%9E%D0%A1%D0%9A>. (In Russian).

9. *САМО*. [САМО], fund 276, inventory 811, case 59. URL : https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=455204813&backurl=q%5СОперативная%20сводка%20штаба%20СКФ::number%5С72::fund%5С276::inventory%5С811::file%5С59::use_main_string%5Сtrue::group%5Сcall::types%5Сopersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie (In Russian).

10. Kartashev A. V. "The experience of Soviet troops' combat operations in the Caucasus was further taken into account and developed..." The actions of the 1st Separate Rifle Corps of the North Caucasus Front at the Smykov-Grigoropolisskaya defense line in August 1942. *Voенно-istoricheskij zhurnal= Military History Magazine*, 2023, no. 3, pp. 24–25. (In Russian).

11. Pyatigorsky E. I. *Na ostriyah vojny. Kuban'. 1942. Avgust.* [On the Edge of War. Kuban. 1942. August]. Tuapse : OAO Tuapsinskaya Tipografiya, 2005. Pp. 16. (In Russian).

12. *CAMO*. [CAMO], fund 224, inventory 760, case 261. URL : https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=100610581&backurl=q%5CОтчетная%20карта%20штаба%20фронта::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie (In Russian).

13. *CAMO*. [CAMO], fund 276, inventory 811, case 27, sheet 1. URL : <https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=112672601&backurl=q%5C1%20%D0%9E%D0%A1%D0%9A>. (In Russian).

14. *CAMO*. [CAMO], fund 276, inventory 811, case 27, sheet 2. URL : <https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=112672601&backurl=q%5C1%20%D0%9E%D0%A1%D0%9A>. (In Russian).

15. *CAMO*. [CAMO], fund 224, inventory 760, case 59, sheets 108–171. URL : <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=133726228> (In Russian).

16. Priymak Yu. V *Armavir 42. Bitva za perepravu. 03–08.08.1942 g.* [Armavir 42. Battle for the Crossings. 03–08.08.1942]. M. : Pero Publishing House, 2022. Pp. 98-99. (In Russian).

17. *CAMO*. [CAMO], fund 224, inventory 760, case 265. URL : https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=100610583&backurl=begin_date%5C05.08.1942::fund%5C224::inventory%5C760::file%5C265::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie (In Russian).

18. *CAMO*. [CAMO], fund 58, inventory 818883, case 965. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie50604016/?static_hash=48ea4f0fcedfd9e6201ae092a22a4e84v2 (In Russian).

19. *CAMO*. [CAMO], fund 276, 811, inventory 53, document 1. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=134086976&backurl=q%5CСправка%20по%201%20оск.%20Справка%20№%201.%20Период%20с%2005.08.1942%20по%2005.08.1942%20г.%20::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie (In Russian).

20. *CAMO*. [CAMO], fund 371, inventory 6367, case 96 sheet 30. URL: https://pamyat_naroda.ru/documents/view/?id=131286241&backurl=fund%5C371::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie::page%5C1194&static_hash=b470efb15bce49e506dcbc91d128ba47v1 (In Russian).

21. *CAMO*. [CAMO], fund 371, inventory 6367, case 94, document 13. URL : https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=132314347&backurl=division%5C1%20оск::begin_date%5C05.08.1942::end_date%5C05.08.1942; *CAMO*. [CAMO], fund 467, inventory 6005, case 0000001, document 0005. URL : https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=451009366&backurl=q%5CЖурнал%20боевых%20действий%20377%20аап::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie C.49_ (In Russian).

22. *САМО*. [САМО], fund 11350, inventory 0000001, case 0005. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=451009366&backurl=q%5CЖурнал%20боевых%20действий%20377%20аап::use_main_string%5Ctrue::group%5Ccall::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie С.49. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Приймак, Ю. В. Неизвестные защитники Армавира: 456-й артиллерийский полк РГК в оборонительных боях за город (август 1942 г.). / Ю. В. Приймак – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 139–156.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Priymak Yu. V. Unknown defenders of armavir: the 456th artillery regiment of the rgk in the defensive battles for the city (august 1942) / Yu. V. Priymak // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2026, no. 1, pp. 139–156. (In Russian).

УДК 93/94

**ПЕРЕПИСКА МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ КУБАНИ
В 1943–1944 ГГ.**

**О СУДЬБАХ ЭВАКУИРОВАННЫХ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

В. В. Хилькевич

**CORRESPONDENCE BETWEEN LOCAL AUTHORITIES
IN KUBAN IN 1943–1944 ON THE FATES OF EVACUEES
AS A HISTORICAL SOURCE**

V. V. Khilkevich

Аннотация. Статья посвящена исследованию информационного потенциала делопроизводственной переписки периода Великой Отечественной войны о судьбах на Кубани в период оккупации эвакуированных, на основе комплексного анализа текстов писем-запросов (фронтовиков и гражданского населения) и писем-ответов на них местных органов власти. Выделены особенности этой переписки, а также обращено внимание на их информационную и мемориальную роль как исторических источников, содержащих сведения о судьбах эвакуированных, среди которых жертвы Холокоста.

Abstract. This article explores the information potential of World War II – era office correspondence regarding the fate of evacuees in Kuban during the occupation, based on a comprehensive analysis of the texts of letters of inquiry (from front-line soldiers and civilians) and responses from local authorities. The features of this correspondence are highlighted, and attention is drawn to their informational and memorial role as historical sources containing information about the fates of evacuees, including victims of the Holocaust.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Краснодарский край, нацистская оккупация, Холокост, делопроизводственная переписка

Keywords: The Great Patriotic War, Krasnodar Krai, Nazi occupation, Holocaust, office correspondence

22 июня 2026 году исполняется 85 лет со дня начала Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Даже спустя десятилетия остаются неизвестными многие жертвы этой войны и продолжают поиски сведений об их судьбах. По-прежнему сохраняет свою актуальность выявление подобной информации в разных архивных фондах, поскольку находящиеся на хранении материалы не всегда попадают в публикуемые сборники письменных источников. Поэтому, немаловажное значение приобретает использование современных подходов в изучении таких источников, включая комплексный анализ писем военных лет [1, с. 53], их оцифровку и публикацию.

В 2024 году в 4 книге очередного сборника документов и материалов «Кровавые страницы немецко-фашистской оккупации на Кубани» были

опубликованы находящиеся на хранении в ЦДНИКК несколько писем за 1943–1944 гг., в числе которых: просьбы фронтовиков (2 письма) в Каневской райком ВКП(б) об оказании материальной помощи их многодетным семьям [2, с. 98] и письмо-запрос курсанта в Славянский райисполком о судьбе угнанных оккупантами односельчан и родных [2, с. 138]. В сборник также вошло письмо-ответ заведующего военным отделом Щербиновского РК ВКП(б) на запрос военнослужащего Д.М. Богуславского о трагичной судьбе его еврейской семьи в период оккупации [2, с. 191].

С 2007 по 2024 гг. Центром «Холокост» под редакцией И.А. Альтмана издана серия из семи сборников «Сохрани мои письма...», куда вошли выявленные в семейных архивах письма и дневники периода Великой Отечественной войны. В них были также опубликованы письма-запросы местным органам власти о судьбе родных [3, с. 214], краткие официальные письма-ответы на такие обращения [4, с. 305], письма-сообщения секретарей РИКов [5; 6, с. 215]. Опираясь на эти материалы, составителями была дана не только обобщающая характеристика информационному потенциалу таких источников о судьбах мирного населения на оккупированной территории, но и обращено внимание читателей на особую категорию выявленных писем-сообщений о гибели родных: от соседей – членам еврейских семей, что стало ценными свидетельствами о Холокосте.

В наши дни историческую ценность представляет выявление подобной переписки периода Великой Отечественной войны не только в семейных коллекциях, но и в местных архивных фондах. Ресурсный потенциал таких материалов по-прежнему недостаточно раскрыт. Ведь тексты таких источников (письма-запросы и письма-ответы) объединенные единой тематикой специально не изучались, а их источниковедческие особенности – не выделялись. Между тем, при таком синхронизированном исследовательском подходе информационные возможности источников такого рода представляются гораздо перспективнее и шире. Сохранившаяся в архивах Краснодарского края делопроизводственная переписка периода войны (письма-запросы и ответы на них), позволяет говорить о том, что работа почтовой службы после освобождения населенных пунктов региона от оккупации к 1943 году была оперативно восстановлена. Такой вывод можно сделать еще и потому, что пик активности отправителей пришелся именно на этот временной интервал (1943–1944 гг.). В региональных коллекциях такой официальной переписки встречаются письменные обращения солдат, офицеров и гражданского населения (мужчин и женщин), которые по своему содержанию составляют однородную тематическую группу.

Выделим из выявленных архивных материалов региона переписку с местными органами власти затрагивающую трагичные судьбы эвакуированных на Кубань в годы войны, еврейских семей. Эти исторические источники позволяют в наши дни рассматривать их в качестве письменных свидетельств о преступлениях нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны. Анализ такой переписки представлен в статье на примере

материалов Гулькевичского района, но с привлечением других схожих источников по Краснодарскому краю.

Подобная переписка в условиях военной поры являлась практически единственным средством коммуникации, позволяющим письменно на бумаге выразить свои накопившиеся мысли и эмоциональные переживания о судьбе родных, адресованные уполномоченному получателю – районному исполкому (РИК). Свои запросы и просьбы адресанты излагали в письмах, почтовых карточках, телеграммах. Архивные материалы в г. Гулькевичи содержат дела с письмами бойцов Советской Армии по розыску близких после оккупации района и переписку с родными: на 60 листах [7], на 130 листах [8], на 578 листах [9]. В них можно выделить следующие общие тематические проблемы: о предоставлении сведений, позволяющих развеять неопределенность о близких людях, оставшихся в тылу и оказавшихся в оккупации; беспокойство об их материально-бытовом обеспечении и жизненных проблемах; с просьбами оказать посильную помощь нуждающимся родным. В таких письмах-запросах и в ответах на них неизменно присутствует словесный образ врага с использованием оценочной негативной семантики: «немецкие стервятники», «фашистские людоеды», «фашистская сволочь», «немецкие бандиты», «фашистская гадина», «гитлеровская свора».

Как правило, сведения о самих отправителях в этих письмах крайне скудны. Они содержат фамилию, указание на воинскую часть, полевую почту или краткий обратный адрес. Изучение таких текстов писем-запросов позволяет увидеть личность советского человека, с его чувствами, мыслями и переживаниями о семье, страдающего от неизвестности о судьбе дорогих ему людей. Это также дает возможность раскрыть общие актуальные жизненные ценности [10, с. 50] как для фронтовиков, так и для гражданского населения в определенном историческом времени, когда населенные пункты региона только освобождены от оккупантов, и появлялась возможность запрашивать сведения о родных. Автор каждого письма-запроса длительное время оторван от своей семьи, пишет с фронта [11, с. 190] в перерывах между боями (военнослужащие) либо из другого отдаленного населенного пункта (гражданское население), так как не может сам приехать, чтобы выяснить запрашиваемые сведения на месте. Поэтому, таким важным в эти тяжелые военные годы становится получение любой весточки о том, что родные остались живы и здоровы, не голодают, обеспечены жильем и топливом. Контент-анализ подобной переписки позволяет изучить не только историю взаимоотношений отправителей с местными органами власти по проблемным вопросам, но и раскрыть информационную роль РИКов на местах. Эта работа с обращениями заявителей заключалась не только в проверке поступающих сообщений, но и в организации процесса передачи запрашиваемой информации из тыла на фронт или в другие населенные пункты. Срок направления ответа РИКа составляет в большинстве выявленных случаях не более месяца.

В архивном отделе администрации МО Гулькевичский район на хранении находятся подлинники писем-запросов, охватывающих период с 31.01.1943 г. по 10.09.1944 г. Письма писали карандашом, реже чернилами, на небольших листках бумаги или бланках воинских писем. На них имеются штампы почты и военной цензуры. В их числе выявлены не менее 13 писем-запросов о судьбе эвакуированных евреев: о родителях (3 письма) [7, л. 1, 40, 58], сестрах, братьях и их семьях (5 писем) [7, л. 52; 9, л. 72, 85, 110, 235], женах и детях (2 письма) [7, л. 4; 8, л. 36], других родных (1 письмо) [9, л. 259], общий информационный запрос из Ставропольского края [7, л. 26] и письмо, содержащее ранее полученное извещение о трагичной судьбе знакомых [8, л. 3]. Некоторые из писем содержат упоминание о ранее направленных аналогичных запросах, в том числе другим адресатам. Каждое обращение в исполком начинается неизменно уважительно, с извинениями заявителя о беспокойстве в такое сложное время, но с указанием на особенную важность для автора письма выяснения сведений о судьбе своих эвакуированных родных, оказавшихся в оккупации. Письма-запросы содержат краткое описание конкретной жизненной ситуации, с указанием сведений о родственниках, когда и откуда они были эвакуированы, где проживали и кем работали до начала оккупации. Наличие подобной переписки позволяет сделать вывод о том, что заинтересованные лица в годы войны имели реальную возможность выяснять место эвакуации своих родных, а также получать сведения о них из местных исполкомов по последнему известному месту их пребывания или актуальные данные о дальнейшем перемещении.

А.Я. Шейнерман (полевая почта 17296) направил 08.10.1943 г. [7, л. 52] в райисполком с. Гулькевичи запрос о судьбе семьи своей сестры с двумя детьми, эвакуированной из Киева в 1941 г., которая работала в селе на Комбикормовом заводе, а ее супруг в январе 1942 г. был мобилизован в Красную Армию. Письмо написано на специальном воинском бланке с текстом лозунга: «Смерть немецким оккупантам!» и словами Сталина: «Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти». 23.10.1943 года райисполком направил ответ [7, л. 53], что его сестра с 2 детьми 02.08.1942 г. эвакуировалась, «с ней эвакуировалась работница комбизавода Маркова, которая подтверждает, что они доехали до Ново-Кубанского района, где и были захвачены и расстреляны немецкими стервятниками». Подробности в ответе не приводятся, но в тексте присутствует упоминание очевидца – Марковой, которая может автору письма их «сообщить сама».

Красноармеец И.Б. Коган (полевая почта 1946, часть № 73, хоз. взвод) в письменном запросе от 07.03.1943 г. [9, л. 85] на имя председателя райисполкома разыскивал сведения о своем брате, эвакуированном из Кишинева, работавшем в Гулькевичах бухгалтером. В ответе секретарь Гулькевичского РИК сообщал [9, л. 86], что его брат – Е.Б. Коган «по спискам эвакуированных по Гулькевичскому с/совету не значится». Еще один красноармеец – П.А. Маргулис (полевая почта 45 605А) в своих запросах за 1943 г. запрашивал

[7, л. 40, б/н] сведения о своих родителях, эвакуированных из г. Бендеры, текст приводится с сохранением орфографии: «...Прошу вас сообщить мне или мои родители есть у вас на учете. До оккупации они жили в вашем районе в колхозе им. Тельмана Красносельского с/совета. А сейчас не имею от их никаких известий... Я вас прошу отвечайте мне, не забуду вас никогда». Спустя неделю, Гулькевичский райисполком направил ответ: «Ваши родные Моргулис Абрам и Моргулис Бася эвакуировались из нашего р-на и назад не возвратились» [7, л. 41]. Подобный краткий ответ оставлял неопределенность для фронтовика о судьбе близких, так как нельзя было установить дату и место эвакуации. Последние сведения о членах этой эвакуированной семьи на 1942 г. значились по Гулькевичскому району, в колхозе им. Тельмана [12].

Значение таких источников в наши дни нельзя недооценивать, поскольку они важны как составная часть документации личного происхождения. Ведь в текстах писем-запросов содержатся биографические описания лиц, о судьбах которых запрашивались сведения. Особую ценность представляет такая информация в отношении эвакуированных. По итогу такой работы выявленные сведения обобщались, а затем авторам писем высылались краткий информативный ответ РИКа от имени председателя или секретаря. Зачастую, в отсутствие других официальных документов, подобные письма-ответы становились для родных погибших практически единственными документальными свидетельствами о судьбах в оккупации конкретных людей. Необходимо отметить, что в исследованной переписке упоминаемого архива в г. Гулькевичи еврейская национальность родных не упоминается даже запрашивающими информацию о них, кроме одного запроса из Ставрополя: «не значится ли в районе убитой» эвакуированная из Ленинграда Э.З. Ярвсон с дочерью Аидой.

Одним из самых ранних запросов является телеграмма из г. Сарапул УАССР от Розенбаум, поступившая после освобождения с. Гулькевичи: «Прошу сообщить местонахождение врача Козичинской работавшей совхоз Кубань больнице...» [9, л. 110]. На документе имеется рукописная запись: «проверить и дать ответ. 19.03.1943 г.». Уже спустя несколько дней, 23.03.1943 г. машинописный ответ подготовленный секретарем Гулькевичского райисполкома был направлен [9, л. 111] адресату: «врач Козачинская до оккупации Кубани немцами эвакуированной не была и проживала в совхозе Кубань. В сентябре месяце 1942 года вместе с мужем, матерью и ребенком были фашистскими людоедами расстреляны. Основание: Сообщение председателя поселкового совета совхоза Кубань от 22/III-43 года». Очевидно, что Л. Розенбаум (ППС 1133, в/ч 21303) не получила этот ответ и поэтому вновь написала председателю райисполкома Гулькевичи запрос [9, л. 235], который был уже более информативен по сравнению с телеграммой: «Моя сестра Козачинская Анна Мироновна заведывала больницей в совхозе «Кубань» Вашего района, была в совхозе до последних дней до занятия Кубани немцами, с этого момента сведений о ней нет. С ней находилась мать, ребенок, ее муж

Козачинский А.Н., также работал в совхозе. Уже после освобождения Кубани также о них ничего неизвестно. Убедительная просьба – узнайте пожалуйста о судьбе моих родных, которые не мало пользы приносили нашей стране». Гулькевичский райисполком отправил Л. Розенбаум еще один письменный ответ [9, л. 236], сообщая о трагичной судьбе ее родных: «...бывший врач больницы совхоза «Кубань» Казачинская, ее муж, мать и ребенок были расстреляны немецкими фашистами в сентябре месяце 1942 года».

Фронтовик Б.А. Корытный (полевая почта № 23265) в письме от 18.07.1943 писал в РИК г. Гулькевичи просьбу помочь в поисках эвакуированной в 1941 г. из Киева своей семьи (жены и дочери). В письме он подчеркивает, что обращается с запросами уже не первый раз: «В связи с проникновением фашистской гадины на Кубань, переписка прервалась, и я связь потерял. Моя жена состояла на военном учете при райвоенкомате в Гулькевичах. Воен. спец. мед. сестра. Я писал в адрес дирекции совхоза и в райком партии, также в Ваш адрес, но ответа не удостоился. Прошу проверить и сообщить мне эвакуирована ли моя семья или попала в лапы немцам», «для меня более чем ясно, и вполне понятно, что ждет советскую женщину от гитлеровской своры» [7, л. 4]. Спустя месяц, 14.08.1943 г. Райисполком направил запрос в с. «Кубань» с просьбой сообщить [7, л. 6], проживает ли на их территории Гринберг О.С. с дочерью Корытной С.Б., на что был получен ответ 16 августа, что указанные лица проживали в совхозе «Кубань», и в первых числах августа 1942 г. «она выехала из совхоза «Кубань» с дочерью в неизвестном направлении» [7, л. 7]. 30 августа 1943 г. Райисполком Гулькевичского района направил Корытному эти сведения о судьбе его родных. Из копии ответа видно, что по тексту указана дата их выезда – в первых числах августа 1943 г. На этом ответе есть рукописная запись о необходимости отправить ответ, что семья Гринберг выбыла не в 1943, а в 1942 г. [7, л. 8].

Автор еще одного письма – М. Любомирский (полевая почта 014153) написал свой очередной запрос в Гулькевичский РИК в июне 1943 года [9, л. 259], подключая в числе адресатов прокурора. Из текста письма следует, что автор неоднократно и безуспешно ранее уже пытался сам и с другими родственниками узнать в сельсовете Тысячном и в РИКе сведения о судьбе родных, эвакуированных с детьми из Крыма (Гринберг, Шапиро, Штенман). В письме автор ставит вопрос и об их имуществе: «если бандиты их уничтожили то, что с их вещами? Сделайте опись оставшихся вещей, и поручите под сохранную расписку».

По своему содержанию письма зачастую содержат эмоциональное упоминание о непредопределенности ожидаемой ответной информации, из-за понимания уготованной оккупантами трагичной судьбы их родным, но с элементами надежды на спасение хотя бы детей. Это свидетельствует о том, что судьба евреев на оккупированных территориях, авторам писем-запросов, очевидно, была известна. В письме Л. Розенбаум писала, что она

«готова ко всему, чтобы не узнали», и просила сообщить ей «всю информацию», так как «хуже находиться в состоянии неизвестности». Б. Корытный в своем письме также подчеркивал: «мрак неизвестности хуже всего». Не питал иллюзий об участии, постигшей его семью и М. Любомирский, допуская, что их, вероятно, «немецкие бандиты уничтожили».

Подобные запросы поступали в РИКи не только от гражданского населения, но и от фронтовиков. Они направляли их сами либо через командование воинских частей, проявляющими таким образом заботу о моральном состоянии своих подчиненных. 01.10.1943 г. в адрес председателя Гулькевичского райсовета от командования воинской части (г. Куйбышев, областной 7) был направлен запрос: «подтвердить документально, когда и где погибли от рук немецких фашистов отец Штейн Моисей Маркович и мать Штейн Раиса Абрамовна, красноармейца Штейн Людмилы Моисеевны, находящейся в данное время на в/службе в/ч п.п.35257». В запросе сообщалось, что во время оккупации немцами Краснодарского края они проживали на станции Гулькевичи, Заводская № 4 [7, л. 58]. 30.10.1943 года Гулькевичский райисполком сообщил машинописным текстом в ответ на этот запрос: «... военнослужащего Штейн Людмилы Моисеевны, родители погибли от рук немецких фашистов в 1942 году, сестра Корж-Штейн Вера Моисеевна, рождения 1910 г., уроженка г. Днепропетровска работала на Зернофабрике с. Гулькевичи, отец Штейн Моисей Маркович и мать Штейн Раиса Абрамовна и двое детей обнаружены в яме, акт составлен комиссией с. Гулькевичи, Краснодарского края в 1943 году 16 апреля» [7, л. 59]. В архивном фонде также сохранился аналогичный рукописный текст этого ответа, подготовленного председателем райисполкома Хоменко [7, л. 60]. Как видим, ответ РИКа более информативен, чем текст самого запроса, так как здесь были указаны не только запрашиваемые сведения о судьбе родителей военнослужащей, но и выявленные известия о других членах этой семьи (сестра и дети).

Для работы с подобной перепиской целесообразно привлекать и другие архивные источники, которые могут храниться в других фондах. Например, упоминаемый в письменном ответе РИКа акт комиссии от 16.04.1943 г. [13, л. 530] содержит информацию об осмотре обнаруженного места казни в с. Гулькевичи – ров на территории Первомайской Селекционно-Опытной Станции Гулькевичского сельсовета. Трупы погибших (131) были извлечены и перенесены в братскую могилу. По найденным во рву документам комиссией были установлены некоторые личности погибших, среди них: Корж-Шейн Вера Моисеевна [*так по тесту*] и Корж Георгий Александрович. В числе опознанных также указана Казачинская Анна Мироновна с ребенком.

Следует подчеркнуть, что выявленная переписка с Гулькевичским РИКом о судьбе членов этих двух еврейских семей более информативна (9) по сравнению с упоминаемым архивным документом 1943 г. (4). Сведения о том, что в числе погибших из совхоза «Кубань» была заведующая больницей Козачинская, которая «погибла со всей семьей», содержатся в Политинформации 1943 г. начальника политотдела этого колхоза [14, с.70]. Сохранились

полные сведения об эвакуированной из Одессы в Гулькевичский район (колхоз «Кубань») семье Казачинских (4), в числе которых упоминается мать: Казачинская Клара [15]. Имя врача Козачинской Анны Мироновны в наши дни хранится в памяти односельчан поселка «Кубань», оно указано на Аллее Памяти. Однако, на братской могиле в г. Гулькевичи имена опознанных погибших не указаны.

Во фронтовых письмах мы можем увидеть упоминание о длительном нахождении авторов на фронте и их участии в освобождении населенных пунктов от оккупантов. Для тех, у кого по их предположениям погибли родные, важным является выяснение подробностей обстоятельств их гибели, просьба написать об этом соседей или людей, принимавших участие в раскопках на месте казни. Ряд писем содержит упоминание о повторном направлении запроса, что свидетельствует о том, что адресаты ответ по каким-либо причинам не получили либо он был недостаточно информативен.

В архиве г. Гулькевичи хранится оригинал письма А.П. Абраменко (полевая почта 52075) от 10 августа 1944 года [8, л. 36] на имя секретаря РК ВКП(б) ст. Гулькевичи (лично). Автор сообщает о себе: он фронтовик, воюет уже 4-й год. Вся его семья была эвакуирована из Киева в Гулькевичи (4 человека), переписка с ними прекратилась с июня 1942 года. Его жена – Е.Б. Цизина работала преподавателем в школе, 9-летняя дочь Цизина-Абраменко училась. Из письма следует, что после освобождения села, А.П. Абраменко запрашивал сведения о судьбе родных в Наробразовании (по месту работы жены), но ответ не получил. Ранее он получил из местного РИКа сообщение: «Вся Ваша семья, по рассказам работников тех мест, где она работала, забрана гестапо, откуда не вернулись, при раскопке траншеи с трупами, трупы Вашей семьи не обнаружены, но взятие их гестапо установлено». После получения такого краткого ответа РИКа, автор письма эмоционально описывает секретарю ВКП(б) свое душевное состояние неопределенности о судьбе своих родных: «По такому серьезному вопросу такой скупой ответ (отписка), а ведь в своем письме я писал описать по возможности подробно, может быть кто-либо из соседей или знакомых смогут что-либо написать, дабы я путем ...справок мог установить погибли или нет!» По содержанию текста можно сделать вывод, что мысленно он еще надеется на то, что кому-то из всей его большой семьи, возможно, удалось спастись: «А может дети или кому-либо удалось счастливо избежать адской смерти и руки фашистской сволочи. Я убедительно прошу Вас только дабы кто знает о семье мне напишет более подробно о них бы, когда (месяц, год) они были уведены гестапо, все ли члены семьи, может, кому удалось спастись, кто смотрел трупы и установили, что моей семьи не оказалось, пусть напишет убедительно...». Письмо поступило в Гулькевичи 28.08.1944 г., на нем имеется рукописная запись: «...проверить и подготовить ответ». Необходимо обратить внимание на то, что в другом деле этого же архива хранится рукописный акт от 22.05.1943 г., составленный комиссией местного колхоза [16, л. 118], где

в числе расстрелянных во время оккупации есть члены этой семьи (6), рядом с их фамилиями указано: «еврей». В самом рукописном тексте о судьбе его жены – Е.Б. Цызиной (кандидат партии) в записи о национальности имеется исправление (указано: «русская»).

В архивном отделе станицы Отрадной хранятся письма-запросы о судьбах эвакуированных в Спокойненский район [17], поступившие из Грузии, Ташкента, Таджикистана и др. Упомянутый район был упразднен в 1962 г., после чего его территория вошла в состав Отрадненского района. Автор одного из писем – Е.К. Каганович [17, л. 45], находившаяся 13.04.1943 г. в соседней ст. Удобной, запрашивала в РИКе ст. Спокойной сведения о семьях Венгеровых и Тарнопольских, эвакуированных в 1941 г. из Крымской АССР в станицу Передовую Удобненского района. Она сообщала, что в августе 1942 г. эти семьи пытались эвакуироваться, но не смогли выехать. Разыскивая этих людей, автор письма указывала: «Я имею надежду, что они находятся в одном из районов Краснодарского края. Очень прошу не отказать мне и навести справки по Вашему району». На ее письме имеется отметка: «Отвечено 16/IV, что не проживают». Здесь необходимо обратить внимание на то, что в местном архиве сохранились сведения о судьбах членов этих еврейских семей в другом фонде, по соседнему Отрадненскому району. Здесь хранится акт, составленный членами правления колхоза «Новое Поле» от 27.04.1943 г. [18, л. 11], из которого следует, что там жили и работали евреи, которые «были взяты немцами и уничтожены», в их числе: «Торнопольский – 2 души», «Венгерова Фина – 2 души» [имеется исправление: 2 или 3]. Такой подход в комплексном анализе материалов переписки военной поры с архивными материалами представляется наиболее перспективным, и позволяет уточнить сведения о судьбе эвакуированных. Из другого письма за 1943 г. написанного главным бухгалтером Госбанка – Р.В. Лифшиц на имя председателя Спокойненского райисполкома узнаем, что автор письма запрашивала сведения о судьбе родителей, сестер и своих детей, оставшихся на оккупированной территории, тогда как ей самой при эвакуации скота удалось добраться в Грузинскую ССР. В письме Роза Лифшиц просила выслать ей вызов в район, чтобы найти своих родных, указывая, что отец ее детей: «погиб в партизанском отряде в Крыму». На ее заявлении имеется две записи за 4 и 6 апреля 1943 г. о необходимости направления вызова и о том, что он направлен. Об этом свидетельствует текст телеграммы-вызова на работу [17, л. 8, 9]. О судьбе этой же семьи в составе 12 человек, проживавших в Племсовхозе «Подгорный» в письме-запроса от 31.01.1943 г. на имя председателя Спокойненского райисполкома запрашивал сведения из г. Ленинабада Таджикской ССР военнослужащий И.Я. Гервиц [17, л. 22]. Его письмо поступило адресу 28.02.1943 г., а 04.03.1943 г. был направлен ответ о том, что эти семьи «при отступлении были эвакуированы», были опрошены свидетели, «которые их видели при оккупации». Далее следовал неопределенный ответ за подписью секретаря РИКа: «о дальнейшей их судьбе нам ничего не известно».

29.07.1943 г. в Спокойненский райисполком поступило письмо-запрос от Г.И. Зильбер [17, л. 70], который просил сообщить: «что стало теперь» с семьей его дочери (3 чел.) в ст. Надежной. Отчаявшийся в своих поисках отец просил в письме: «Убедительная просьба оказать мне услугу и известить мне, что стало с моими детьми...». На этом письме имеются только общие информационные отметки о запросе сведений 31.08.1943 г. в станице и направлении ответа 27.09.1943 г. Отец – Железняк М.Е. из Чкаловской области в письме [17, л. 46] запрашивал из Спокойненского Райисполкома сведения о том, куда эвакуировались из ст. Подгорной, находившиеся по эвакуации из Крыма, Ева Железняк и ее сестра Лиза Железняк (учитель, секретарь парторганизации) со своей дочерью Геней Глускер. На письме, поступившем в ст. Спокойную 28.05.1943 г. имеется рукописная запись с текстом ответа от 16.06.1943 г.: «сообщите, что своевременно эвакуированы были, дальнейшая судьба нам неизвестна». Еще один запрос о судьбе членов этой же семье поступил к секретарю Спокойненского райисполкома от сестры – Э.М. Железняк [17, л. 47] из Свердловской области. На тексте ее письма имеется рукописная запись ответа от 20.06.1943 г. следующего содержания: «...эвакуировались, но потом вернулись обратно, т. к. при эвакуации попали в немецкое окружение и дальнейшее нам неизвестно, вероятно погибли так же, как и все евреи». Как видно из содержания текстов ответов о судьбе членов одной и той же семьи их содержание достаточно неопределенно. Тем не менее, уточнения во втором письме, вероятно, были не беспочвенны, так как из акта Спокойненской районной комиссии от 14.05.1943 г. известно [19, л. 545], что в период оккупации в октябре 1942 г. было «изъято все еврейское население, проживавшее в Спокойненском районе, в том числе эвакуированные» в количестве 82 человека из которых: 28 женщин и 36 детей. Они были направлены в станицу Удобную, где были все расстреляны «вместе с другим еврейским населением».

В заключение отметим, что обращение к источникам в местных архивах региона о судьбах эвакуированных позволяет расширить информационные исследовательские возможности выяснения сведений о судьбах жертв периода оккупации. На основе анализа сюжетов, содержащихся в переписке можно выделить особенности этого вида источников, реконструировав моральное и психологическое состояние каждого автора письма-запроса, находящегося в неведении относительно судьбы своих родных, оставшихся на временно оккупированной врагом территории. Необходимо отметить мемориальную (документальную) функцию [20, с. 251] работы РИКов, заключающуюся в оперативном сборе и фиксации по поступающим запросам актуальной информации о судьбах погибших из опросов свидетелей, сослуживцев или соседей. Такие письменные источники, как специфический феномен, сохраняют не только историческое наследие конкретных населенных пунктов, но и вносят в региональный исторический материал детализацию последствий оккупации, способствуют уточнению обстоятельств судеб конкретных людей

(учителей, врачей, и других специалистов). Подобная переписка фронтовиков и гражданского населения с местным исполкомом военной поры о судьбах родных, а также ответы РИКов на них, позволяют нам уточнить сведения о погибших, что может быть в дальнейшем использовано для мемориализации памяти о них на месте погребения в братских захоронениях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кринко, Е. Ф. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций / Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажиудинова, Т. П. Хлынина. – Ростов н/Д. : ЮНЦ РАН, 2011. С. 53. – Текст : непосредственный.
2. Гангур, Н. А., Кровавые страницы немецко-фашистской оккупации на Кубани: сборник документов и материалов... / Авторы-составители : Н. А. Гангур, Д. И. Гангур. – Кн. 4. – Краснодар : Традиция, 2024. – 208 с. – Текст : непосредственный.
3. Сохрани мои письма... / Сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 4. / Составители : И. А. Альтман, Л. А. Терушкин. – М. : Центр и Фонд «Холокост»; «Полимед», 2016. С. 214. – Текст : непосредственный.
4. Сохрани мои письма... / Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 6. / Составители : И. А. Альтман, Р. Е. Жигун, Л. А. Терушкин. – М. : Центр «Холокост», 2021. С. 305. – Текст : непосредственный.
5. Сохрани мои письма... / Сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны / Составители : И. А. Альтман, Л. А. Терушкин. – М. : Центр и Фонд «Холокост», 2007. – Текст : непосредственный.
6. Сохрани мои письма... / Сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 4. / Составители : И. А. Альтман, Л. А. Терушкин. – М. : Центр и Фонд «Холокост»; «Полимед», 2016. С. 215. – Текст : непосредственный.
7. Архивный отдел администрации муниципального образования Гулькевичский район (АОАМОГР). Ф. 14. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 4, 6, 7, 8, 26, 40, 41, 52, 53, 58, 59, 60, б/н. – Текст : непосредственный.
8. АОАМОГР. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 3, 36. – Текст : непосредственный.
9. АОАМОГР. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11. Л. 85, 86, 110, 235, 236, 259. – Текст : непосредственный.
10. Иванов, А. Ю. Фронтовые письма XX века как исторический источник: методика анализа / А. Ю. Иванов. – Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2008. – Том 150 – кн. 1. – С. 50.
11. Белоглазова, Г. Н. Письма с фронта как исторический источник времен Великой Отечественной войны / Г. Н. Белоглазова. – Текст : непосредственный // Мир науки. Культуры. Образования. – 2013. – № 2. – С. 190.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-327. Оп. 2. Д. 161. – Текст : непосредственный.
13. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1Б. Т. 3. Л. 530–530 об. Акт районной комиссии от 16.04.1943 г. – Текст : непосредственный.
14. Кровавые страницы немецко-фашистской оккупации на Кубани : сборник документов и материалов... / Администрация Краснодарского края; УФСБ России по Краснодарскому краю; ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры»; авторы-составители : Н. А. Гангур, Д. И. Гангур. – Краснодар : Традиция, 2021. – 208 с. – Текст : непосредственный.

15. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д.158–161. Л. 151. Списки эвакуированных (Гулькевичский район). – Текст : непосредственный.
16. АОАМОГР. Ф. 14. Оп. 1 (связка № 2). Д. 5. Л. 118 (52). – Текст : непосредственный.
17. Архивный отдел администрации муниципального образования Отрадненский район (АОАМООР). Ф. Р-1249. Оп. 1. Д. 196. Л. 8, 9, 22, 45, 46, 47, 70. – Текст : непосредственный.
18. АОАМООР. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 9а. Л. 11. – Текст : непосредственный.
19. ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1. Т.3. Л. 545. – Текст : непосредственный.
20. Сухотерина Т. П. Фронтное письмо как жанр естественной письменной русской речи / Т. П. Сухотерина. – Текст : непосредственный // Мир науки. Культуры. Образования. – 2014. – № 4. – С. 251.

REFERENCES

1. Krinko E. F., Tazhidinova I. G., Hlynina T. P. *Povsednevnyj mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-h gg: zhizn' v usloviyah social'nyh transformacij* [The Everyday World of the Soviet People in the 1920s and 1940s: Living Through Social Transformations]. Rostov n/D., Izd-vo YUNC RAN, 2011. 53 p. (In Russian).
2. Gangur N. A., Gangur D. I. *Krovavye stranicy nemecko-fashistskoj okkupacii na Kubani : sbornik dokumentov i materialov...* [The bloody pages of the German-Fascist occupation in the Kuban : a collection of documents and materials]. Krasnodar, Tradiciya, 2024. 208 p. (In Russian).
3. Al'tman I. A., Tyorushkin L. A. *Sohrani moi pis'ma...* [Save my emails...] Vol. 4 M., Centr i Fond «Holokost»; «Polimed», 2016. 214 p. (In Russian).
4. Al'tman I. A., Zhigun R. E., Tyorushkin L. A. *Sohrani moi pis'ma...* [Save my emails...]. Vol. 6. M., Centr «Holokost», 2021. 305 p. (In Russian).
5. Al'tman I. A., Terushkin L. A. *Sohrani moi pis'ma....* [Save my emails...]. M., Centr i Fond «Holokost», 2007. (In Russian).
6. Al'tman I. A., Terushkin L. A. *Sohrani moi pis'ma...* [Save my emails...]. Vol. 4. M., Centr i Fond «Holokost»; «Polimed», 2016. 215 p. (In Russian).
7. *Arhivnyj otdel administracii municipal'nogo obrazovaniya Gul'kevichskij rajon* [Archive Department of the Administration of the Municipal Formation of Gulkevichi District], fund 14, inventory 1, case 9. P. 1, 4, 6, 7, 8, 26, 40, 41, 52, 53, 58, 59, 60, b/n. (In Russian).
8. *Arhivnyj otdel administracii municipal'nogo obrazovaniya Gul'kevichskij rajon* [Archive Department of the Administration of the Municipal Formation of Gulkevichi District], fund 14, inventory 1, case 10. P. 3, 36. (In Russian).
9. *Arhivnyj otdel administracii municipal'nogo obrazovaniya Gul'kevichskij rajon* [Archive Department of the Administration of the Municipal Formation of Gulkevichi District], fund 14, inventory 1, case 11. P. 85, 86, 110, 235, 236, 259. (In Russian).
10. Ivanov A. YU. Frontline Letters of the 20th Century as a Historical Source: Analysis Methods / *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes of Kazan State University*, 2008, vol. 150, p. 50. (In Russian).
11. Beloglazova G. N. Letters from the Front as a Historical Source of the Great Patriotic War. *Mir nauki. Kul'tury. Obrazovaniya = The World of Science. Culture. Education*, 2013, no. 2, 190 p. (In Russian).

12. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [The State Archive of the Russian Federation], fund A–327, inventory 2, case 161. (In Russian).

13. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [The State Archive of the Krasnodar Territory], fund R–897, inventory 1, case 1B. T.3. P. 530–530 ob. (In Russian).

14. Gangur N. A., Gangur D. I. *Krovavye stranicy nemecko-fashistskoj okkupacii na Kubani: sbornik dokumentov i materialov...* [The Bloody Pages of the Nazi Occupation in the Kuban Region: A Collection of Documents and Materials...]. Krasnodar : Tradiciya, 2021. 208 p. (In Russian).

15. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [The State Archive of the Russian Federation], fund A–327, inventory 2, D. 158–161. P. 151. (In Russian).

16. *Arhivnyj otdel administracii municipal'nogo obrazovaniya Gul'kevichskij rajon* [Archive Department of the Administration of the Municipal Formation of Gulkevichi District], fund 14, inventory 1, case 5. P. 118 (52). (In Russian).

17. *Arhivnyj otdel administracii municipal'nogo obrazovaniya Otradnenskij rajon* [Archival Department of the Administration of the Municipal Formation of Otradnensky District], fund R–1249, inventory 1, case 196. P. 8, 9, 22, 45, 46, 47, 70. (In Russian).

18. *Arhivnyj otdel administracii municipal'nogo obrazovaniya Otradnenskij rajon* [Archival Department of the Administration of the Municipal Formation of Otradnensky District], fund R–55, inventory 1, case 9a. P. 11. (In Russian).

19. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [The State Archive of the Krasnodar Territory], fund R–897, inventory 1, case 1. T. 3. P. 545. (In Russian).

20. Suhoterina T. P. The Front Letter as a Genre of Natural Written Russian Speech. *Mir nauki. Kul'tury. Obrazovaniya = The World of Science. Culture. Education*, 2014, no 4, 251 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Хилькевич, В. В. Переписка местных органов власти Кубани в 1943–1944 гг. О судьбах эвакуированных как исторический источник / Ю. В. Приймак – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 156–168.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Khilkevich V. V. Correspondence between local authorities in Kuban in 1943–1944 on the fates of evacuees as a historical source / V. V. Khilkevich // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2026, no. 1, pp. 156–168. (In Russian).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 101.1:316.752:159.923.5

СКРЫТОЕ НОРМИРОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

О. А. Бакланова, Н. Л. Баграмянц, Ю. А. Бурлова

HIDDEN STANDARDIZATION IN LANGUAGE AS A FACTOR OF CHANGE IN THE SOCIAL SYSTEM

O. A. Baklanova, N. L. Bagamyants, Yu. A. Burlova

Аннотация. В статье производится анализ скрытого нормирования в языке (криптонормирования) как значимого фактора формирования структур социальности. Опираясь на концепцию Э. Холла, теории неонституционалистов, авторы утверждают, что общественная жизнь зависит как от вербальных, так и метавербальных и невербальных языковых практик, нормирующих социальность как прямо, так и косвенно. Чтобы показать, как скрытое нормирование воздействует на социальные структуры, авторы используют типологию высококонтекстных и низкоконтекстных культур, в которых под контекстом понимается весь массив нормативной, ценностной и иной информации, используемой в коммуникации для формирования поведения. Криптонормирование, как в том, так и в другом типе культуры, выступает не просто ценностным фоном, нормативным кодом, через который происходит расшифровка сообщений, но и активным механизмом формирования и поддержания солидарности. Баланс скрытого и явного нормирования обеспечивает «высоту» культурного контекста, а вместе с ним целый ряд динамических, особенно аксиологических, характеристик социальной системы.

Abstract. This article analyzes hidden norms in language (cryptonorms) as a significant factor in shaping social structures. Drawing on the concepts of E. Hall and neoinstitutionalist theories, the authors argue that social life depends on verbal, metaverbal, and nonverbal linguistic practices that directly and indirectly normalize sociality. To demonstrate how hidden norms influence social structures, the authors use a typology of high-context and low-context cultures, in which context is understood as the entire array of normative, value-based, and other information used in communication to shape behavior. Cryptonorms in both types of culture serve not simply as a value-based background, a normative code through which messages are deciphered, but also as an active mechanism for the formation and maintenance of solidarity. The balance of hidden and explicit norms ensures the "height" of the cultural context, and with it a number of dynamic, especially axiological, characteristics of the social system.

Ключевые слова: норма, нормативность, нормативное сознание, язык, скрытое нормирование, общество, социальная система

Keywords: norm, normativity, normative consciousness, language, hidden norming, society, social system

Во второй половине XX века в предметном поле социальной философии возникла, постепенно утвердилась и стала фундаментальной проблема языка как фактора изменений общественной жизни. Язык начал пониматься не только как пассивная (реактивная) система, или как средство легитимации социальной реальности, как полагали представители классического институционализма (Пол Ди Маджио, Уолтер Пауэлл и другие) [11, с. 1–38]. Оказалось, что язык активно формирует и изменяет индивидуальную идентичность и макроидентичность, чутко реагирует на перемены в обществе, и сам способен выступать причиной новых социальных процессов через изменение объяснительных, мировоззренческих, аксиологических, деонтических конструкторов интересубъективного символического поля.

Основное воздействие языка на социальные структуры происходит через нормативность, с помощью которой формируются и меняются стандарты, поддерживаются как в общем, так и в частном, индивидуальном масштабах, само представление о порядке, регулярности, организации. Нормативное сознание выступает основой социальной иерархии на всех уровнях общественной системы, обеспечивает коммуникативную связь, институциональную организацию, согласование взаимных ожиданий, выступает инструментом социального контроля [2, с. 18–22].

Множество исследователей разных направлений обратили внимание на активную формирующую социальность способность языка. Дж. Мейер описывает язык как инструмент категоризации и деконтекстуализации, трансформирующий социальность через дискурсы и социальные практики, придавая им разные формы через описание и оценку [13, с. 340–363]. Вивьен Шмидт в своих недавних трудах придавала большое значение этой роли языка. Она выделила специальный «четвертый» тип идеационного институционализма – «дискурсивный институционализм», задача которого заключалась в исследовании воздействия языковых практик на социальные институты [14, с. 1–25].

Примерно к концу XX века неoinституционалистами, детализировавшими данные представления, было выяснено, что нормативные изменения в институциональном поле производятся не только императивно, то есть, прямыми формальными предписаниями, и не только неформальными договоренностями субъектов (деление институциональных практик на формальные и неформальные было, несомненно, необходимо, но недостаточно), но еще и скрытым, латентным уровнем нормирования, так называемым криптонормированием.

Источником формальных норм являются законы, формализованные и утвержденные стандарты, регламенты, кодексы, обладающие явной принудительной силой по отношению к субъекту, формальные правила, оговоренные и утвержденные санкции за неисполнение и прочее. Они производят заметные

институциональные трансформации через коррекцию поведения. Рефлексия формальных норм производится через неформальные нормы и дискурсы.

Неформальные нормы производят рефлексии социокультурных изменений, закладываемых формальными нормами, и, по результатам, легитимацию или делегитимацию формальных норм. Неформальные нормы как договоренности субъектов также осознаваемы, отчетливо рефлексивны, понятны, хотя и не формализованы (мораль, общественное мнение является самым ярким примером неформального нормирования).

Третий уровень нормирования общественной жизни через язык – скрытое нормирование (*covert normativity*) – нормирование посредством неявных, нерелексивных механизмов, которые незаметны сознанию субъекта, находятся за границами рефлексивного поля, однако формируют пресуппозиции (предварительное, фоновое знание, скрытые смыслы), а на их основании и скрытую готовность, предрасположенность к действию (предиспозицию).

Концепции скрытого нормирования разрабатывались в направлении критического дискурс-анализа Тена ван Дейка [3].

Скрытое нормирование не противоречит формальному или неформальному уровню нормативных дискурсов, оно изменяет смысл высказывания настолько тонко, что субъекту нужно совершить серьезное интеллектуальное усилие для того, чтобы понять ценностную или иную модальную установку, особенность лексического выбора, детерминирующую латентную репрезентацию содержания. Это может проявляться в том, что некий смысловой конструкт, не имеющий формального маркирования в качестве универсального, может иметь такое маркирование скрыто. Например, в понятии «настоящий мужчина» может содержаться неявное нормативное предписание того, что отклонение от нормы лишает человека статуса не только «настоящего», но и вообще «мужчины». Или, например, в русском языке очень часто субъект по умолчанию выражен понятием мужского рода «человек», «профессор», «врач» и прочее, и эта с виду «нейтральная» норма мужского опыта как базового, уже несет в себе оценку, заметную при отклонении (использовании феминитива). То есть, выбор конструкции «женщина-врач» не утверждает явно, но скрыто намекает, что по умолчанию (в норме) врач – всегда мужчина.

Негласные установки скрытого нормирования интуитивно понятны для всех носителей языка, это особый выбор грамматических конструкций, операторов модальности, эвфемизмов, коннотаций и контекстуальных значений, ирреальных наклонений, выстраивающих новый смысл поверх явного.

Механизмом формирования и трансмиссии скрытого нормирования является социализация, и для того, чтобы освоить этот социальный навык, необходимо быть носителем языка и социализироваться в данной культуре (субъект, не понимающий посылов криптонормирования, не считается «нормальным», он не попадает в единое невыразимое символическое поле общего культурного опыта). Скрытому нормированию никто не учит, и оно, по-видимому, воспроизводится исключительно эмпирически, по аналогии

или традиции [4, с. 12–18]. И его специфика может содержательно не совпадать при пересечении границ социальных общностей и страт, возрастных и субкультурных, этнических и религиозных групп. Один их способов демаркации «своих» от «чужих» – легитимация через распознавание скрытого нормирования.

Интересно, что напрямую навыку коммуникации через скрытое нормирование не обучает никто: ни семья, ни школа, ни репетиторы, однако оно присутствует во всех развитых языковых системах, на всех уровнях социального взаимодействия [9, с. 32–37]. Как явное, так и неявное культурное кодирование меняется от группы к группе; церемониальные, ритуальные, коммуникативные структуры вырабатывает и поддерживает каждая группа для себя эксклюзивно, хотя никто не отменяет явления культурной диффузии и культурной изоляции / обособления [1, с. 40–44].

Влияние скрытого нормирования языка на социальную динамику можно описать двояко. С одной стороны, это влияние стабилизирующее, замедляющее изменения через неформальную институционализацию и легитимацию социального порядка, а также воспроизведение данных структур (например, человек, уехавший в эмиграцию, способен научить своих детей и находящихся рядом носителей языка тем навыкам коммуникации через скрытые смыслы, которыми владеет сам). С другой стороны, та же самая система скрытого нормирования способна к деконструкции устойчивых языковых структур через ценностное разрушение опорных категорий, терминов и более широких структур – дискурсов, нарративов и конструирование новых структур [10, с. 21–32].

Система скрытого нормирования является предварительным условием для функционирования нормативного сознания – неформальные и формальные нормы диалектически взаимодействуют между собой в символическом пространстве нормативности, а скрытое нормирование подпитывает, тестирует, контролирует условия и границы этой нормативности, обеспечивает ему единое нормативно-смысловое пространство. Скрытое нормирование создает связь для формального и неформального уровней языковой регуляции [5, с. 108–125]. Они подчиняются двум разным системам легитимации и контроля, и это можно проиллюстрировать следующим образом.

Формальный уровень норм легитимируется «сверху», через институты власти, их динамику можно образно представить себе в виде точечной диаграммы (скаттерплота), в которой «точками» представлены формальные решения, закрепленные правовыми, политическими или иными видами формальных фиксаций норм. Закономерности между формальными решениями определяются условно, графики можно провести, только подключив к этому образу непрерывные линии, проводимые неформальными практиками. В отличие от формальных институтов, неформальные не имеют строгих точек отсчета, они всегда непрерывны и инкрементальны, более или менее соответствуют формальным институтам, но могут, как приближаться к ним,

так и отдаляться [6, с. 130–136]. По разрывам между формальным и неформальным уровнем социальных институтов можно даже делать некоторые выводы о состоянии культуры, например, теория Эдварда Т. Холла о культурах «высокого» и «низкого» контекста как раз выстроена на том, что существует некое среднее значение разрыва формальных и неформальных практик, «нормальное» для данной конкретной культуры [12].

Вопрос этот дискуссионный, неинституционалисты считают, что неформальный уровень социальных институтов не фиксирован и даже не обладает сколько-нибудь значимой регулярностью. Более того, формальный и неформальный уровни асинхронны, неформальные нормы изменяются гораздо медленнее, создавая длительную социокультурную инерцию при резком изменении формальных норм. Однако Э. Холл имеет в виду, по-видимому, предельный диапазон значений, задаваемый культурным контекстом, и условно рассматривает его как «постоянный», отвлекаясь от строго количественной стороны проблемы и обращая внимание на качественную.

Э. Холл считает, что небольшой культурный контекст (структурно-функциональная разница) формальных и неформальных институтов обеспечивает коммуникацию напрямую, без посредничества скрытого нормирования. Однако при увеличении контекста коммуникация начинает зависеть от неявных сигналов, невербального общения, скрытых норм, становится важным не содержание речи («что сказано?»), а форма («кем, когда и при каких условиях сказано?»), содержание играет незначительную роль в сообщении, отношения становятся важнее правил (например, в японской культуре ответ «да» может не означать согласия, а может даже выражать отказ, прямого же отказа можно вовсе не дожидаться, поскольку этого не позволяет скрытая норма).

Культура высокого контекста – это «чтение между строк», в них скрытое нормирование становится инструментом не только создания контекста и единого смыслового поля, но и реального социального упорядочивания, и чем выше контекст, тем меньше будет значить явная норма, и тем больше будет доминировать скрытая норма. Неформальный уровень и уровень скрытого нормирования не всегда демаркированы друг от друга, они перетекают один в другой, и различить их можно только условно. Если неформальные институциональные правила все же проговариваются, рефлексированы, поддаются дискутированию и договоренности, то скрытое нормирование уже нерелевантно для самого субъекта, здесь его попытки понять мотивы собственного поведения чаще всего выходят из рациональных рамок. Если для неносителя языка неформальный уровень все же доступен, его можно изучить и восстановить причинно-следственные связи, то уровень скрытого нормирования нужно считывать из контекста, а нарушение его норм так же карается санкциями, как и на других уровнях нормирования. Санкции криптонормирования также не работают явно – они неочевидно снижают социальный статус, ухудшают коммуникацию, но не имеют эксплицитности.

Нельзя при этом сказать, что в культурах низкого контекста вовсе нет уровня скрытого нормирования, он также существует на уровне метанормы, на основании которой возможна социальная и индивидуальная рефлексия. Он формирует социальные ожидания и не вербализированные запросы, кодирование социальных статусов, понятие «уместности», «релевантности» как степени соответствия и прочее.

Очень интересным и важным является также вопрос о том, как влияет скрытое нормирование на формирование и распределение социальной субъектности. Социальная субъектность рождается как феномен совместности, кооперации индивида с другими индивидами ради решения общей проблемы. Любые вопросы не только изменения общества, но и вообще его функциональности, напрямую связаны с тем, как в социальных структурах распределяется социальная субъектность. В современной социальной эпистемологии было замечено, что в эмпирической и трансцендентальной плоскости субъектность проявляется по-разному [8, с. 5–16] Эмпирически действующий субъект всегда противопоставлен объекту, какой бы природой тот ни обладал, трансцендентальный субъект скорее представляет собой саму возможность действовать и чему-то противостоять, поскольку, как сказал И. Кант, «"Я мыслю" должно сопровождать все мои представления...» [7, с. 191].

Трансцендентальный субъект – это, в определенном (социально-эпистемологическом) смысле, «прекурсор» и потенциальная возможность любого рационального действия. И, вместе с тем, он же является источником внутреннего гносеологического разлома, фронта, предела возможности познания, который И. Кант разглядел и описал в своей субъект-объектной парадигме. Делая объектом познания самого себя, субъект переносит на себя тот же самый гносеологический статус «ноумена», истинная природа которого скрыта от познания. Для решения данного парадокса субъект обращается к нормативности, как интересубъективному феномену, проясняющему познавательную и деятельностную природу человека, как существа одновременно и недостаточному по отношению к обществу, и избыточному по отношению к нему. Трансцендентальный субъект детерминирован языком, а язык по своей природе нормативен, следовательно, нормативность в этом парадоксальном познавательном акте находится по обе стороны гносеологического «рубежа», включающего пределы возможного опыта. И в этом смысле скрытое нормирование действует на этот процесс формирования и распределения субъектности точно так же интенсивно, как и явное.

В связи с отмеченным выше можно предположить некоторую закономерность, которую только предстоит исследовать: чем сильнее социальный институт нормирован через криптонормы, тем он более консервативен и устойчив, тем сильнее действует институциональная инерция при изменении формальных норм. Это объясняется тем, что такой институт сильно связан с повседневностью индивидов и тщательно оберегается от любых изменений. Напротив, чем меньше скрытых норм имеет институт, тем он более «гибок», доступен к изменениям, рефлексивен и формализован.

И это значит, что он имеет некоторую удаленность от самой консервативной социальной области – повседневной жизни индивидов.

Таким образом, скрытое нормирование, закодированное в структурах языка, является важным фактором воздействия на социальную систему, ее динамические, структурные и функциональные характеристики. Оно так же, как и явное нормирование, производит упорядочивание и разграничение социальных структур, выступает интерпретационным кодом и, в конечном счете, фундаментом формирования и функционирования системы социальных ожиданий. Баланс скрытого и явного нормирования обеспечивает «высоту» культурного контекста, а вместе с ним, целый ряд динамических, аксиологических и иных характеристик социальной системы. Рассматривая нормативные системы и нормативное сознание, исследователи, чаще всего, либо упускают из виду уровень криптонормирования, либо пренебрегают им как незначительным, однако можно утверждать, что он выступает важной частью данной системы и требует отдельного изучения как фактора социальных изменений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Баграмян, Н. Л. Подготовка специалиста в области туристической индустрии к эффективному межкультурному взаимодействию / Н. Л. Баграмян, М. Л. Ивлева. – Текст : непосредственный // Вестник Ассоциации Вузов туризма и сервиса. – 2016. – Т. 10. № 2. – С. 40–44.
2. Бакланова, О. А. Язык как инструмент отражения социальности / О. А. Бакланова, В. В. Исакова – Текст : непосредственный // Актуальные научные исследования : материалы Национальной научно-практической конференции. – Невинномысск, 2024. – С. 18–22.
3. Дейкван, Т. Язык. Познание. Коммуникация / Т. Дейкван – М. : Ленанд, 2015. – 320 с. – Текст : непосредственный.
4. Джанджгава, Л. Т. Историческая преемственность духовного опыта поколений в современном российском обществе / Л. Т. Джанджгава, Н. А. Ореховская – Текст : непосредственный // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – Т. 12. № 6. – С. 12–18.
5. Ивлев, В. Ю. Категории необходимости, случайности возможности: их смысл и методологическая роль в научном познании / В. Ю. Ивлев. – Текст : непосредственный // Философия и общество. – 1997. – № 5. – С. 108–125.
6. Ивлев, В. Ю. Логико-аргументативные основы образовательной культуры / В. Ю. Ивлев, Ю. В. Ивлев. – Текст : непосредственный // Известия МГТУ МАМИ. – 2013. – Т. 6. № 1 (15). – С. 130–136.
7. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант ; перевод с немецкого Н. Лосского. – М. : Мысль, 1994. – 591 с. – Текст : непосредственный.
8. Касавин, И. Т. Социальная эпистемология : понятия и проблемы / И. Т. Касавин. – Текст : непосредственный // Эпистемология & философия науки – 2006. – Т. VII. – № 1. – С. 5–16.
9. Ореховская, Н. А. Традиционные ценности и новые коммуникативные практики как факторы влияния на стабильность российского общества / Н. А. Ореховская – Текст : непосредственный // Общество : философия, история, культура. – 2023. – № 5 (109). – С. 32–37.

10. Черняк, А. З. О нарративных значениях собственных имен / А. З. Черняк, М. Л. Ивлева – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2020. – № 4.– С. 21–32.
11. DiMaggio P. J., Powell W. W. Introduction. – The new institutionalism in organizational analysis. – Chicago : Chicago univ. Press, 1991. – Pp. 1–38.
12. Hall E. Beyond Culture – Edward Twitchell Hall. – New York : Doubleday, 1976. – 316 p.
13. Meyer J. Institutional organizations: Formal structures as myth and ceremony. – American journal of sociology. – Chicago, 1977. – Vol. 83, № 2. – Pp. 340–363.
14. Schmidt V. A. Taking ideas and discourse seriously: explaining change through discursive institutionalism as the fourth «new institutionalism». – European political science review. – Cambridge, 2010. – Vol. 2, № 1. – Pp.1–25.

REFERENCES:

1. Bagramyants N. L., Training a specialist in the tourism industry for effective intercultural communication. *Vestnik Assotsiatsii Vuzov turizma i servisa = Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service*, 2016, vol. 10, no. 2, pp. 40–44. (In Russian).
2. Baklanova O. A., Isakova V. V. Language as a tool for reflecting sociality. *Aktual'nyye nauchnyye issledovaniya = Current Scientific Research*, Nevinnomyssk, 2024, pp. 18–22. (In Russian).
3. Deyk van T. Y *Azyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. M., Lenand, 2015. 320 p. (In Russian).
4. Dzhandzhgava L. T., Orekhovskaya N. A. The historical continuity of the spiritual experience of generations in modern Russian society. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*, 2022, vol. 12, no. 6, pp. 12–18. (In Russian).
5. Ivlev V. YU. Categories of necessity, chance, and possibility : their meaning and methodological role in scientific knowledge. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*, 1997, no. 5, pp. 108–125. (In Russian).
6. Ivlev V. YU., Ivlev YU. V. Logical and Argumentative Foundations of Educational Culture. *Izvestiya MGTU MAMI = Bulletin of Moscow State Technical University MAMI*, 2013, vol. 6, no. 1 (15), pp. 130–136. (In Russian).
7. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. M., Mysl', 1994. 591 p. (In Russian).
8. Kasavin I. T. Social Epistemology: Concepts and Challenges. *Epistemologiya & filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*, 2006, vol. VII, no. 1, pp. 5–16. (In Russian).
9. Orekhovskaya N. A. Traditional Values and New Communication Practices as Factors Influencing the Stability of Russian Society. *Obshchestvo : filosofiya, istoriya, kul'tura = Society : Philosophy, History, Culture*, 2023, no. 5 (109), pp. 32–37. (In Russian).
10. Chernyak A. Z., Ivleva M. L. About the narrative meanings of proper names. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 2020, no. 4, pp. 21–32. (In Russian).
11. DiMaggio P. J., Powell W. W. Introduction. – The new institutionalism in organizational analysis. – Chicago : Chicago univ. Press, 1991. – Pp. 1–38.
12. Hall E. Beyond Culture – Edward Twitchell Hall. – New York : Doubleday, 1976. – 316 p.

13. Meyer J. Institutional organizations: Formal structures as myth and ceremony. – *American journal of sociology*. – Chicago, 1977. – Vol. 83, no. 2. – Pp. 340–363.

14. Schmidt V. A. Taking ideas and discourse seriously : explaining change through discursive institutionalism as the fourth «new institutionalism». – *European political science review*. – Cambridge, 2010. – Vol. 2, no. 1. – Pp.1–25.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бакланова, О. А., Скрытое нормирование в языке как фактор изменения социальной системы / О. А. Бакланова, Н. Л., Баграмянц, Ю. А. Бурлова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 169–177.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Baklanova O. A., Bagamyants N. L., Burlova Yu. A. Hidden standardization in language as a factor of change in the social system / O. A. Baklanova, N. L. Bagamyants, Yu. A. Burlova // *The Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2026, no. 1, pp. 169–177. (In Russian).

УДК 316.42

**КОНЦЕПЦИЯ «ЛИЧНОСТНОГО ЗНАНИЯ» МАЙКЛА ПОЛАНИ
КАК ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
ЭПОХИ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ**

В. В. Коноплев

**MICHAEL POLANY'S CONCEPT OF "PERSONAL
KNOWLEDGE" AS A PHILOSOPHICAL BASIS
FOR THE DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION
IN THE ERA OF LARGE LANGUAGE MODELS**

V. V. Konoplev

Аннотация. Начиная со времен средневековья, высшая школа являлась инструментом накопления знания и социального воспроизводства. Вне зависимости от модели университета (начиная от 1.0 и заканчивая 4.0.), он в большей или меньшей степени влиял на экономическое и социальное благополучие общества. Причиной изменения модели университета являлись технологические революции, которые изменяли структуру отношений в обществе и производстве. Сегодня мы находимся на схожем этапе вследствие развития больших языковых моделей (ЛММ), влияние которых мы замечаем в изменениях требований к должностным функциям специалистов, что, несомненно, сказывается на высшей школе. Большие языковые модели уже сейчас способны создавать огромные массивы информации без специальных навыков программирования, что приводит к постепенному замещению человека на рынке труда, в том числе и преподавателей высшей школы. В этих условиях высшая школа не может оставаться в той же логике, где главным достижением является навык. Однако, несмотря на повсеместное замещение рутинного интеллектуального труда, большие языковые модели не способны заменить человеческие качества (мышление и эмпатию) и создавать новые знания (с опорой на опыт). Именно поэтому необходимо возвращение к «знанию» как к высшей ценности образования, что представляется возможным через осмысление концепции «Личностное знание» Майкла Полани.

Abstract. Since the Middle Ages, higher education has been a tool for knowledge accumulation and social reproduction. Regardless of the university model (from 1.0 to 4.0), it has, to a greater or lesser extent, influenced the economic and social well-being of society. Technological revolutions, which restructured social and industrial relations, have driven these changes in the university model. Today, we find ourselves at a similar juncture due to the development of large language models (LMMs), the influence of which we see in the changing job requirements of specialists, which undoubtedly impacts higher education. Large language models are already capable of creating vast amounts of information without specialized programming skills, leading to the gradual replacement of humans in the labor market, including higher education teachers. Under these conditions, higher education cannot maintain the same logic where skill is the primary achievement. However, despite the widespread replacement of routine intellectual labor, large language models are unable to replace human qualities (thinking and empathy) and the creation of new knowledge (based on experience). This is precisely

why it is necessary to return to "knowledge" as the highest value of education, which seems possible through understanding the concept of "Personal Knowledge" by Michael Polanyi.

Ключевые слова: личностное знание, большие языковые модели, высшая школа, Майкл Полани, знание, познание, компетенции.

Keywords: personal knowledge, large language models, higher education, Michael Polanyi, knowledge, cognition, competencies.

Повсеместное внедрение и развитие больших языковых моделей затрагивает многие социальные сферы, такие как образование, здравоохранение и экономика. Для образовательной и социальной сферы проблема является общей и заключается в исчезновении или снижении популярности творческих процессов. Большие языковые модели способны выполнять те функции, которые ранее были доступны привилегированным группам населения, обладающими творческими способностями или высоким уровнем квалификации в определенной профессиональной области. [4, с. 96]. Например, исследователь А.В. Наумов осмысляет искусственный интеллект через сравнение с человеческим разумом, поднимая вопрос, касающийся статуса первого и второго. Важностью осмысления развития искусственного интеллекта является его развитие и внедрение в профессиональную деятельность, а также другие сферы человеческого бытия. Сейчас искусственный интеллект не превосходит человеческий разум, но уже существуют риски, связанные с повсеместным его внедрением. Такое внедрение и делегирование полномочий на принятие решений способно нанести вред экзистенциальной основе бытия человека, поднимая вопрос о предназначении собственного существования [9, с. 206]. Важно подчеркнуть, что человек останется «актуальным» в тех областях, где требуются его человеческие качества (критическое мышление, эмпатия и т. д.) [17].

Нам важно углубиться в основания, заложенные в концепцию «Личностное знание», ввиду того что Майкл Полани отводит личности человека особую роль в процессе научного познания. Концепция «Личностного знания» Майкла Полани появилась в середине XX века как осмысление природы самого знания, которое неразрывно связано с личностью, верой и убежденностью ученого. «Личностное знание» появилось как ответ на видение критических рационалистов, исключающих самого ученого из «уравнения», делая из него стороннего наблюдателя. Ядром концепции «Личностное знание» является «Неявное знание», представляющее из себя скрытое, невыразимое практическое знание, неотделимое от личности человека и формируемое в практическом опыте. Также Майкл Полани выделял **явное знание**, представляющее собой теоретическое, полученное средствами строгой научной методологии, прошедшее этап верификации и принятое научным сообществом. Полани приводил пример, где врач получает явное знание через прочтение специализированной литературы, а неявное через непосредственную медицинскую практику [18].

Принимая во внимание контекст появления концепта, важно подчеркнуть, что его основания и причины появления лежат еще в античной философской традиции. Например, Аристотель, рассуждая о природе человеческого познания, говорил: *«Все люди по природе [своей] стремятся к знанию; признаком [этого] служит влечение к чувственным восприятиям»* [2, с. 28]. Аристотель не был первым, кто упоминал знание в своей работе, однако важен тот факт, что потребность получения знания является природной. Платон в своем произведении устами Сократа говорил, что знание существует еще до рождения, а природа процесса познания – возвращение собственного утраченного знания. Человек, тяготеющий к знанию, стремится к постижению истинного бытия. Он ищет в предмете то, что является родственным к его душе. Этим путем идет избавление от своего бремени [10]. Другими словами, получение знания происходит через интуицию познающего субъекта, что является важным звеном в концепции Майкла Полани.

Аристотель продвинул идею дальше, акцентировав внимание на приобретаемых качествах души или добродетелях. Добродетель получается средствами практического опыта, представляя собой выработанные привычки. Добродетели разделяются на этические и дианоэтические. Душа как неотъемлемая часть процесса познания включает в себя неразумную и разумную часть (мышление). Касательно мышления существует его научная часть, говорящая о неизменности бытия, и, соответственно, изменчивая часть или, другими словами, рассудительная. В сам процесс познания входит опыт как знание о конкретных вещах, а совокупность этого опыта, переходящего в единое умозаключение, что и являлось искусством или наукой. Аристотель, как и Майкл Полани, утверждал о возможности получения знания через его практическое проживание [3, с. 28].

Сенека, словно Полани, являясь критиком отстраненного знания, говорил нам: *«Философия – не лицедейство, годное напоказ толпе, философам надо быть не на словах, а на деле»* [13, с. 45]. Касательно собственного страстного вклада в получение знания Сенека говорил об отметке своих мыслей «собственной печатью», т. е. об утверждении личностного вклада в процесс познания. Вызывает интерес и способ передачи мудрости, описанный в шестом письме: *«Пошлю я тебе и книги, а чтобы ты не тратил труда на поиски вещей полезных, сделаю пометки, по которым ты сразу найдешь все, что я одобряю и чем восхищаюсь. Но больше пользы, чем слова, принесли бы тебе живой голос мудрецов и жизнь рядом с ними»* [13, с. 13]. Касательно передачи мудрости заметна параллель с формированием неявного знания через схемы (подобные системе мыследеятельности Г.П. Щедровицкого) или непосредственное взаимодействие с учителем-мудрецом.

Майкл Полани говорил о важности веры для ученого в процессе познания и постоянного пересмотра своей позиции, но без выхода за пределы наиболее важных предпосылок. Он напрямую ссылается на средневековую

традицию в лице Августина Блаженного на примере его размышлений как человека, стремящегося к вере и уже верующего [11]. Сам Августин считал, что путь к знанию лежит через верование, приводя в пример свое знание о городах, в которых ранее не был и о событиях, которых не застал. Заканчивая эту мысль, философ говорил о собственной непоколебимой уверенности происхождения от своих родителей, завершив это суждением: *«я не мог бы этого знать, не поверь я другим на слово»* [1, с 93]. Майкл Полани, словно Августин, утверждал о силе веры ученого в свое открытие на примере создания и значения «Теории относительности Альберта Эйнштейна». Вера ученого в свою теорию опиралась лишь на мысленное представление о движении луча в пространстве без должного процесса ее верификации в момент этих представлений [11].

Идея о личности как о самом благородном в природе была закреплена средневековым философом Фомой Аквинским. Он объединял свободу, нравственность и разум в единое целое, подчеркивая уникальность каждой личности [15].

Почему мы считаем важным возвращение к концепции «Личностное знание» как к основанию прогрессирования высшей школы? Развитие больших языковых моделей по типу ChatGPT 4 начало порождать множество этических споров об их использовании в высшей школе и науке.

Например, П.Г. Мягков и Л.А. Бурганова акцентируют внимание на несовершенстве имеющейся модели цифровизации современного высшего образования. Использование цифровых технологий преподавателями, направленное на облегчение процесса коммуникации со студентами, зачастую пренебрегает возможностью улучшения интерактивных форм обучения. В этой модели обучения игнорируется учет передачи личностного опыта от преподавателя студентам. Эмоции, воля и интуиция являются важной составляющей при донесении своего личностного опыта и знания преподавателем до своих студентов. В этом случае передача коммуникативных функций умным машинам не способствует успешности процесса цифровизации образования, а напротив, наносит вред, и как следствие, приводит к отсутствию такой важной составляющей, как непосредственный диалог между участниками образовательного процесса [8, с 5].

Важно акцентировать внимание на философском осмыслении проблемы современных вызовов цифровизации Л.И. Иванкиной, направленном на актуализацию важности личностного знания. Главной опасностью для человека в нейросетевую эпоху является утрата самостоятельного мышления вследствие наделения компьютеров познавательной функцией. В качестве основной угрозы для развития когнитивной сферы выступают условия грядущей нейросетевой эпохи, которые, в свою очередь, влияют на исключение феноменального сознания и его свойств как важных компонентов разума человека. Возвращение к «Личностному знанию» и выдвигание на первый план ценности человеческого саморазвития способны минимизировать текущие и будущие риски, связанные с развитием нейросетевых

технологий. Ведь в таком случае последствия от утраты мышления заменит «природного человека» на кибернетическую сущность [6, с. 48].

Где в настоящее время границы дозволенного использования? Как разрешить проблему соавторства и плагиата? Нейронная сеть – инструмент или равнозначный участник научного исследования? [14, с. 74] Мы видим, что острым вопросом для высшей школы и науки является проблема авторства и фальсификации. Научно-квалификационная работа аспиранта, курсовая работа, выпускная квалификационная работа студента, по своей сути являются абсолютно разными, но имеют два схожих фундаментальных принципа – использование научной методологии и написание оригинального текста. Из этого следует, что нейросетевые технологии, которые способны находить текст из загруженных источников и генерировать новый, зачастую обманывают пользователя, ссылаясь на несуществующие источники, тезисы или цитаты. Данные факторы «слепого» использования нейросетевых технологий в учебной и научной деятельности могут привести, с одной стороны, к отсутствию объективного знания, которое можно назвать ненаучным и ложным, а с другой стороны, к отсутствию формирования когнитивных связей у студентов [12, с. 103].

Е.Н. Глубкова затрагивает актуализацию личностного знания у субъектов образовательного процесса с целью минимизации основной проблемы современного образования, такой как формализм. Решением является направленная система дополнительного профессионального образования, актуализирующая среди преподавателей развитие личностного знания. Главной целью организации такой системы внутри вуза является актуализация его процесса самообразования. [5, с. 142].

Если же рассматривать знание как основной результат высшей школы, мы обращаемся к этому примеру: *«Наблюдая учителя и стремясь превзойти его, ученик бессознательно осваивает нормы искусства, включая и те, которые неизвестны самому учителю. Этими скрытыми нормами может овладеть только тот, кто в порыве самоотречения отказывается от критики и всецело отдается имитации действий другого»* [11, с. 87]. Эта цитата показывает нам сложность передачи личностного знания от профессора к студенту. Личностное или неявное знание характерно тем, что не передается многими классическими и инновационными дидактическими инструментами. Однако поспособствовать формированию личностного знания возможно путем создания условий, например, таким методом как майевтика. Данный метод обучения, используемый для двухсторонней коммуникации между преподавателем и студентом с целью нахождения истины, способствует формированию личностного знания у всех участников этого процесса. Иными словами, каждый из участников в той или иной степени обладает явным (формализованным) знанием и неявным чувственным, которое подвергается критическому осмыслению со стороны другого субъекта.

Рассматривая особенности овладения личностным знанием в рамках образовательного процесса, мы обращаем внимание на работу О.В. Летова,

который исследовал сложность передачи личностного знания. В его работе мы находим следующие особенности:

– личностное знание не способно передаваться напрямую с помощью трансляции в явное знание ввиду его невыразимости;

– отсутствие в специализированной литературе возможности напрямую формировать умения и навыки, которые в том числе относятся к личностному знанию;

– важность диалога между обучающим и обучающимся, с одной стороны, для трансляции культурных норм, с другой – для получения посредством подражания;

– овладение навыками происходит через подчинение предположениям о том или ином предмете. Первичным в этом случае является овладение техникой с позиции пользователя без полного осознания принципа действия [7, с. 90–94].

Минимизировать сложности в передаче неявного знания для последующего формирования нам поможет схема мыследеятельности Г.П. Щедровицкого, разработанная в рамках деятельности Московского методологического кружка (ММК). По мнению философа, во время непосредственного обучения с опорой на визуальные методы обучения, студентам передается не только формализованное (явное) знание, но и схема его подачи. Именно схематичность, опирающаяся на человеческую интуицию, и есть не артикулируемое или неявное знание по Майклу Полани [16].

Резюмируя вышеописанное, можно утверждать, что аспекты концепции «Личностное знание», которую осмыслил Майкл Полани, в том или ином виде присутствовали в античной или средневековой философской мысли, что нам говорит о высокой степени глубины этого концепта и значимости для современной социальной философии, эпистемологии и философии науки. Идеи деятелей античной философской традиции говорили нам о естественности стремления человека к знанию и о качествах, необходимых для процесса познания. Впервые Платон затронул идею, что все знания имеются до рождения и человек стремится достать то, что родственно его душе. Это напоминает нам интуицию, которая описывается в процессе научного познания ученого у Майкла Полани. Аристотелем были определены качества для осуществления процесса познания. Основная мысль заключается в практическом проживании добродетелей с целью их развития в себе. Сенека также уделял особое внимание практикоориентированному характеру своей деятельности и уже тут показал способы передачи мудрости (неявного знания) через иллюстрации или непосредственный показ и наблюдения.

Майкл Полани напрямую в своей работе ссылался на Августина Блаженного, и в этом смысле, взяв за основу его видение о собственном веровании, перенес эту логику в процесс научного познания. Фома Аквинский признавал уникальность и неповторимость каждой личности, что и является условием получения «Личностного знания».

Проблема развития дистанционного образования и развития больших языковых моделей заключается в том, что сейчас образование находится в периоде адаптации и настоящее время фрагментарно готовит человека к жизни в новом обществе. Классические вузы уже сейчас внедряют инструменты, используемые в частных практиках. Это может создать опасный прецедент для человека и развития его критического мышления – в широком смысле потерю его человечности.

Избежать этого возможно через актуализацию концепта «Личностного знания» в стенах университета. Сегодня, с теми возможностями по созданию контента средствами больших языковых моделей, нам остается использование нашего мышления, эмпатии и творческих способностей в профессиональной и социальной жизни. Касательно образовательного процесса высшей школы недалекого будущего необходимо сохранение установки исключительности человеческого разума, человеческой интуиции и получаемого человеком знания. Но важно помнить, что «спасение» высшей школы не лежит в запретах компьютерных технологий и больших языковых моделей в рамках образовательного процесса. Прежде всего, студента необходимо научить пользоваться компьютерными программами, сформировать понимание границ дозволенного использования больших языковых моделей. После этого, удерживая у всех участников установку на «знании» как на высшей ценности, начинать его формирование через диалоговые методы обучения. Диалог между студентом и преподавателем способен создать условия передачи и формирования «Личностного знания», актуализировать мотивацию к обучению и формировать те социальные нормы, которые необходимы для жизни в информационном обществе. Непосредственное взаимодействие преподавателей и студентов способно сформировать знание через соотнесенность себя с другим.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин, А. Исповедь / Блаженный Августин Аврелий / Перевод с латинского М. Е. Сергеевко. – М. : Директ-Медиа, 2019. – 353 с. – Текст : непосредственный.
2. Аристотель. Метафизика / Аристотель / Перевод с греческого П. Д. Перлова, В. В. Розанова ; комментарии В. В. Розанова. – М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 232 с. – Текст : непосредственный.
3. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель / Перевод с древнегреческого Н. В. Брагинской ; ред. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 53–293. – Текст : непосредственный.
4. Бадмаева, М. Х. Социально-философские проблемы и принципы применения систем искусственного интеллекта : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Маина Харлановна Бадмаева. – Улан-Удэ, 2023. – 237 с. – Текст : непосредственный.
5. Глубокова, Е. Н. Проблема развития личностного знания субъектов образовательного процесса в вузе / Е. Н. Глубокова. – Текст : непосредственный // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2012. – № 145. – С. 136–142.

6. Иванкина, Л. И. Востребованность в личностном знании – ответ на вызов современной цивилизации / Л. И. Иванкина. – Текст : непосредственный // Образование. Культура. Общество : сборник избранных статей по материалам международной научной конференции (Санкт-Петербург, 28 апреля 2021 г.). – Санкт-Петербург : ГНИИ «Нацразвитие», 2021. – С. 47–50.

7. Летов, О. В. Проблемы овладения навыками личностного знания в концепции М. Полани / О. В. Летов. – Текст : непосредственный // Вестник МГПУ. Серия : Философские науки. – 2012. – № 1. – С. 90–94.

8. Мягков, Г. П. Цифровизация образования в контексте явного и неявного знания / Г. П. Мягков, Л. А. Бурганова. – Текст : непосредственный // Университет как фактор модернизации России: история и перспективы (к 55-летию ЧГУ имени И. Н. Ульянова). – 2022. – С. 310–312.

9. Наумов, А. В. Искусственный интеллект vs человеческий разум / А. В. Наумов. – Текст : непосредственный // Социально-политические науки. – 2024. – Т. 14. – № 4. – С. 202–206.

10. Платон. Полное собрание сочинений : в одном томе. – М. : «Альфа-книга», 2016. – 1311 с. – Текст : непосредственный.

11. Полани, М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / Майкл Полани ; перевод с английского М. Б. Гнедовского, Н. М. Смирновой, Б. А. Старостина ; общая редакция В. А. Лекторского, В. И. Аршинова. – М. : Прогресс, 1985. – 344 с. – Текст : непосредственный.

12. Ряпина, Н. Е. Интерпретация студентами этических аспектов искусственного интеллекта в образовании / Н. Е. Ряпина, И. И. Трубина. – Текст : непосредственный // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2025. – Т. 1. – № 1. – С. 101–111.

13. Сенека, Л. А. Нравственные письма к Луцилию / Луций Анней Сенека ; перевод с латинского С. А. Ошерова. – М. : АСТ, 2018. – 640 с. – Текст : непосредственный.

14. Тихонова, С. В. Нейросети как актор социально-эпистемических арен: этические проблемы / С. В. Тихонова, Д. С. Артамонов. – Текст : непосредственный // Философия науки и техники. – 2024. – Т. 29. – № 1. – С. 73–83.

15. Фома Аквинский. Сумма теологии / Фома Аквинский ; пер., сост., предисл. К. В. Бандуровского. – М. : АСТ, 2019. – 319 с. – Текст : непосредственный.

16. Щедровицкий, Г. П. Знак и деятельность / Г. П. Щедровицкий. – М. : Восточная литература, 2005. – 463 с. – Текст : непосредственный.

17. Morandini S. The Impact of Artificial Intelligence on Workers' Skills: Upskilling and Reskilling in Organisations Informing Science : The International Journal of an Emerging Transdiscipline, 2023. – Vol. 26. – pp. 39–68.

18. Polanyi M. Personal Knowledge : Towards a Post-Critical Philosophy – London : Routledge & Kegan Paul, 2005. – 493 p.

REFERENCES

1. Augustine A. *Ispoved'* [Confessions]. M., Direkt-Media., 2019. 353 p. (In Russian).
2. Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics]. M., Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2006. 232 p. (In Russian).
3. Aristotle. *Nikomakhova etika* [Nicomachean Ethics]. Vol. 4. M., Mysl', 1983, pp. 53–293. (In Russian).

4. Badmaeva M. Kh. *Social'no-filosofskie problemy i principy primeneniya sistem iskusstvennogo intellekta* [Social and Philosophical Problems and Principles of Application of Artificial Intelligence Systems]. Ulan-Ude, 2023. 237 p. (In Russian).

5. Glubokova E. N. The problem of development of personal knowledge of subjects of the educational process in higher education. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena = Izvestiya of the Herzen State Pedagogical University*, 2012, no. 145, pp. 136–142. (In Russian).

6. Ivankina L. I. Demand for personal knowledge as a response to the challenges of modern civilization. *Obrazovanie. Kul'tura. Obshchestvo : sbornik izbrannykh statej po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Sankt-Peterburg, 28 aprelya 2021 g.) = Education. Culture. Society. Proceedings of the International Scientific Conference (St. Petersburg, April 28, 2021)*. St. Petersburg, GNII "Natsrazvitie", 2021, pp. 47–50. (In Russian).

7. Letov O. V. Problems of mastering personal knowledge skills in M. Polanyi's concept. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, Seriya filosofskie nauki = Bulletin of the Moscow State Pedagogical University, Series : Philosophical Sciences*, 2012, no. 1, pp. 90–94. (In Russian).

8. Myagkov G. P., Burganova L. A. Digitalization of education in the context of explicit and tacit knowledge. *Universitet kak faktor modernizacii Rossii : istoriya i perspektivy = University as a Factor of Modernization of Russia : History and Prospects*, 2022, pp. 310–312. (In Russian).

9. Naumov A. V. Artificial intelligence vs human mind. *Sotsial'no-politicheskie nauki = Socio-political sciences*, 2024, vol. 14, no. 4, pp. 202–206. (In Russian).

10. Plato. *Polnoe sobranie sochinenii v odnom tome* [Complete Works in One Volume]. M., AL'FA-KNIGA, 2016. 1311 p. (In Russian).

11. Polanyi M. *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoj filosofii* [Personal Knowledge : Towards a Post-Critical Philosophy]. M., Progress, 1985. 344 p. (In Russian).

12. Ryapina N. E., Trubina I. I. Students' interpretation of ethical aspects of artificial intelligence in education. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and foreign pedagogy*, 2025, vol. 1, no. 1, pp. 101–111. (In Russian).

13. Seneca L. A. *Nravstvennye pis'ma k Lutsiliyu* [Moral Letters to Lucilius]. M., AST, 2018. 640 p. (In Russian).

14. Tikhonova S. V., Artamonov D. S. Neural networks as actors of socio-epistemic arenas : ethical problems. *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of Science and Technology*, 2024, vol. 29, no. 1, pp. 73–83. (In Russian).

15. Thomas Aquinas. *Summa teologii* [Summa Theologica]. M., AST, 2019. 319 p. (In Russian).

16. Shchedrovitsky G. P. *Znak i deyatel'nost'* [Sign and Activity]. M., Vostochnaya literatura, 2005. 463 p. (In Russian).

17. Morandini S. *The Impact of Artificial Intelligence on Workers' Skills: Upskilling and Reskilling in Organisations*. Informing Science : The International Journal of an Emerging Transdiscipline, 2023. Vol. 26. – Pp. 39–68.

18. Polanyi M. *Personal Knowledge : Towards a Post-Critical Philosophy*. London, Routledge & Kegan Paul, 2005. 493 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Коноплев, В. В. Концепция «личностного знания» Майкла Полани как философское основание развития высшей школы эпохи больших языковых моделей / В. В. Коноплев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 178–187.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Konoplev V. V., Michael Polany's concept of "personal knowledge" as a philosophical basis for the development of higher education in the era of large language models / V. V. Konoplev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2026, no. 1, pp. 178–187. (In Russian).

УДК 1:172:316.6: 355.48

**САКРАЛЬНОСТЬ ПАТРИОТИЗМА
В КОРПУСЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ**

А. Д. Похилько, С. Н. Сирик, М. П. Ильях, В. А. Ивлев

**THE SACREDNESS OF PATRIOTISM
IN THE CORPS OF MILITARY-HISTORICAL KNOWLEDGE**

A. D. Pokhilko, S. N. Sirik, M. P. Ilyukh, V. A. Ivlev

Аннотация. Анализируется феномен сакрального («священного») в его отношении к совокупности военно-исторических знаний. Сакральное в патриотизме репрезентирует высшие ценности, которые вызывают у человека благоговение. Сферой сакрального для русского патриота традиционно является, прежде всего, земля, которая рассматривается как особое жизненное пространство, имеющее также священное измерение времени, – историю российского общества и государства с его символами. Военно-историческое знание включает в себя сакральное на двух уровнях – теоретическом и прикладном. Теоретический уровень – это системный уровень обобщенной интерпретации фактов, который сакрализован через личностное знание и убеждения исследователя. Прикладной уровень – это знание, применяемое в воспитательных целях, оформленное в праздниках, обрядах, ритуалах, канонических знаниях по истории. Делается вывод о том, что в патриотизме сакрализуется любовь в самом ее общем, универсальном виде – от любви к своей семье и своему городу до любви к своему народу и своему государству. Такую любовь необходимо воспитывать в человеке с детства, чтобы он приобрел подлинную культуру патриотизма, основанную на твердых научных убеждениях, служащих основанием альтруистических идеалов.

Abstract: The phenomenon of the sacred is analyzed in its relationship to the totality of military-historical knowledge. In patriotism, the sacred represents the highest values that evoke awe in people. For the Russian patriot, the sacred sphere is traditionally, first and foremost, the land, which is viewed as a special living space that also possesses a sacred dimension of time – the history of Russian society and the state with its symbols. Military-historical knowledge incorporates the sacred at two levels: theoretical and applied. The theoretical level is the systemic level of a generalized interpretation of facts, sanctified through the personal knowledge and beliefs of the researcher. The applied level is knowledge applied for educational purposes, formalized in holidays, rites, rituals, and canonical historical knowledge. It is concluded that patriotism sacralizes love in its most general, universal form – from love for one's family and one's city to love for one's people and one's state. This kind of love must be nurtured in a person from childhood, so that he acquires a genuine culture of patriotism, based on firm scientific convictions that serve as the foundation of altruistic ideals.

Ключевые слова: сакральное, знание, военная наука, история, патриотизм, патриотическое воспитание, любовь.

Keywords: sacred, knowledge, military science, history, patriotism, patriotic education, love.

Актуальность темы патриотизма возрастает. Российскому обществу необходимо решать социальные и культурные задачи с учетом возрождения таких традиционных ценностей как коллективизм, доминирование общественных интересов над индивидуальными, формирование патриотического сознания у молодежи. Актуализируется проблема адекватного военно-патриотического воспитания, учитывающего современные реалии информационного общества и особенности цифровой образовательной среды. Научно-технический прогресс вызывает необходимость формирования у молодежи, особенно у курсантов военных вузов, твердых убеждений, основанных не на слепой вере, а на системе военно-исторических знаний, сопряженной с умением применять современную информационную технику.

Целью данной статьи выступает определение места сакральных элементов в структуре всего корпуса военно-исторических знаний и аксиологическая интерпретация основного сакрального элемента патриотизма – любви к Родине. Социальная философия дает возможность всесторонне осмыслить указанную проблему.

Теоретико-методологическими основаниями данного исследования выступают подходы, разработанные в трудах таких отечественных мыслителей как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, П.Я Чаадаев и другие. Следует отметить, что диапазон этих подходов достаточно широк, он охватывает спектр мнений и концепций классических русских мыслителей, начиная от рационально-критического подхода к патриотизму у П.Я Чаадаева [3, с. 83], который требует отличать истинный патриотизм от ложного, до религиозно-христианского подхода, склонного объединять большую и малую, материальную и духовную родину, скажем, у С.Н. Булгакова [1], а также чувственно-эмоциональное выражение любви к людям, природе, красоте в мировоззрении А.С. Пушкина.

Примечательно, что А.С. Пушкин, склонный к эмоциональному восприятию патриотизма, написал полемическое письмо П.Я Чаадаеву. Однако не отправил его. Можно только гадать, почему же не отправил. Потому ли, что они были лучшими друзьями, или же не был уверен в своих полемических возражениях. Эти возражения были основаны на том, что, по мнению А.С. Пушкина, надо любить свое Отечество таким, какое оно есть, и каким бы ни была его история. Для великого поэта была чужда мысль о критическом компоненте в структуре патриотизма. Критико-рационалистический подход П.Я. Чаадаева он воспринимал как непатриотичность. Сакральный смысл патриотизма он интерпретировал в духе русского православия и романтизации русской военной истории. Интересно, что в стихотворении «К Чаадаеву», которое было написано гораздо раньше, А.С. Пушкин сравнивает любовь к женщине и любовь к Родине, отдавая предпочтение истинной вечной и абсолютной, сакральной любви – любви к Родине. Любовь как страстное увлечение юности, влюбленность, у него характеризуется как своего рода обман, сон, туман. В любом случае поэт закономерно делает акцент не на научных рассуждениях, а на чувстве в структуре патриотизма.

Мы также уделяем внимание такому структурному компоненту военно-исторического знания как патриотическое сознание с его ценностью любви. В этом отношении творчество А.С. Пушкина значимо постольку, поскольку военно-исторические знания обязательно включают в себя патриотизм с сакральными элементами, с освящением культурных текстов. Военно-исторические знания в России органично сочетают знания о войне и мире, поскольку Россия всю свою историю вела войны, которые чередовались с мирными периодами. Наиболее значимыми становились те войны, в которых Россия одерживала убедительную победу. Народная память и культура придавали сакральный смысл этим войнам. Две из них по праву были названы отечественными, всенародными и священными. Это Отечественная война 1812 года и Великая Отечественная война 1941–1945 годов [2, с. 90]. Историков интересуют особенности исторической памяти об этих войнах.

Историческая память – это сохранение и воспроизводство мыслей, представлений и чувств, общественного сознания людей о своем историческом прошлом [7, с. 147–151]. Со временем память о прошлом теряет чувственную, эмоционально-образную компоненту и превращается в память как совокупность сухих рациональных высказываний, цифр и фактов. Поэтому такая память поддается конструированию и дает возможность манипулировать ею даже без сознательной фальсификации, поскольку достаточно избирательности в отношении к отдельным историческим фактам и их конфигурациям. Скажем, как воспринимают Сталинградскую битву или же всю Великую Отечественную войну в целом советские, немецкие и современные российские историки. Их взгляды достаточно субъективны и варьируются в широком диапазоне в зависимости от личных и национальных убеждений, стереотипов и парадигм, политических доктрин.

Возникает парадокс научного познания: как лавировать между объективной истинностью, с одной стороны, и, с другой стороны, между иррациональными чувствами с их сакральностью вплоть до религиозной веры. Духовное отечество (духовная родина) – это понятие христианства. Для отечественной религиозной философии культуры такое понятие является одним из ключевых в понимании феномена патриотизма. Тесно связан с этим вопрос о том, в какой степени сакрализована проблема патриотизма в самой науке, в ее внутренней структуре. Если теория патриотизма представляет собой сакральный текст, то она не должна не только быть предметом каких-либо объективных критических замечаний или дискуссий, но и вообще изменяться или даже рассматриваться как объект научного исследования. Что касается истинности военно-исторического знания, то она в таком случае устанавливалась бы директивно, с закреплением в этических кодексах и правовых нормах, внедрялась бы в общественное мнение через СМИ.

Исторический экскурс позволяет осмыслить этот парадокс таким образом, что с развитием общества в феномене патриотизма акцент с чувства,

эмоций и веры постепенно переносится на знание, рациональный компонент, чтобы системно разрабатывать идеологический уровень политики. Феномен патриотизма, освобождаясь от тотального влияния религии в средние века, приобретает характер индивидуально-личных убеждений, имеющих социальную ценность, направленных на консолидацию общества. Особую значимость такое понимание патриотизма приобретает в критические для общества периоды. Не случай, но именно во время французской революции термин «патриот» закрепляется в словарях.

Социально-философский подход к исследованию феномена патриотизма помогает осмыслить указанный выше парадокс [3, с. 81–97]. На уровне научного знания исследователь военной истории не может изобретать факты или сознательно искажать их. Мы принимаем допущение о том, что история является наукой, хотя и в версии, отличной от естествознания, например, история существенно отличается от физики. В истории ученый не только имеет дело с субъективными источниками информации, но и привносит свой собственный момент субъективности в интерпретацию, казалось бы, совершенно объективных фактов (т. е. прошедших событий, выраженных в определенном языке). В физике основные законы не могут быть выведены из эмпирических данных. Однако даже в физике ученый испытывает на себе влияние неявных (личностных) знаний, как это убедительно продемонстрировал М. Полани [5]. В основе его модели философии науки лежит убеждение о том, что мы знаем больше, чем можем выразить. Творческий потенциал ученого лежит как бы за пределами объективности. Аналогично дело обстоит и в исторических науках. На уровне теории личностное знание историка уже сакрализовано через личностное сознание. Навык историка интерпретировать факты, интуитивно выявлять их значимость, определяются во многом подсознательно, ценностными установками, ведет к социальной истине, а не заблуждениям.

Кроме того, следует отметить, что человечество переходит к постсекулярному обществу, в котором практически все общественные и культурные явления подвержены ресакрализации. В постсекулярном обществе размываются границы светского и религиозного, мирского и священного, и это приводит к включению религии в политику, мораль, право, спорт, искусство и другие сферы общественной и личной жизни.

Однако даже в советском обществе массового атеизма в критические моменты истории священное явно и быстро входит в общественное сознание. Наглядный общий пример – название войны – «Великая Отечественная война». В первые дни войны был написан текст песни «Священная война», а затем и сочинена музыка. «Священная война, – как отмечает В. Матонин, – выявляет подлинные социальные ценности, подтвержденные готовностью соотечественников оплатить их самой высокой ценой – своей жизнью» [4]. Сакральные символы мобилизовали людей на борьбу. Официальные гонения на религию постепенно уступили место сотрудничеству с Русской православной церковью, возвращению права юридического лица.

Была и остается священным символом для россиян земля. «Земля» – сакральный символ, означающий социокультурное пространство – жизненный мир человека. Для понимания Родины этот образ служит символом и способом объединения людей. В социокультурном развитии земля наполняется культурой, она приобретает иной смысл: земля – пространство человеческое. В этом отношении релевантна идея В.С. Соловьева о том, что патриотизм есть любовь к отечеству и «при переходе племен к оседлому земледельческому быту это чувство получает специфическое значение – становится любовью к родной земле» [9]. А.С. Пушкин образно выразил это так: «Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам ... / Животворящая святыня! / Без них душа была б пуста». В земле наши предки, и мы должны быть их достойными сынами. Концентрацией священного смысла стали топоры Москвы и Ленинграда. Их потеря в Великой Отечественной войне была бы недопустима. Даже названия городов – Ленинград и Сталинград были священными символами, за которые надо бороться до конца, ведь они носили имена сакральных вождей.

Военно-историческое знание по-своему ставит проблему истинности. Аутентичный патриотизм не мешает, а помогает историку интерпретировать факты. Дискуссионным при этом выступает такой концепт как «лжепатриотизм». Альтернативой лжепатриотизму, казалось бы, должен быть истинный патриотизм. Однако дискуссия в этом отношении неизбежно уступила бы место полемике, если не софистике. В образовании и патриотическом воспитании военно-исторические знания приобретают прикладной характер, а на прикладном уровне можно допустить употребление понятия «лжепатриотизм» и его эквивалентов: «квасной патриотизм», «псевдопатриотизм» (лапотный патриотизм, казенный патриотизм, ура-патриотизм) и другие. Можно соответственно в определенной мере вести речь об истинном патриотизме. Суть лжепатриотизма состоит в отрыве идеологических фраз и показных заверений в лояльности от социально-психологических состояний и втекающих из них конкретных действий. Происходит обман людей с корыстными целями. Истинный патриотизм в том, чтобы жить для Родины.

На наш взгляд, можно также вести речь о квазипатриотизме, неаутентичном патриотизме, в том случае, когда людям не хватает знаний и культуры для того, чтобы соединить любовь к большой Родине и родине малой, к своему народу или нации и межнациональному цивилизованному государству. Культура патриотизма дает возможность преодолеть местничество, семейный эгоизм, национализм и шовинизм, деформации патриотического сознания [10, с. 166–174]. В культуре патриотизма также органично сочетаются элементы сакральности и объективные научные знания, т. е. парадигмальный принцип культуры патриотизма означает переход от трактовки феномена патриотизма только как духовности и веры к интерпретации патриотизма как мировоззренческой системы твердых, осознанных убеждений. Наиболее значимыми аксиологическими альтернативами выступают интерпретации патриотизма

в виде: 1) верноподданнического отношения к государству, скажем, обожаение монарха (верноподданнический патриотизм, насаждаемый Павлом I) и 2) любви к отдельному человеку, семье и малой родине (С.Н. Булгаков, Л.Н. Толстой). Полный и аутентичный патриотизм стремится охватить все стороны и терпим к многообразию [5, с. 256–257].

В истории России есть интересные моменты – повороты от патриотизма к интернационализму и от интернационализма к патриотизму. Такие периодические изменения ценностных ориентиров в российской культуре по времени совпадают с переломными моментами в развитии российского общества и его культуры: с революциями, перестройками, войнами. В первую мировую войну образ немца-врага сменился образом немца-человека. В самом начале Великой Отечественной войны интернационализм мешал боевым действиям. Немец даже с винтовкой казался своим, рабочим или крестьянином, «братом по труду». В него психологически трудно было стрелять, поскольку он человек. Образ врага-человека должен был смениться образом врага-зверя [8], который опасен как оборотень, оскверняющий святую землю. Такая смена образов врага была под силу только работе патриотического сознания. Амбивалентность патриотического сознания состоит в том, что оно способно соединять в себе такие сильные чувства как любовь к людям и ненависть к врагу. Такой синтез сильных чувств помогали осуществлять художественная литература и искусство, которые наглядно показывают, что любовь к Родине в сердце солдата переходит в ненависть к врагам на кончиках штыков (М.А. Шолохов).

Таким образом, сакральное и священное занимает неотъемлемое место в структуре военно-исторического знания, выступая атрибутом феномена патриотизма. Сакральность патриотизма в корпусе военно-исторического знания служит особой формой мировоззрения историка, формируя его личностное знание. В феномене патриотизма сакрализуется любовь к людям; она включает в себя как любовь к малой родине, любовь рационализированную, осознанную в мировоззренческом и идеологическом плане. Если у А.С. Пушкина преобладает чувственно-эмоциональное отношение к Родине, то у П.Я. Чаадаева – рационально-критическое отношение к Отечеству. У современного историка такое многообразие установок представляет собой не столько дилемму, сколько желание синтезировать эти установки. По крайней мере, критическая, творческая рефлексия – это атрибут любого научного исследования, в том числе и военно-исторического. В процессе воспитания патриота происходит своего рода культивирование патриотизма как высшего чувства при переходе от осознания ценности своей семьи, своего поселка или города до универсальной любви к народу, нации, обществу и государству. Такая любовь означает подлинную культуру аутентичного патриотизма. Воспитывается эта культура с помощью ритуалов и священных символов, а также хорошего образования. Полный и подлинный патриотизм означает благоговение перед жизнью во всех ее формах, в том числе, перед жизнью коллективной, социальной; это желание сохранять и защищать

жизнь не только в ситуациях социальных кризисов и потрясений, но и в ее повседневном бытии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков, С. Н. *Моя Родина : К 125-летию со дня рождения : Избранное* / С. Н. Булгаков. – Орел : Издательство Орловской государственной телерадиовещательной компании, 1996. – 240 с. – Текст : непосредственный.
2. Земцов, В. Н. *Отечественные войны в судьбах Отечества: историческая память и политика памяти* / В. Н. Земцов. – Текст : непосредственный // *Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории*. – 2025. – № 28. – С. 90–103.
3. Ивченкова, М. С. *Теоретические конструкты и опыт эмпирического анализа патриотизма в современной российской социологии* / М. С. Ивченкова, И. И. Буханский. – Текст : непосредственный // *Вестник Института социологии*. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 81–97.
4. Матонин, В. Н. «Священная война» как социокультурный феномен / В. Н. Матонин. – Текст : электронный. URL: https://rusnauka.com/13_EISN_2012/Philosophia/2_109662.doc.htm#_ednref2 (дата обращения : 02.02.2026).
5. Полани, М. *Личностное знание : На пути к посткритической философии* / М. Полани. – М. : Прогресс, 1985. – 344 с. – Текст : непосредственный.
6. Похилько, А. Д. *Патриотизм как социально-психологический феномен* / А. Д. Похилько, С. В. Нехно. – Текст : непосредственный // *Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты : Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 16 июня 2025 года*. – Чебоксары : Среда, 2025. – С. 256–257.
7. Репинецкая, Ю. С. *К вопросу о содержании понятий «историческое сознание» и «историческая память»* / Ю. С. Репинецкая. – Текст : непосредственный // *Самарский научный вестник*. – 2017. – Т. 6, № 1(18). – С. 147–151.
8. Симонов, К. М. *Письма о войне, 1943–1979* / К. М. Симонов. – М. : Советский писатель, 1990. – 719 с. – Текст : непосредственный.
9. Соловьев, В. С. *Патриотизм* / В. С. Соловьев – Текст : электронный // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том XXIII*. – Санкт-Петербург, 1898. – URL: <https://arzas.academy/materials/345> (дата обращения : 03.02.2026).
10. Тумин, А. Ю. *Культура патриотизма как научное понятие в современной социальной философии: актуализация проблемного поля* / А. Ю. Тумин. – Текст : непосредственный // *Гуманитарный вектор*. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 166–174.

REFERENCES

1. Bulgakov S. N. *Moya Rodina: K 125-letiyu so dnya rozhdeniya: Izbrannoye* [My Homeland: On the 125th Anniversary of Its Birth: Selected Works]. Orel, 1996. 240 p. (In Russian).
2. Zemtsov V. N. Patriotic Wars in the Fate of the Fatherland: Historical Memory and the Politics of Memory. *Zapad, Vostok i Rossiya: Voprosy vseobshchey istorii = West, East, and Russia: Questions of General History*, 2025, no. 28, pp. 90–103. (In Russian).
3. Ivchenkova M. S., Bukhanskiy I. I. Theoretical constructs and empirical analysis of patriotism in modern Russian sociology. *Vestnik Instituta sotsiologii = Russian Sociology. Bulletin of the Institute of Sociology*. 2024, vol. 15, no. 2, pp. 81–97. (In Russian).

4. Matonin V. N. «*Svyashchennaya voyna*» kak sotsiokul'turnyy fenomen» ["The Holy War" as a sociocultural phenomenon]. URL: https://rusnauka.com/13_EISN_2012/Philosophia/2_109662.doc.htm#_ednref2. (In Russian).

5. Polani M. *Lichnostnoye znaniye : Na puti k postkriticheskoy filosofii* [Personal Knowledge : Towards Postcritical Philosophy]. M., Progress, 1985. 344 p. (In Russian).

6. Pokhil'ko A. D., Nekhno S. V. Patriotism as a Socio-Psychological Phenomenon. *Strategii ustoychivogo razvitiya: sotsial'nyye, ekonomicheskiye i yuridicheskiye aspekty = Sustainable Development Strategies: Social, Economic, and Legal Aspects*. Cheboksary, Sreda, 2025, pp. 256–257. (In Russian).

7. Repinetskaya YU. S. On the content of the concepts of "historical consciousness" and "historical memory". *Samarskiy nauchnyy vestnik = Samara Scientific Bulletin*, 2017, vol. 6, no. 1(18), pp. 147–151. (In Russian).

8. Simonov K. M. *Pis'ma o voyne, 1943–1979* [Letters about the War, 1943–1979]. Moscow, Sovetskiy pisatel', 1990. 719 p. (In Russian).

9. Solov'yev V. S. Patriotizm. *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Yefrona = Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. Sankt-Peterburg, 1898. URL: <https://arzamas.academy/materials/345>. (In Russian).

10. Tumin A. YU. The culture of patriotism as a scientific concept in modern social philosophy: actualization of the problem field. *Gumanitarnyy vector = Humanitarian Vector*, 2024, vol. 19, no 1, pp. 166–174.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Сакральность патриотизма в корпусе военно-исторического знания / А. Д. Похилько, С. Н. Сирик, М. П. Ильюх, В. А. Ивлев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 188–195.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Pokhilko A. D., Sirik S. N., Ilyukh M. P., Ivlev V. A. The sacredness of patriotism in the field of military history / A. D. Pokhilko, S. N. Sirik, M. P. Ilyukh, V. A. Ivlev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2026, no. 1, pp. 188–195. (In Russian).

УДК 111:004.8

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК НОВЫЙ ЭТАП
ОТДЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ОТ ПРИРОДЫ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВ.**

Т. Л. Трифонова, А. К. Бутенко

**ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A NEW STAGE
OF HUMAN SEPARATION FROM NATURE:
A SOCIO-PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF POSTHUMAN
PROSPECTS.**

T. L. Trifonova, A. K. Butenko

Аннотация. В статье раскрывается понятие постчеловечества, его социально-философские основания через призму теории постгуманизма. Выявляются ключевые социально-философские аспекты, связанные с перспективами постчеловеческого будущего, в котором центральную роль играет искусственный интеллект. Автор проводит анализ того, каким образом искусственный интеллект выступает как новый этап выделения человека из природы, преобразуя традиционные представления о человеческой природе, формируя новые формы социального существования и взаимодействия. Кроме того, рассматриваются социальные последствия и этические вызовы, связанные с интеграцией искусственного интеллекта в повседневную жизнь и формированием новых форм идентичности и субъективности. Искусственный интеллект предстает не просто инструментом или технологией, а центром новой стадии эволюции, в которой человек и машина вступают в синергетическое единство, что, по мнению автора, требует глубокого философского осмысления, чтобы обеспечить гармоничное развитие, учитывающее как потенциал, так и вызовы, открывающиеся перед обществом в эпоху постчеловечества.

Abstract. This article explores the concept of posthumanity and its socio-philosophical foundations through the lens of posthumanist theory. Key socio-philosophical aspects related to the prospects of a posthuman future in which artificial intelligence plays a central role are identified. The author analyzes how artificial intelligence represents a new stage in the separation of humans from nature, transforming traditional notions of human nature and shaping new forms of social existence and interaction. The article also examines the social consequences and ethical challenges associated with the integration of artificial intelligence into everyday life and the formation of new forms of identity and subjectivity. Artificial intelligence is presented not simply as a tool or technology, but as the center of a new stage of evolution, in which humans and machines enter into a synergistic unity. This, according to the author, requires deep philosophical understanding to ensure harmonious development that takes into account both the potential and challenges facing society in the posthuman era.

Ключевые слова: постчеловеческая социальность, постчеловек, постгуманизм, общество, природа, искусственный интеллект, техногенная эволюция, цифровизация, идентичность.

Keywords: posthuman sociality, posthuman, posthumanism, society, nature, artificial intelligence, technogenic evolution, digitalization, identity.

Современное общество стоит на пороге качественно новых трансформаций, которые в корне меняют само понимание человеческой сущности, природы социальных отношений. В центре этих изменений находится искусственный интеллект (ИИ), представляющий собой технологический прогресс, связанный с пересмотром традиционных границ между природой и человеком. Рассмотрение социально-философских аспектов постчеловеческого будущего становится актуальным именно в свете этих трансформаций, поскольку развитие ИИ не просто расширяет возможности человеческой деятельности, но и формирует новые формы бытия, сознания и социального взаимодействия. Выделение человека из природы, происходившее на протяжении всей истории человеческого существования, получает свое продолжение и преобразование благодаря ИИ, который выступает как новый этап в эволюционном процессе, где границы природы и техники, органического и искусственного, переплетаются и переосмысливаются, вследствие чего складываются новые формы социального взаимодействия, изменяются традиционные представления о природе человека и общества, формируется феномен постчеловеческой социальности. Как отмечает М.А. Иванченко: «Постчеловеческая социальность – это открытая система сосуществования человека с другими живыми (и неживыми) существами. В постчеловеческой социальности для человека нет ничего внешнего, потому что «размерности человечески возможного» не фиксированы. Постчеловеческая социальность включает в себя более широкую культурную среду, а также физическую структуру, технологическую среду, не просто как внешнее дополнение к человеческому состоянию, но как неотъемлемую часть его конституции». [4, с. 19] Существенными отличительными признаками постчеловеческой социальности от социальности традиционной являются следующие: наличие гибридных субъектов, сочетающих биологические и технические составляющие; изменение границ между субъектом и объектом, живым и неживым, природным и искусственным. В современных условиях развития общества, данные характеристики становятся все более актуальными, что обуславливает необходимость философского осмысления этих изменений, способного раскрыть новые перспективы понимания человеческой идентичности, этики и социального взаимодействия в границах формирования нового типа постчеловеческой социальности.

Социально-философское осмысление постчеловеческих перспектив находит свое выражение в дискурсе постгуманизма, который основывается на том, что социальность как таковая не является исключительно человеческим атрибутом. Формулируя понятие постчеловека, данная концепция утверждает что постчеловек не есть улучшенная версия трансформации человека за счет ИИ, биоинженерии и кибернетики, а представляет собой

совершенно иное существо. Как отмечает Н. Бостром: «постчеловек – это потомок человека, модифицированный до такой степени, что уже не является человеком». [2, с. 171] Постгуманизм формирует альтернативную концепцию антропоцентризму, утверждая, что человек – не является центром вселенной, а представляет собой одну из многих форм существования, которые могут существенно трансформироваться под влиянием технологий.

Постгуманизм исходит из того, что эволюция человека не закончена. Так, например, известный футуролог Р. Курцвейл [7, с. 580] в своей книге «Революция разума. На подступах к сингулярности» прогнозирует то, как «непрерывно ускоряющийся научно-технический прогресс (генная инженерия, молекулярная нанотехнология, создание нейропротезов и прямых интерфейсов «компьютер-мозг») к 2050 г. позволит создать постчеловека, способности которого будут принципиально отличаться от способностей современных людей» [7, с. 580].

С позиций постгуманизма, современный человек является существом, ограниченным в биологических и интеллектуальных возможностях, происходит это из-за слабых физических показателей, относительно небольшой продолжительности жизни, низкой выносливости и работоспособности по сравнению с компьютерными системами, что, несомненно, снижает эволюционный потенциал человека как вида. Так, П.С. Гуревич указывает на то, что «человек не только утратил идентичность, он понемногу сходит совсем на нет, умирает как антропологическая данность» [3, с. 20].

Постчеловеческая перспектива бросает вызов традиционному антропоцентристскому подходу, предлагая расширить границы понимания субъективности за пределы человеческого индивида, когда человек перестаёт рассматриваться как уникальный субъект, исключительный по своей природе, а скорее как часть более комплексной сети биологических, технологических и социальных взаимодействий. Кроме того, субъект – это не завершённая ступень эволюции, а только ее начало, субъект – это постоянное становление. Как отмечает М.А. Иванченко: «Постгуманизм отрицает исключительность человека, вводя плюралистичность субъектов (вещи, вирусы, живые существа помимо человека, техника, биосфера и проч.), сосуществование человеческого и нечеловеческого (органического и неорганического, естественного и искусственного), их становление полноправными актёрами исторического процесса. Человеческое становится всего лишь одной из форм социальности» [4, с. 18].

По мнению И.В. Кудашовой «Возможно предположить, что современный человек является необходимым этапом в развитии мира, что в будущем возникнет совершенно новый вид разумных существ, поэтому имеет смысл изучать уже не самого человека с его разумом, а сам разум, сознание, реализованное пока – на человеческом носителе» [6, с. 22].

Современные философы и футурологи, размышляя на тему перспектив постчеловеческой социальности, формулируют такие понятия, как «трансчеловечество», «альтчеловечество», «постчеловечество». Одной из перспективной

форм постчеловеческой социальности, связанной с развитием ИИ видят в феномене «альтчеловечество».

Концепция альтчеловечества отражает идею о том, что в будущем общество может включать не только биологические индивиды, но и ИИ, способный функционировать независимо от биологических носителей. Кроме того, данная концепция развивает идею существования виртуальной реальности и цифровых миров, как альтернативных форм социального взаимодействия, представляет потенциал цифровой среды как пространства для формирования нового типа социальности. Однако, концепция альтчеловечества представляется, с одной стороны, перспективной формой нового типа социальности, связанной с развитием ИИ, но с другой – несет значительные риски и вызовы для общества, связанные с безопасностью, защитой персональных данных и вопросом о правах и обязанностях искусственных субъектов. Открытым остается вопрос, сможет ли ИИ достичь уровня сознания и самосознания, присущего человеку?

Проводя анализ перспектив возникновения сознания у ИИ, И.А. Канаев и Э.Д. Дряева выделяют следующие факторы в качестве необходимых условий возникновения сознания: «интегральность – способность объединять результаты взаимодействия с миром в единый момент состояния субъективной реальности, которое отражает окружающую реальность в формах внутреннего опыта, включая восприятие, эмоции и мысли; адаптивность – способность приспособления к ритмам окружающей среды и эффективного предсказания будущих событий, включая нахождение новых способов решения актуальной задачи; самоконтроль – наделение происходящих внутри и вовне системы событий и последствий ценностным значением, которое встраивает полученное знание в структуру системы, позволяя определять цели существования на основании собственных состояний» [5, с. 42]. На основе выявленных критериев можно заключить, что некоторые системы ИИ в настоящее время способны имитировать аспекты самоконтроля и постановки целей, но это лишь реализация их программных функций. Более того, они должны быть интегрированы в процесс взаимодействия с реальным миром и постоянно адаптироваться к меняющимся условиям. В эволюции человека это проявилось в создании надприродной социальной, культурной среды и необходимости адаптации к новым условиям социального отбора. Однако системы ИИ имеют возможность пойти по иному пути реализации и открыть новое направление для эволюции сознания.

Формы проявления постчеловеческой социальности достаточно разнообразны и включают в себя биоинженерные разработки, ИИ, виртуальную реальность, цифровые сети и платформы. Каждая из этих форм способствует изменению восприятия себя и окружающих, конструирует новые нормы поведения и этические стандарты в обществе. В целом, все это приводит к новому витку отделения человека от природы, где разрыв становится все более существенным, формируется новая виртуальная среда бытия

человека, где значительная часть жизнедеятельности происходит вне физического контакта с окружающим миром, перемещаясь в цифровое пространство и тем самым минимизируя потребность в непосредственном взаимодействии с природой, что, в свою очередь, усиливает изоляцию человека от нее. Все эти изменения, формирующие новый тип социальной реальности, представляются с одной стороны, достаточно перспективными для будущего человека и человечества, а с другой – несут достаточные риски для его существования.

Использование ИИ в различных сферах жизни общества демонстрирует его потенциал как средства расширения человеческих возможностей, но в то же время несет в себе ряд угроз для человеческого существования. Основным направлением теории постгуманизма выступает проект киборгизации, то есть слияния человека и машины, сопровождающееся заменой естественных функций человеческого тела и разума технологиями. Ж. Бодрийяр, говорит о том, что «искусственный интеллект и его «технические подпорки» станут протезом, не оставляющим места для мысли» [1, с. 274]. Продолжая данную мысль Бодрийяра, Дж. Ланир отмечает, что «слепая вера в безграничные возможности машин приводит к нивелированию умственных способностей, а вместе с ними и ответственности человека: чтобы машины все время казались умными, люди сознательно деградируют, а чтобы человек рассматривал разум машины как реальный, требуется ослабить собственную связь с реальностью» [8, с. 87].

Формирование постчеловеческого мира требует переосмысления базовых представлений о технике, технологиях, техногенности. Классическое представление о технике как средстве человеческой деятельности, отдельном и зависящем от него в свете трансформации человека в постчеловека на основе кибертехнологий, когда модификации остаются в самом человеке и становятся частью его самости, сменяются представлением о том, что техника – это не средство, а цель. При этом кибертехнологии (используют биологические материалы и структуры для преодоления ограничений биологической данности человека), которые приходят на смену биотехнологиям представляются более конкурентоспособными и перспективными. В рамках философского анализа, как отмечает И.Н. Тяпин кибертехнологии также «могут претендовать на философско-диалектическую «поддержку». В этом случае современные кибертехнологии завершают диалектическую триаду, где начало / «тезис» – это природное абио (вечное и безжизненное), отрицание / «антитезис» – это появление жизни и социальности, с ее хрупкостью и смертностью, а синтез / «диалектическое снятие» – это состояние мира после использования кибертехнологий для создания вечной жизни в форме «оживления биологического» [10, с. 123]. Кроме того, продолжает И.Н. Тяпин: «Кибертехнологии более органично выводят на абсолютный предел познания и возможной модификации человека, который заключается в том, что сознание / душа становится феноменом отдельного существования,

в частности, обеспечивая, избавление от ограничений любого определенного тела» [10, с. 124].

Однако необходимо отметить, что внедрение технологий постчеловечества несет в себе ряд вызовов, например, риск зависимости от машин, потеря контроля над личными данными и угрозу безопасности. Кроме того, данные технологии оказывают влияние на социальную структуру общества, его экономическое развитие, и доступ к новым технологиям становится индикатором социальной дифференциации в обществе.

Развитие ИИ всерьез трансформирует социальную ткань современного общества, формируя новые модели взаимодействия и структуры социальной организации. В отличие от традиционных технологических революций, внедрение ИИ предполагает не просто улучшение инструментов и процессов, а коренное переосмысление роли человека как субъекта и объекта социальной жизни.

Так, например, одним из ключевых изменений становится перераспределение труда и статуса в обществе. Автоматизация интеллектуальных функций приводит к уменьшению значимости ряда профессиональных сфер, одновременно открывая возможности для появления новых форм занятости и социальной самоидентификации. Однако этот процесс сопровождается растущей социальной дифференциацией: доступ к передовым ИИ-технологиям становится маркером экономического и культурного капитала, что угрожает усугублению неравенства. В результате формируются новые социокультурные элиты, основанные не на наследственных или экономических факторах, а на способности интегрировать и использовать интеллектуальные технологии.

Кроме того, развитие постчеловечества, связанное с глубокой интеграцией ИИ в человеческую природу, ставит перед обществом риск утраты основополагающих ценностных установок. Одним из главных рисков является обезличивание индивида в результате эксплуатации алгоритмических решений, где предпочтение отдается рациональности, эффективности и оптимизации в ущерб ценностной и моральной составляющей жизни. Подобное смещение баланса может вызвать дегуманизацию социальных отношений, снижение ответственности и размывание индивидуального самосознания. Риск подмены человеческого мышления и воли искусственными системами создаёт проблему зависимости, когда люди теряют способность критического мышления и автономного выбора.

Преодоление этих рисков требует комплексного подхода, который включает развитие этики в технологии, воспитание критического сознания и укрепление культурных институтов, сохраняющих гуманистические ценности. Важным направлением становится интеграция гуманитарного знания в процессы разработки и применения ИИ, чтобы обеспечить приоритет моральных ориентиров и гуманитарных норм над техническими показателями.

Этические проблемы использования технологий ИИ являются предметом необходимого обсуждения в наше время, предпринимаются попытки формирования основополагающих этических принципов. Так, например, ЮНЕСКО разработала «Рекомендацию по этическим аспектам искусственного интеллекта», которая была принята в ноябре 2021 года 193 государствами, Рекомендация представляет собой первый глобальный нормативный документ в данной области. Она провозглашает защиту прав и достоинства человека, утверждает основополагающие принципы прозрачности и справедливости, а также указывает на важность контроля человека над системами ИИ.

Кроме того, необходимо создать законодательные и нормативные рамки, регулирующие взаимодействие человека и ИИ, чтобы исключить злоупотребления и защитить права личности в новых условиях. Регулирование систем ИИ в правовом и техническом поле все еще находится в стадии обсуждения и разработки. В настоящее время большинство европейских стран приняли национальные стратегии развития ИИ, которые, в основе своей содержат общие подходы к регулированию и использованию ИИ.

В Российской Федерации принята национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Основные положения, которой заложены Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490, которым была утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». Здесь предусмотрено создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий ИИ.

Современный этап развития общества в стремлении к постчеловеческой перспективе, ознаменованный активным внедрением систем ИИ, цифровой среды, сопровождается дальнейшим увеличением дистанции между человеком и природой, что находит свое выражение в ключевых аспектах постчеловеческой социальности: преодоление традиционных границ между человеческим и технологическим; появление новых форм идентичности, выходящих за пределы традиционной человеческой самоидентификации; возникновение постчеловеческих форм существования, включающих в свою структуру не только человека, но и ИИ как самостоятельную сущность, что, в свою очередь, влечет за собой изменение социальной структуры общества; формирование новой морали и нравственности и культурных практик. Таким образом, с одной стороны, ИИ выступает мощным инструментом расширения человеческих возможностей, но с другой, этот видимый прогресс порождает ряд этических и социальных проблем в обществе, связанных с распределением благ, безопасности личных данных и изменением структуры занятости в обществе.

Философия играет ключевую роль в формировании постчеловеческих перспектив, поскольку именно она задает ориентиры для понимания изменений, связанных с развитием искусственного интеллекта и трансформацией человеческой природы. В эпоху, когда границы между биологическим

и технологическим размываются, философия становится инструментом рефлексии над сущностью человека, его идентичностью и этическими принципами, которые должны регулировать новые формы существования.

Социально-философские концепции постчеловечества помогают осмыслить проблемы, возникающие в связи с усилением интеллектуальных компонентов, влияющих на сознание и социальные отношения. Важно учитывать, что без глубокого философского анализа риск возникновения дезориентации в вопросах морали, свободы и ответственности существенно возрастает, в перспективе своего становления постчеловеческое будущее рискует остаться неосознанным и дезориентированным, что значительно повысит социальные и экзистенциальные риски данного этапа эволюции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет : КДУ, 2015. – 392 с. – Текст : непосредственный.
2. Бостром, Ник. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Ник Бостром ; перевод с английского С. Филина. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 490 с. – Текст : непосредственный.
3. Гуревич, П. С. Деантропологизация человека / П. С. Гуревич. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2009. – № 3. – С. 19–32.
4. Иванченко, М. А. Эволюция гуманизма и формирование постчеловеческой социальности : автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук / Иванченко Мария Антоновна. – Екатеринбург, 2023. – 18 с. – Текст : непосредственный.
5. Канаев, И. А. Искусственный интеллект: перспективы возникновения сознания / И. А. Канаев, Э. Д. Дряева. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2024. – № 11. – С. 38–49.
6. Кудашова И. В. Социально-философские аспекты идеи усовершенствования человека : автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук / Кудашова Ирина Владимировна – Красноярск, 2006. – 22 с. – Текст : непосредственный.
7. Kurzweil R. The age of spiritual machines. – London, 2000. – 676 p.
8. Lanier J. You are not a gadget. A manifesto. – New York, 2010. – 129 p.
9. Смирнов, С. А. Современная антропология. Аналитический обзор / С. А. Смирнов. – Текст : непосредственный // Человек. – 2003. – № 5. – С. 84–96.
10. Тяпин, И. Н. Постчеловек и постчеловечество / И. Н. Тяпин, В. М. Маслов. – Вологда : ВоГУ, 2024. – 155 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Bodrijyar ZH. *Simvolicheskij obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. M., Dobrosvet : KDU, 2015. 392 p. (In Russian).
2. Bostrom Nik *Iskusstvenny`j intellekt. E`tapy`. Ugrozy`. Strategii* [Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategies]. – M. : Mann, Ivanov i Ferber, 2016. 490 p. (In Russian).
3. Gurevich P. S. Human deanthropologization. *Voprosy filosofii = Questions of philosophy*, 2009, no 3, pp. 19–32. (In Russian).

4. Ivanchenko M. A. *Evolyuciya gumanizma i formirovanie postchelovecheskoj social'nosti* [The Evolution of Humanism and the Formation of Posthuman Sociality]. Ekaterenburg, 2023. 18 p. (In Russian).
5. Kanaev I. A., Dryaeva E. D. Artificial Intelligence: Prospects for the Emergence of Consciousness. *Voprosy filosofii = Questions of philosophy*, 2024, no. 11, pp. 38–49. (In Russian).
6. Kudashova I. V. *Social'no-filosofskie aspekty idei usovershenstvovaniya cheloveka* [Social and philosophical aspects of the idea of human improvement]. Krasnoyarsk, 2006. 22 p. (In Russian).
7. Kurzweil R. *The age of spiritual machines*. London, 2000. 676 p.
8. Lanier J. *You are not a gadget. A manifesto*. New York, 2010. 129 p.
9. Smirnov S. A. Modern Anthropology. Analytical Review. *Chelovek = Person*, 2003, no. 5, pp. 84–96. (In Russian).
10. Tyarin I. N., Maslov V. M. *Postchelovek i postchelovechestvo* [Posthuman and posthumanity]. Vologda, VoGU, 2024. 155 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Трифонова, Т. Л. Искусственный интеллект как новый этап отделения человека от природы : социально-философское осмысление постчеловеческих перспектив / Т. Л. Трифонова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 196–204.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Trifonova T. L. Artificial intelligence as a new stage of human separation from nature: a socio-philosophical understanding of posthuman prospects / T. L. Trifonova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2026, no. 1, pp. 196–204. (In Russian).

УДК 340.12:340.141:340.13

**СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО И ТРАДИЦИОННЫЕ
РЕГУЛЯТИВНЫЕ ПРАКТИКИ:
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА
НОРМАТИВНОГО ПЛЮРАЛИЗМА**

Э. В. Юркова

**MODERN LAW AND TRADITIONAL REGULATORY
PRACTICES: PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL
FOUNDATIONS FOR THE ANALYSIS
OF NORMATIVE PLURALISM**

E. V. Yurkova

Аннотация. В статье предлагается философский и методологический анализ нормативного плюрализма в контексте сосуществования современного государственного права и традиционных регуляторных практик. Исследование сосредоточено на традиционном праве как универсальной основе правовой нормативности, что позволяет выйти за рамки строго позитивистского понимания права и поставить под сомнение критерии легитимности нормативных порядков из множества источников. Показано, что в обществах, характеризующихся выраженным нормативным плюрализмом, особенно на Северном Кавказе, взаимодействие между позитивным правом, обычными нормами (адат), религиозными предписаниями и практиками медиации создает сложную правовую реальность, несводимую к юридическому монизму.

Статья прослеживает историческую эволюцию теории традиционного права от античности до современной юридической мысли и подчеркивает ее значимость для оценки традиционных норм в свете принципов справедливости, человеческого достоинства и восстановительной справедливости. Особое внимание уделяется историческим и социальным условиям возрождения обычных и посреднических практик в 1990-х годах, а также их трансформации в рамках постсоветского правового порядка. Исследование основано на доктринальном и сравнительном подходе, сочетаемом с философско-правовой экзегезой. В заключение, традиционное право рассматривается как трансверсальная теоретическая категория, способная служить концептуальной медиацией между универсальными принципами современного права и традиционными нормативными практиками в плюралистическом правовом пространстве.

Abstract. This article offers a philosophical and methodological analysis of normative pluralism in the context of the coexistence of modern state law and traditional regulatory practices. The study focuses on natural law as the universal basis of legal normativity, allowing it to move beyond a strictly positivist understanding of law and question the legitimacy criteria of normative orders from a variety of sources. It is shown that in societies characterized by pronounced normative pluralism, particularly in the North Caucasus, the interaction between positive law, customary norms (adat), religious prescriptions, and mediation practices creates a complex legal reality that is irreducible to legal monism. This article traces the historical evolution of natural law theory from antiquity to modern

legal thought and emphasizes its significance for assessing traditional norms in light of principles of justice, human dignity, and restorative justice. Particular attention is paid to the historical and social conditions of the revival of customary and mediation practices in the 1990s, as well as their transformation within the post-Soviet legal order. The study is based on a doctrinal and comparative approach, combined with philosophical and legal exegesis. Finally, natural law is considered as a transversal theoretical category capable of serving as a conceptual mediation between the universal principles of modern law and traditional normative practices in a pluralistic legal space.

Ключевые слова: традиционное право, философия права, нормативный плюрализм, правовая культура, адат, шариат, медиация, восстановительное правосудие, Северный Кавказ, легитимность права

Keywords: natural law, legal philosophy, normative pluralism, legal culture, adat, sharia, mediation, restorative justice, North Caucasus, legitimacy of law

Введение

Проблема традиционного права занимает структурирующее место в истории правовой и философской мысли как настойчивая попытка основывать правовую нормативность на моральном порядке, предшествующем и превосходящем институциональные конструкции государства. В классическом смысле, а также в современных формулировках, традиционное право основано на идее, что действительность права не может быть сведена к простому формальному производству, а должна оцениваться в свете принципов справедливости, равенства и человеческого достоинства, признанных как универсальные.

В контексте обществ, характеризующихся выраженным нормативным плюрализмом – например, на Северном Кавказе – эта перспектива приобретает особое значение. Взаимодействие современного государственного права, обычных норм, религиозных традиций и унаследованных социальных практик поднимает фундаментальные вопросы о философских основах нормативности и критериях легитимности права. Традиционное право, как трансверсальная теоретическая категория, предлагает аналитическую основу для размышлений об этом нормативном сосуществовании, выходящем за рамки редуктивного противопоставления между позитивным законом и «внеправными» практиками.

Методология исследования

Настоящее исследование является частью доктринального и философско-правового подхода, сочетающего нормативный анализ, теоретическую экзегезу и сравнение правовых систем. Этот метод позволяет исследовать концептуальные основы нормативного плюрализма из формальных правовых источников (конституционные тексты, законодательство, судебная практика), одновременно интегрируя традиционные нормы как законные объекты юридического отражения.

Особое внимание уделяется механизмам, с помощью которых негосударственные нормы – обычаи, общественные правила, религиозные предписания – формулируются с помощью позитивного права в обществах Северного Кавказа.

Анализ основан на специализированных вторичных источниках (доктринальные труды, академические журналы, работы по философии права и юридической антропологии), что позволяет выйти за рамки строго позитивистского подхода к юридическому феномену [1].

На методологическом уровне исследование использует как аналитический метод, направленный на выявление аксиологических предпосылок правовых норм, так и экспозиционный метод, направленный на реконструкцию внутренних логик различных нормативных традиций. Наконец, доктринальное сравнение позволяет выделить конкретные формы адаптации современного права к традиционным нормативам в культурно плюралистической среде.

Эволюция традиционного права свидетельствует о удивительной способности адаптироваться к историческим и социальным изменениям. В древней философии, особенно у Аристотеля, идея естественной справедливости относится к рациональному порядку, имманентному в социальном мире, независимо от человеческих условностей. Это представление было углублено романо-стоической традицией, которая предполагала существование универсального закона, связывающего правителей и управляемых [2].

В Средние века философско-правовая мысль вписала естественный закон в нормативную иерархию, выражающую вечный закон, естественный закон и человеческий закон, придавая человеческому разуму центральную роль в открытии справедливых норм. Философская современность, особенно у Джона Локка, осуществляет секуляризацию традиционного права, основываясь на субъективных правах и внутреннем достоинстве личности [3].

Двадцатый век ознаменовал возрождение традиционного права после политических и моральных катастроф тоталитарных режимов, когда недостаточность юридического позитивизма проявилась с трагической остротой. Международные инструменты по защите прав человека отражают эту реабилитацию нормативности, основанной на универсальных ценностях.

Несмотря на преобладание позитивистских и реалистических подходов в современной правовой теории, традиционное право продолжает оказывать размытое, но решающее влияние на современные правовые системы. Это влияние проявляется, в частности, в толковании конституции, защите основных прав и признании неcodифицированных этических стандартов [4].

В обществах Северного Кавказа, где государственное право сосуществует с глубоко укоренившимися обычными нормами, традиционное право служит ключом к пониманию социальной легитимности определенных традиционных норм. Последние не черпают свой авторитет от государства, а из воспринимаемого соответствия общему моральному порядку, основанному на чести, солидарности общины и восстановительной справедливости [5].

Напряжение между современным централизованным правом и традиционными нормативными практиками поднимает серьезную теоретическую проблему: по каким критериям можно оценить валидность и легитимность

норм из множества источников? Позитивистская парадигма, основанная на государственном суверенитете, кажется недостаточной для объяснения нормативной сложности, наблюдаемой в таких регионах, как Северный Кавказ.

Текущие исследования оправданы необходимостью разработать концептуальную основу, которая позволит интегрировать традиционные нормативные акты в правовой анализ, не сводя их к архаичным остаткам. Традиционное право, как теория нормативности, основанная на практическом разуме и фундаментальных ценностях, является привилегированным методологическим инструментом для размышлений об этой интеграции [5, 6, 7, 8].

Исследование сосредоточено на доктринальном и философском анализе правовых и параюридических норм без эмпирических полевых исследований. Оно акцентирует внимание на областях конституционного права, основных прав и общей правовой теории, сознательно оставляя в сторону такие области, как коммерческое или экономическое право.

Научный подход

Традиционное право можно определить как набор нормативных принципов, основанных на объективном моральном порядке, доступных человеческому разуму и предшествующих любому позитивному законодательству. Он выдвигает, что юридическая справедливость не может быть отделена от моральной справедливости, и что правовые нормы должны оцениваться в свете универсальных ценностей [9].

Позитивное право – это набор норм, установленных компетентными органами в рамках данного правового порядка. В то же время традиционное право утверждает существование нормативных критериев действительности, независимых от воли законодателя. Это различие является центральным для анализа нормативного плюрализма, поскольку позволяет признать юридическую легитимность негосударственных норм.

От Аристотеля до Фомы Аквинского, от Локка до Иоанна Финниса и Лона Фуллера – теоретики традиционного права внесли вклад в формирование концепции права, основанного на практической рациональности, фундаментальных человеческих благ и внутренней морали правовых норм. Несмотря на различия, эти авторы разделяют убеждение, что право нельзя свести к технике приказа, а представляет собой моральную практику, ориентированную на общее благо [10].

Современная юриспруденция охватывает множество теоретических течений – позитивизм, реализм, критические теории – отражающих растущую сложность правовых систем [11]. В этом интеллектуальном пространстве традиционное право сохраняет важную критическую функцию, особенно когда речь идет об оценке норм в свете требований справедливости, человеческого достоинства и социальной сплоченности в культурно плюралистических контекстах.

Результаты исследования

Ускоренные трансформации современных обществ под совокупным воздействием глобализации, цифровой революции и глобальных экологических

кризисов глубоко перестроили традиционные рамки правового регулирования. Управление изменением климата, этическая основа искусственного интеллекта, биоэтические дилеммы и растущее напряжение между государственным суверенитетом и международными обязательствами по правам человека раскрывают пределы строго позитивистского понимания права.

В этом контексте традиционное право вновь приобретает критическую и руководящую функцию, напоминая, что юридические ответы на эти вызовы не могут быть чисто техническими или процедурными. Они должны быть основаны на фундаментальных принципах справедливости, равенства и человеческого достоинства, признанных предшествующими и превосходящими условные нормативные механизмы. Таким образом, традиционное право противостоит юридическому инструментализму, который сводит право к простому инструменту социального управления, подтверждая его моральную и телеологическую цель.

Эта перспектива особенно важна в областях, характеризующихся структурным нормативным плюрализмом, таких как Северный Кавказ. Сосуществование государственного права, обычных норм (адаты), религиозных предписаний и общественных практик требует поиска общей аксиологической основы. Традиционное право, как теория универсальных принципов справедливости, предлагает концептуальную основу для гармонизации этих разнородных нормативных традиций, не отрицая их культурной специфики.

Аристотелевское мышление составляет одну из древнейших и наиболее структурируемых основ теории традиционного права. В основе его философии лежит понятие телеологии, согласно которой вся реальность – включая социальный и политический порядок – ориентирована на внутреннюю цель. Человек, как рациональное и политическое существо, естественно склоняется к добродетельной жизни, реализованной внутри сообщества.

Для Аристотеля право – это не произвольная конструкция, а нормативное выражение этого рационального порядка. Она проводит существенное различие между естественной справедливостью, которая действует во всех местах и в любое время, и традиционной правосудием, которая является результатом человеческих решений и может меняться в зависимости от контекста. Естественная справедливость основана на рациональности, общей для всех людей, что придает ей универсальный и относительно неизменный характер [8].

Эта концепция особенно плодотворна для анализа традиционных норм на Северном Кавказе, где определенные обычаевые нормы получают свою легитимность не из формализации государства, а из восприятия соответствия рациональному и общему моральному порядку.

Фома Аквинский совершил решающий синтез между аристотелевской философией и христианской теологией, придав традиционному праву систематическую и иерархическую структуру. В своей концепции естественный закон представляет собой участие человеческого разума в вечном законе,

то есть в рациональном порядке, установленном Богом для управления творением.

Естественный закон состоит из рациональных предписаний, заложенных в человеческой природе, доступных практическим разумом и направленных на благо. Фома Аквинский, таким образом, различает вечный закон, откровенный божественный закон, естественный закон и позитивный человеческий закон. Последний обладает законной властью только в той мере, в какой соответствует требованиям традиционного права.

Эта диссертация представляет значительный методологический интерес для изучения нормативного плюрализма: она позволяет оценивать позитивные нормы – государственные или обычные – в свете высших моральных критериев, независимо от их институционального источника.

С Джоном Локком теория традиционного права двинулась к концепции, основанной на субъективных правах и политической легитимности. Традиционное право гарантирует каждому индивиду неотъемлемые права – жизнь, свободу и имущество – которые существуют независимо от какой-либо политической организации [9].

Государство рождается из согласия отдельных лиц, объединенных общественным договором, направленным на защиту этих прав. Легитимность политической власти, таким образом, обусловлена уважением к традиционному праву. Когда правительство нарушает эти фундаментальные права, оно теряет свое моральное оправдание, прокладывая путь для сопротивления или преобразования политического порядка [11].

Такой подход проливает свет на современные противоречия между государственной властью и традиционными сообществами, особенно в регионах, где государственная власть воспринимается как нелегитимная, если она противоречит моральным нормам, укорененным в местной культуре.

Гуго Гроций отмечает решительный разрыв, утверждая, что принципы традиционного права сохранят свою действительность даже при отсутствии каких-либо богословских отсылок. По его мнению, естественный закон основан на человеческой рациональности и социальности, присущей человеку, что придает ему универсальный масштаб [9].

Эта секуляризация традиционного права позволила интегрировать его в современную правовую мысль и в появление международного права. Гроций считает, что государства, как и отдельные лица, связаны высшими принципами естественной справедливости, которые лежат в основе идеи правовой ответственности за пределами государственных границ.

В плюралистических и многоконфессиональных контекстах, таких как Северный Кавказ, такой рационалистический подход делает традиционное право особенно эффективным как общий нормативный язык.

Зверства, совершенные во время Второй мировой войны, выявили драматическую неполноценность юридического позитивизма, оторванного от любых моральных соображений. Нюрнбергские процессы стали историческим

поворотным моментом, подтверждающим, что подчинение формально действующим законам не может освобождать человека от ответственности за преступления против человеческого достоинства.

Эта судебная практика вновь активировала ссылку на традиционное право как основу правовой справедливости. Международные инструменты по правам человека, включая Всеобщую декларацию прав человека, отражают это признание универсальных моральных стандартов, независимых от национальных правовых систем.

Лон Фуллер предлагает оригинальное переосмысление традиционного права, подчеркивая процедурное измерение правовой нормативности. По его мнению, правовая система может претендовать на легитимность только при соблюдении определенных внутренних требований, таких как общее, публичность, ясность и согласованность норм [4].

Эта «внутренняя мораль права» не предписывает конкретное содержание, а устанавливает минимальные условия для того, чтобы право функционировало как нормативная система, достойная этого названия. Подход Фуллера особенно актуален для анализа гибридных систем, где состояние и обычные нормы сосуществуют, не всегда удовлетворяя одни и те же формальные критерии.

Джон Финнис обновляет теорию традиционного права, опираясь на практическую рациональность, а не на метафизические или богословские предпосылки. Он определяет набор фундаментальных человеческих благ – таких как жизнь, знания, общительность, игра или религия – которые составляют объективные цели человеческих действий [2].

С этой точки зрения традиционное право не диктует конкретные позитивные правила, а предоставляет рациональную основу для оценки правовых систем и нормативных практик. Эта концепция особенно подходит для плюралистических обществ, поскольку позволяет признать разнообразие нормативных форм при сохранении универсальных критериев моральной оценки.

Принципы традиционного права продолжают влиять на толкование конституции во многих современных правовых системах. Верховные суды часто обращаются к негласным ценностям – человеческому достоинству, справедливости, равенству – чтобы заполнить пробелы в позитивном праве [12].

В государствах, характеризующихся высоким уровнем нормативного разнообразия, такой подход позволяет примирить современное конституционное право с местными правовыми традициями, интегрируя обычные и религиозные нормы в общую аксиологическую структуру. Таким образом, традиционное право играет роль концептуального посредничества между универсальностью конституционных принципов и особенностью традиционных регуляторных практик.

Северный Кавказ исторически характеризуется существованием специфических моделей регулирования конфликтов, истоки которых восходят к нормам обычного права, обычно называемым *адат*. Эти нормы не были

устранены последующей исламизацией или введением мусульманского права (*шариата*), а сохранялись в сложных отношениях нормативного сосуществования. Хотя российские, а затем советские власти значительно ограничили сферу применения, традиционная идеология примирения – основанная на посредничестве, компенсации материальных или телесных повреждений и предотвращении эскалации конфликта – продолжала неформально существовать во всех горных обществах Северного Кавказа до 1990-х годов [13].

1990-е ознаменовались серьезным системным разрывом. Построение Российской Федерации как постсоветского государства сопровождалось формированием нового правового порядка, обновленной правовой идеологии и судебной практики, которые претерпели глубокую трансформацию. Эти общие изменения оказали особое влияние на правовую ситуацию на Северном Кавказе, где можно выделить как минимум три тенденции структурирования [14].

Во-первых, почти во всех республиках региона возникли социальные и политические движения, выступающие за явное возвращение к функционированию традиционного местного права, основанного на нормах адат. Их лидеры предлагали частично легализовать определенные обычные нормы, которые воспринимались как более приспособленные к местным социальным реалиям [15].

Во-вторых, исламское возрождение 1990-х годов заставило некоторых религиозных лидеров продвигать введение шариатских норм в социальное регулирование, в конкуренции с государственным законодательством или в дополнение к ним.

В-третьих, в условиях общего ослабления правового и институционального контроля в России в 1990-х годах регион пережил заметное ухудшение преступной ситуации. Архаичные юридические практики, такие как кровная месть, были возрождены, что привело к восстановлению сетей семей, вовлеченных в кровное родство. В то же время появление национальных движений, претендующих на территории, или создание новых государственных образований (например, Балкария) привело к росту межэтнических конфликтов [16].

Возрождение интереса к традиционному праву в 1990-х годах было в значительной степени инициировано национальными организациями гражданского общества. Ярким примером служит осетинская организация *Styr Nykhas*. Еще в 1993 году ее программа основывалась на идее возрождения народных традиций, включая формы «народной дипломатии», обычаи и практики горных народов в разрешении конфликтов.

По мнению лидеров движения, это возрождение должно происходить, с одной стороны, через восстановление семейных *никх* (собраний родственных групп), а с другой – через создание общественных комиссий по примирению, способных разрешать местные конфликты. В 1997 году *Стырь Ньюхас* создал первую региональную комиссию, направленную на преодоление

межэтнических конфликтов на Северном Кавказе. В 1998 году также были созданы Комиссия по продвижению национальных обычаев и культуры и Юридическая комиссия.

В конце 1999 и начале 2000 года на IV съезде народного народа Осетин был утвержден политический курс в пользу возрождения правовых обычаев с явным призывом «использовать все формы народной дипломатии для как можно скорейшего преодоления последствий грузино-осетинских и ингушо-осетинских конфликтов».

В этот период также сформировались региональные, местные и семейные ныки, сформировавшиеся как минимум на основе трех семей одной линии. Таким образом, *никихи* семьи Джигоев-Гиоевых объединили около 870 семей в Северной Осетии и осуществляли социальный контроль над внутренней преступностью клана. Похожие сооружения создавались и у Кубаловых, Басиевых, Канатовых, Цалаговых и других.

Похожие организации появились и в других республиках Северного Кавказа. Однако к началу 2000-х большинство из них прекратили свою деятельность. Несколько факторов объясняют этот спад: отсутствие институциональной поддержки со стороны республиканских властей, ограниченная эффективность традиционных механизмов медиации в некоторых конфликтах и инструментализация правовых традиций национальными движениями. С ослаблением этих движений в 2000-х годах интерес к адату также снизился.

В Кабардино-Балкарии 1990-е годы ознаменовались появлением мощных кабардинских и балкарских национальных движений, требующих большей политической автономии и даже создания двух отдельных республик. В этом контексте местные интеллектуалы и юристы разработали теорию правового плюрализма, основанную на возможности сочетания государственного права с элементами традиционного обычного права. Они считали, что определенные нормы, вытекающие из горного правового наследия, несправедливо маргинализированные в советский период, заслуживают восстановления и последующего включения в законодательство.

Эти дебаты стимулировали развитие научных исследований правовой культуры народов Северного Кавказа: монографий, докторских диссертаций и создания новой дисциплинарной области – юридической антропологии.

Однако представители государственного подхода – депутаты и госслужащие – защищали первенство российского федерального права, которое они считали единственным законным правовым порядком. Их основной аргумент основывался на идее, что долгий советский период глубоко изменил правовое сознание горного населения, что привело к доминированию российской правовой модели.

Похожая позиция сформировалась в Северной Осетии, где судебные, полицейские и административные органы разделяют единое видение современной правовой сферы. Они поддерживают приоритетное применение российского

законодательства, признавая при этом остаточное существование определенных обычных норм, особенно в сельской местности. Традиционное примирение терпимо рассматривается как социальный механизм, направленный на снижение страха мести, но оно не может заменить государственное уголовное правосудие. Институты омбудсмена Осетин никогда не были официально легализованы, хотя статья 109 Конституции Республики Северная Осетия-Алания (1994) признает осуществление местного самоуправления «с учетом исторических и других местных традиций» [17].

Обычное право народов Северного Кавказа – «закон адат горцев» – имеет многовековую историю. После того как регион вошел в состав Российской империи после Кавказской войны, императорская администрация была вынуждена смириться с этой нормативной системой. В XIX веке традиционный полилегалитизм (адат + шариат) превратился в дуализм, связывающий российское государственное право с местным законом адат-шариата. Создание Монтаньярского вербального трибунала иллюстрирует эту попытку институционального синтеза.

До начала XX века гражданские и наследственные споры в основном были предметом религиозного права, тогда как преступления против личности и имущества судились согласно адату. Сосуществование этих систем продолжалось до 1925 года, когда советское правительство официально запретило адат и шариат. Тем не менее, адатистские нормы оказались более устойчивыми, чем сами советские правовые институты.

В 1920-х годах советские власти пытались взять на себя функции посредничества, создав примирительные комиссии, первая из которых была создана в Ингушетии в 1920 году. Многие их решения продолжали основываться на нормах обычного права. Несмотря на активную борьбу с «внутренними преступлениями» с конца 1920-х годов, была установлена система двойного регулирования, при которой конфликты рассматривались одновременно советскими судами и традиционными посредниками [18].

В период с 1950-х по 1980-е годы советские власти начали признавать существование «полезных обычаев», таких как уважение к старшим и посредничество, стремясь использовать их в служении общественному порядку. Этот период укрепил полуправовую модель нормативного плюрализма, в частности через создание советов старейшин при сельских советах Северной Осетии, играющих консультативную роль в предотвращении конфликтов и обеспечении правопорядка [19].

Анализ формирования современной идеологии и практики медиации на Северном Кавказе показывает, что они являются результатом набора тесно связанных структурных факторов. Среди них можно выделить, прежде всего, социально-экономическую историю народов региона, которая неразрывно связана с эволюцией местного права – как обычного (*адат*), так и религиозного (*шариат*). К этому добавляется политика, проводимая последовательно российским, советским и постсоветским имперскими администрациями

в отношении местных нормативных систем. Наконец, социально-экономические и политико-социальные условия 1990-х годов, а также современные формы общественной организации и место обычного и исламского права в шкале коллективных ценностей оказали решающее влияние.

Обсуждение

В настоящее время суд медиации как формализованный правовой институт не существует. Однако определенный тип традиционного юридического сознания сохраняется в северокавказских обществах, и принцип примирения лежит в основе горной социальной жизни. Этот принцип способствует формированию относительно мирного социального климата и общественного мнения, ориентированного на сохранение мирных отношений. Медиаторы воспринимаются как социальные акторы в современном понимании этого слова, играющие роль легитимных посредников в разрешении конфликтов.

Представления о коллективной ответственности – особенно клановых и семейных – остаются глубоко укоренившимися. То же самое касается коллективного права представлять интересы пострадавших родственников. В период с 1990 по 2010 годы медиаторы, теперь чаще называемые «посредниками», продолжали занимать центральное место в практике обычного права народов Северного Кавказа. Как и раньше, их вмешательство возможно только по просьбе пострадавшей или ее близких родственников. Роль обвиняемого могут выполнять как предполагаемый преступник, так и члены его семьи. Критерии выбора медиаторов – возраст, моральный авторитет, социальная репутация – остаются в значительной степени неизменными.

Во многих случаях местные судебные и административные органы не возражают против выбора жителями нормативной системы, которую они хотят использовать для урегулирования спора. В результате определенные уголовные преступления не рассматриваются в российские суды, особенно когда речь идет о телесных повреждениях, которые воспринимаются как требующие репаративного «удовлетворения», а не карательного наказания [20].

Дела о телесных повреждениях до сих пор часто решаются согласно адату. Применяемые стандарты включают организацию примирительного обеда, обмен подарками, выплату финансовой компенсации, а также, в некоторых случаях, временное или постоянное удаление семьи преступника.

Когда первоначальный конфликт привел к травмам, медиаторы сопровождают виновного перед семьей жертвы, чтобы извиниться, навестить пострадавшего и предложить подарки. После исцеления жертва организует ритуальный вечер (*т'эл'е'у*, кабард), на который преступник приносит трапезу. Если ущерб считается значительным, предлагается финансовая компенсация, включая, например, оплату медицинской помощи [21].

В случае непредумышленного убийства или непреднамеренно серьезных травм – часто связанных с дорожно-транспортными происшествиями – виновный почти систематически обращается за помощью к медиаторам

для ведения переговоров с семьей жертвы. Однако принятие такого подхода остается на усмотрение последних. Следует отметить, что в юридическом сознании гор граница между преднамеренной и непреднамеренной виной часто остается размытой [22]. Таким образом, примерно в восьми из десяти случаев смертельных ДТП семьи жертв отказываются от любых формальных судебных разбирательств или отзывают жалобу в российских судах.

Традиционная процедура примирения (*фидид*) частично сохранилась в современном осетинском обществе. Когда старейшины семьи преступника решают приступить к процессу примирения, они начинают с отправки посланника с просьбой разрешения прийти в дом пострадавшей. Если достигается соглашение, делегация, иногда состоящая из нескольких десятков человек – включая посредников (*фидауг*), религиозных представителей и старейшин – навещает семью жертвы.

Некоторые древние практики, такие как поклонение, исчезли, но ритуал остается сильно кодифицированным. Если пострадавшая семья соглашается на примирение, решается вопрос компенсации, размер которого часто определяется потерпевшей стороной. Примирение иногда предоставляется без явной финансовой компенсации, при этом семья заявляет, что «не продает кровь». Во всех случаях семья виновного оплачивает расходы на похороны и участвует в траурных обрядах. В некоторых случаях семья ответственного лица отмечает символический траур в течение сорока дней или даже года [23].

Когда примирение не удается, семья виновного может добровольно покинуть местность. Ранее принудительная мера изгнания, таким образом, превратилась в форму добровольного перемещения, иногда подтверждаемую деревенским собранием. Подобные решения остаются редкими и в основном касаются лиц, которых считают опасными для общественного порядка.

Общая ориентация на горную правовую осведомленность отдает предпочтение медиации как основному способу регулирования конфликтов. Отказ от использования медиаторов считается социально осужденным и может привести к изоляции нарушителя, в конечном итоге побуждая его принять процедуру примирения.

Ингушетия представляет единый случай частичной институционализации принципа медиации. С 1990-х годов реформа государственных судебных институтов сопровождалась явными попытками интегрировать адатистские и исламские нормы в регулирование конфликтов, особенно связанных с кровной враждой [24].

Борьба с кровавой мстью была постоянной заботой ингушского общества уже более двух столетий. Комиссии по примирению, присутствовавшие во всех районах республики, играли центральную роль в этой борьбе. При президентстве Р.С. Аушева были приняты несколько нормативных актов для предотвращения преступлений, связанных с кровной враждой, включая «Положения о комиссиях по примирению по делам о кровной мести» (1995).

В 2006 году более 180 семей все еще находились в ситуации кровопролитного конфликта, в котором участвовали 86 тейпов [25, 26, 28].

Мечети стали центральными местами примирения, где после молитвы бывшие враги публично прощают друг друга. Эту деятельность поддерживал президент Юнус-Бек Евкуров, который лично участвовал в нескольких процессах посредничества. Местные имамы играют решающую роль, сочетая религиозную власть и социальную легитимность [29].

Примирительные комиссии, состоящие из лидеров общины, старейшин и религиозных деятелей, рассматривают дела от личных травм до самых серьезных конфликтов между семьями. Их юрисдикция основана на добровольном согласии сторон. Мотивы для достижения мира включают уважение к старшим и, прежде всего, упоминание Бога: «примирение ради Аллаха» – самый сильный аргумент [30, 31, 32, 33].

Если примирение не удается, семья виновника может быть вынуждена покинуть регион. Набор неформальных правил, называемых «кровавыми правилами», серьезно ограничивает социальную жизнь участников. Однако обычное право строго запрещает месть беззащитному, безоружному или спящему человеку и осуждает предательские убийства.

Заключение

Анализ показывает, что правовую культуру народов Северного Кавказа нельзя назвать анахронической. Адатистские нормы продолжают эффективно действовать в сферах, где они не противоречат напрямую законодательству. Горное правовое наследие, ориентированное на примирение и возмещение, представляет собой значительный культурный и нормативный ресурс, принадлежащий не только прошлому, но и настоящему и, возможно, будущему региона.

С точки зрения современной правовой антропологии эта ситуация соответствует модели юридического плюрализма, характеризующейся сосуществованием нескольких нормативных порядков в одном социальном пространстве. Примененный к Северному Кавказу, этот плюрализм принимает особую форму, в которой баланс между государственным правом и традиционными практиками во многом определяет формирование гражданского общества.

Основная задача, таким образом, заключается в способности вдумчиво сформулировать традиционную правовую культуру и современные правовые институты, чтобы обеспечить социальную стабильность при соблюдении фундаментальных принципов верховенства права.

Опыт Северного Кавказа показывает, что традиционные регуляторные практики не исчезают под давлением государственного права, а трансформируются, адаптируются и возрождаются в периоды институционального кризиса. Возрождение процедур примирения в 1990-х годах было не простым возвращением в прошлое, а выражением структурного нормативного плюрализма, раскрывающего пределы юридического монизма.

С философско-правовой точки зрения эта динамика приглашает нас переосмыслить право не как замкнутую систему формальных норм, а как пространство для переговоров между различными нормативными порядками. Случай Северного Кавказа показывает, что правовая стабильность в мультикультурных обществах зависит меньше от устранения традиций, а от их продуманного интегрирования в общую правовую базу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hart H. L. A. *The Concept of Law*. – 3rd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – 328 p.
2. Finnis J. *Natural Law and Natural Rights*. – 2nd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – 494 p.
3. Locke J. *Two Treatises of Government*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – 475 p.
4. Fuller L. L. *Positivism and Fidelity to Law – A Reply to Professor Hart*. *Harvard Law Review*, 1958, vol. 71. – Pp. 630–672.
5. Hart H. L. A. *Positivism and the Separation of Law and Morals*. *Harvard Law Review*, 1958, vol. 71. Pp. 593–629.
6. Aquinas T. *Summa Theologica*. – New York : Benziger Bros, 1911, vol. I–V.
7. Nnamdi U. *Natural Law and the Nigerian Legal System : A Critical Appraisal*. *Nigerian Law Review*, 2019, vol. 15. Pp. 142–168.
8. Aristotle. *Nicomachean Ethics*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 232 p.
9. Grotius H. *The Rights of War and Peace*. – Indianapolis : Liberty Fund, 2005. – 1904 p.
10. *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal*. – Nuremberg, 1945–1946.
11. *Universal Declaration of Human Rights: adopted 10 December 1948 by UN General Assembly Resolution 217 A (III)*.
12. Adegbite T. *Natural Law and Constitutionalism in Africa*. *African Journal of Legal Studies*, 2021, vol. 7. – Pp. 215–236.
13. Стыр Ныхас / учредитель Международное общественное движение «Высший Совет Осетин». – 1996, 26 января – Владикавказ – Текст : непосредственный. 1997, № 9 (25), 11 (27); 1998, № 5 (43); 2000, № 3 (81).
14. Северная Осетия : республиканская ежедневная газета / учредитель правительство РСО-Алания. – 1917– Владикавказ – Текст : непосредственный. 1997, № 45; 1998, № 185.
15. Газета «Жизнь правобережная». – Текст : непосредственный. 1997, № 127; 1998, № 5 (43), 17, 18, 19 (57); 2000, № 3 (81).
16. *Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии*. – М., 1993. – Т. 1–2. – Текст : непосредственный.
17. Pospisil L. *The Anthropology of Law: A Comparative Theory of Law*. – New York : Harper & Row, 1976. – 315 p.
18. Сатушиева, Л. Х. *Механизм реализации адата на Северо-Западном и Центральном Кавказе: историко-правовой анализ (XV – начало XX в.) / Л. Х. Сташиева*. – М., 2012. – 312 с. – Текст : непосредственный.

19. Конституция Республики Северная Осетия – Алания (принята 12 ноября 1994 г.). – URL: <http://docs.cntd.ru/document/304200016> (дата обращения: 01.12.2025).
20. Плиев, А. А. Некоторые правовые традиции чеченцев и ингушей. 1880–1970 гг. / А. А. Плиев. – М. : ИЭА РАН, 2016. – 284 с. – Текст : непосредственный.
21. Северный Кавказ в составе Российской империи. – М. : Наука, 2007. – 412 с. – Текст : непосредственный.
22. Бабич, И. Л. Эволюция обычного права адыгов в советское и постсоветское время на Северо-Западном Кавказе / И. Л. Бабич. – Текст : непосредственный // Этнографическое обозрение. – 1997. – № 3. – С. 95–108.
23. Бабич, И. Л. Правовая культура адыгов / И. Л. Бабич. – М. : Наука, 1999. – 256 с. – Текст : непосредственный.
24. Гостиева, Л. К. Полевые этнографические материалы / Л. К. Гостиева. – Северная Осетия, 2006–2008 гг. – Текст : непосредственный.
25. Албогачиева, М. С. Полевые материалы / М. С. Албогачиева – Ингушетия, 2009–2014 гг. – Текст : непосредственный.
26. Албогачиева, М. С.. Правовая культура ингушей / М. С. Албогачиева, И. Л. Бабич // История государства и права. – 2009. – № 19. – С. 33–39 – Текст : непосредственный.
27. Албогачиева, М. С. Правовая культура ингушей / М. С. Албогачиева, И. Л. Бабич // История государства и права. – 2009. – № 20. – С. 34–38. – Текст : непосредственный.
28. Moore S. F. Social Facts and Fabrications: Customary Law on Kilimanjaro, 1880–1980. – Cambridge : Cambridge University Press, 1986. – 416 p.
29. Едреев Т. Ш. М. Правовой плюрализм чеченцев: отдельные примеры / Т. Ш. М. Едреев // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов : сборник материалов XX Международной научно-практической конференции – Ч. 1. – СПб. : Печатный цех, 2023. – С. 196–199.
30. Момотов, В. В. К вопросу о преобразовании обычного права в закон / В. В. Момотов // Человек и общество на Кавказе. Проблемы правового бытия: материалы Всероссийской научно-практической конференции – Ставрополь, 2002. – Текст : непосредственный.
31. Сатушиева, Л. Х. Механизм реализации адата на Северо-Западном и Центральном Кавказе (XV – начало XX вв.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Любовь Хабасовна Сатушиева. – Н. Новгород, 2003. – 27 с. – Текст : непосредственный. EDN: ZNOTIP.
32. Харсиев, Б. М.-Г. Ингушские адаты как феномен правовой культуры : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Борис Магомет-гиреевич Харсиев – Ростов н/Д, 2023. – 24 с. – Текст : непосредственный. EDN: NHKHHZ.
33. Ярлыкапов, А. Адат, шариат и российское право на современном Северном Кавказе : итоги и перспективы / А. Ярлыкапов. – Текст : непосредственный // Россия и мусульманский мир. – 2022. – № 1 (271). – С. 60–68. EDN: TUGZBX.

REFERENCES

1. Hart H. L. A. *The Concept of Law*. Oxford, Oxford University Press, 2012. 328 p.
2. Finnis J. *Natural Law and Natural Rights*. Oxford, Oxford University Press, 2011. 494 p.

3. Locke J. *Two Treatises of Government*. Edited by P. Laslett. Cambridge, Cambridge University Press, 1988. 475 p.
4. Fuller L. L. *Positivism and fidelity to law – A reply to Professor Hart*. Harvard Law Review, 1958, vol. 71, pp. 630–672.
5. Hart H. L. A. *Positivism and the separation of law and morals*. Harvard Law Review, 1958, vol. 71, pp. 593–629.
6. Aquinas T. *Summa Theologica*. New York, Benziger Bros, 1911, vol. I–V.
7. Nnamdi U. *Natural law and the Nigerian legal system: a critical appraisal*. Nigerian Law Review, 2019, vol. 15, pp. 142–168.
8. Aristotle. *Nicomachean Ethics*. Edited by R. Crisp. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. 232 p.
9. Grotius H. *The Rights of War and Peace*. Edited by R. Tuck. Indianapolis, Liberty Fund, 2005. 1904 p.
10. *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 1945–1946*.
11. *Universal Declaration of Human Rights*. Adopted 10 December 1948 by UN General Assembly Resolution 217 A (III).
12. Adegbite T. *Natural law and constitutionalism in Africa*. African Journal of Legal Studies, 2021, vol. 7, pp. 215–236.
13. *Gazeta Styr Nykhas*. 1997, no. 9 (25), 11 (27); 1998, no. 5 (43); 2000, no. 3 (81). (In Russian)
14. *Gazeta Severnaya Osetiya*. 1997, no. 45; 1998, no. 185. (In Russian)
15. *Gazeta Zhizn pravoberezhnaya*. 1997, no. 127; 1998, no. 5 (43), 17, 18, 19 (57); 2000, no. 3 (81). (In Russian)
16. *Etnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii*. [The Ethnopolitical Situation in Kabardino-Balkaria] Moscow, 1993. Vol. 1–2. (In Russian)
17. Pospisil L. *The Anthropology of Law: A Comparative Theory of Law*. New York, Harper & Row, 1976. 315 p.
18. Satushieva L. Kh. *Mekhanizm realizatsii adata na Severo-Zapadnom i Tsentralnom Kavkaze: istoriko-pravovoi analiz (XV – nachalo XX v.)* [The Mechanism of Adat Implementation in the North-Western and Central Caucasus: Historical and Legal Analysis (15th – Early 20th Centuries)]. Moscow, 2012. 312 p. (In Russian)
19. Constitution of the Republic of North Ossetia–Alania (adopted 12 November 1994). URL: <http://docs.cntd.ru/document/304200016> (In Russian)
20. Pliev A. A. *Nekotorye pravovye traditsii chechentsev i ingushei. 1880–1970 gg.* [Some legal traditions of the Chechens and Ingush. 1880–1970.]. M/, IEA RAS, 2016. 284 p. (In Russian)
21. *Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii* [The North Caucasus as part of the Russian Empire]. M., Nauka, 2007. 412 p. (In Russian)
22. Babich I. L. Evolution of customary law of the Adygs in the Soviet and post-Soviet period in the North-West Caucasus. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic review*, 1997, no. 3, pp. 95–108. (In Russian)
23. Babich I. L. *Pravovaya kultura adygov* [Legal culture of the Adygs]. M., Nauka, 1999. 256 p. (In Russian)
24. Gostieva L. K. *Polevye etnograficheskie materialy* [Field ethnographic materials]. North Ossetia, 2006–2008. (In Russian).

25. Albogachieva M. S. *Polevye materialy* [Field materials]. Ingushetia, 2009–2014. (In Russian).
26. Albogachieva M. S. Legal Culture of the Ingush / M. S. Albogachieva, I. L. Babich. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the State and Law*, 2009, no. 19, pp. 33–39. (In Russian).
27. Albogachieva M. S. Legal Culture of the Ingush / M. S. Albogachieva, I. L. Babich. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the State and Law*, 2009, no. 20, pp. 34–38. (In Russian).
28. Moore S. F. *Social Facts and Fabrications: Customary Law on Kilimanjaro, 1880–1980*. Cambridge, Cambridge University Press, 1986. 416 p.
29. Edreev T. Sh. M. Legal pluralism of Chechens: selected examples. *Aktual'nye problemy obshchestva, ekonomiki i prava v kontekste global'nyh vyzovov : sbornik materialov XX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Current problems of society, economics and law in the context of global challenges. Proceedings of the XX International Scientific and Practical Conference*. Part 1. St. Petersburg, Printing Shop, 2023, pp. 196–199. (In Russian). EDN : PNVVBC.
30. Momotov V. V. On the issue of transforming customary law into law. *Chelovek i obshchestvo na Kavkaze. Problemy pravovogo bytiya: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Man and Society in the Caucasus. Problems of legal existence. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Stavropol, 2002. (In Russian).
31. Satushieva L. Kh. *Mechanism for the implementation of adat in the North-Western and Central Caucasus (XV – early XX centuries)* [The mechanism of implementing adat in the North-Western and Central Caucasus (15th – early 20th centuries)]. Nizhny Novgorod, 2023. 27 p. (In Russian) EDN : ZNOTIP.
32. Kharsiev B. M.-G. *Ingushskie adaty kak fenomen pravovoj kul'tury* [Ingush adats as a phenomenon of legal culture]. Rostov-on-Don, 2003, 24 p. (In Russian) EDN: NHKHHZ.
33. Yarlykapov A. Adat, Sharia and Russian law in the modern North Caucasus: results and prospects. *Russia and the Muslim world = Russia and the Muslim World*, 2022, no. 1 (271), pp. 60–68. (In Russian). EDN : TUGZBX.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Юркова, Э. В. Современное право и традиционные регулятивные практики: философско-методологические основания анализа нормативного плюрализма / Э. В. Юркова – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 205–221.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Yurkova E. V. modern law and traditional regulatory practices: philosophical and methodological Foundations for the analysis of normative pluralism / E. V. Yurkova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2026, no. 1, pp. 205–221. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Абдулаева Оксана Абдукаримовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры начального, основного и среднего общего образования Государственного бюджетного учреждения дополнительного профессионального образования Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования имени К.Д. Ушинского (г. Санкт-Петербург); e-mail: abduloks@yandex.ru.

Abdulaeva Oksana Abdukarimovna – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of Primary, Basic and Secondary General Education of the State Budgetary Institution of Continuing Professional Education, the St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education named after K.D. Ushinsky (St. Petersburg); e-mail: abduloks@yandex.ru.

Алёшин Юрий Денисович – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск); e-mail: aleshin.japan@mail.ru

Aleshin Yuri Denisovich – Postgraduate Student of the Department of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Pyatigorsk State University (Pyatigorsk); e-mail: aleshin.japan@mail.ru.

Баграмянц Нонна Левенбертовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для приборостроительных специальностей Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (г. Москва); e-mail: bnl@bmstu.ru.

Bagramyants Nonna Levenbertovna – Candidate of Philological Sciences, associate professor, and associate professor of the Department of English for Instrument-Making Specialties, Bauman Moscow State Technical University, (Moscow); e-mail: bnl@bmstu.ru

Бакланова Ольга Александровна – доцент кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ, факультета социальных наук и массовых коммуникации; доцент кафедры социально-гуманитарных наук и технологий НИУ Московский государственный строительный университет (г. Москва); e-mail: mikeewa@yandex.ru.

Baklanova Olga Aleksandrovna – Associate Professor of the Department of Humanities at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Department of Humanities; Associate Professor of the Department of Social Sciences, Humanities and Technologies, National Research University Moscow State University of Civil Engineering (Moscow); e-mail: mikeewa@yandex.ru.

Бердникова Анастасия Александровна – учитель физики и информатики (г. Армавир); e-mail: alisantmia@mail.ru.

Berdnikova Anastasia Aleksandrovna – Physics and Computer Science Teacher (Armavir); e-mail: alisantmia@mail.ru.

Бурлова Юлия Александровна – кандидат юридических наук, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Ставропольского филиала федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Ставрополь); e-mail: yulia.burlova@yandex.ru.

Burlova Yulia Aleksandrovna – Candidate of Legal Sciences, professor at the Department of State and Civil Law Disciplines of the Stavropol branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» (Stavropol); e-mail: yulia.burlova@yandex.ru.

Бутенко Анна Константиновна – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России (г. Барнаул); e-mail: skepkina@mail.ru

Butenko Anna Konstantinovna – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul); e-mail: skepkina@mail.ru

Ветров Юрий Павлович – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: yurvetrov@yandex.ru.

Vetrov Yury Pavlovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of National and Universal History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: yurvetrov@yandex.ru.

Дагданча Ирина Гаврильевна – преподаватель иностранного языка ГАПОУ РС (Я) «Якутский медицинский колледж им. В.А. Вонгородского; аспирант Педагогического института ФГАОУ ВО «Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова» (г. Якутск); e-mail: dagdancha@bk.ru

Dagdancha Irina Gavrilevna – Teacher of a foreign language at the Yakut Medical College named after V.A. Vongrodsky; Postgraduate student at the Pedagogical Institute of the Northeastern Federal State Educational Institution of Higher Education named after M.K. Ammosov (Yakutsk); e-mail: dagdancha@bk.ru

Ивлев Владимир Александрович – аспирант кафедры основы российской государственности ФГБОУ ВО «Армавирского государственного педагогического университета» (г. Армавир); e-mail: vova.iv.11@mail.ru.

Ivlev Vladimir Aleksandrovich – Postgraduate Student of the Department of the Foundations of Russian Statehood, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: vova.iv.11@mail.ru.

Ильях Максим Павлович – заместитель начальника 21 кафедры Краснодарское высшее военное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова (г. Армавир); e-mail: iluh.max@mail.ru.

Ilyukh Maxim Pavlovich – Deputy Head of the 21st Department at the Krasnodar Higher Military School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov (Armavir); e-mail: iluh.max@mail.ru.

Камышанов Антон Александрович – соискатель кафедры истории и международных отношений Волгоградского государственного университета (г. Волгоград); e-mail: kamyshanov.tosha@mail.ru.

Kamyshanov Anton Aleksandrovich – candidate of the Department of History and International Relations, Volgograd State University (Volgograd); e-mail: kamyshanov.tosha@mail.ru.

Коваленко Николай Сергеевич – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: kolya.kovalenko.99@list.ru.

Kovalenko Nikolay Sergeevich – Postgraduate Student of the Department of Russian and World History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: kolya.kovalenko.99@list.ru.

Коноплев Виктор Витальевич – ассистент департамента психологии и образования ШИГН Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток); e-mail: kon_victor10@mail.ru.

Konoplev Viktor Vitalyevich – Assistant Professor at the Department of Psychology and Education, School of Humanities and Arts, Far Eastern Federal University (Vladivostok); e-mail: kon_victor10@mail.ru.

Маркарян Константин Валерьевич – студент 2 курса Института подготовки кадров высшей квалификации, направления подготовки «Отечественная история», Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск); e-mail: markaryan.constantin@yandex.ru.

Markaryan Konstantin Valeryevich – second-year student of the Training of Highly Qualified Personnel, Department of Russian History, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk); e-mail: markaryan.constantin@yandex.ru.

Матвеев Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI вв. Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону); e-mail: vm-k2013@yandex.ru

Matveev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History of the XX–XXI Centuries, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); e-mail: vm-k2013@yandex.ru

Никулин Даниил Георгиевич – аспирант Армавирского государственного педагогического университета, (г. Армавир); e-mail: nikulin.dg@mail.ru

Nikulin Daniil Georgievich – Postgraduate student at Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: nikulin.dg@mail.ru

Подлубный Юрий Александрович – аспирант Армавирского государственного педагогического университета, (г. Армавир); e-mail: podluba21@yandex.ru.

Podlubny Yury Aleksandrovich – Postgraduate Student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: podluba21@yandex.ru

Попова Елена Вячеславовна – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирского государственного педагогического университета», директор МБОУ гимназии «Эврика» им. В.А. Сухомлинского (г. Анапа); e-mail: popowa_elena@mail.ru

Popova Elena Vyacheslavovna – Postgraduate Student, Armavir State Pedagogical University; Director of the "Eureka" Gymnasium named after V.A. Sukhomlinsky (Anapa); e-mail: popowa_elena@mail.ru

Похилько Александр Дмитриевич – профессор 21 кафедры, Краснодарское высшее военное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова (г. Армавир); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru.

Pokhilko Alexander Dmitrievich – Professor of Department 21, Krasnodar Higher Military Pilot School named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov, (Armavir); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru.

Приймак Юрий Владимирович – профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: priymak1975@mail.ru.

Priymak Yury Vladimirovich – Professor of the Department of National and General History, Dean of the Faculty of History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: priymak1975@mail.ru.

Прохина Надежда Юрьевна – старший преподаватель кафедры педагогики ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» (г. Волгоград); e-mail: nadezhda.prohina@yandex.ru.

Prokhina Nadezhda Yurievna – Senior Lecturer at the Department of Pedagogy, Volgograd State Social and Pedagogical University (Volgograd); e-mail: nadezhda.prohina@yandex.ru

Сирик Сергей Николаевич – начальник 21 кафедры, Краснодарское высшее военное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова (г. Армавир); e-mail: marina-sirik@mail.ru.

Sirik Sergey Nikolaevich – Head of Department 21, Krasnodar Higher Military Pilot School named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov, (Armavir); e-mail: marina-sirik@mail.ru.

Тамашина Ярославна Николаевна – аспирант кафедры начального, основного и среднего общего образования ГБУ ДПО «Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования имени К.Д. Ушинского»; учитель истории и обществознания ГБОУ школа № 464 Пушкинского района Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург); e-mail: geraslavna@yandex.ru

Tamashina Yaroslavna Nikolaevna – Postgraduate Student of the Department of Primary, Basic and Secondary General Education, St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education Named After K.D. Ushinsky; Teacher of History and Social Studies, Secondary School No. 464, Pushkin district of St. Petersburg (Saint Petersburg); e-mail: geraslavna@yandex.ru

Трифонова Татьяна Леонидовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Академии ФСИН России (г. Рязань); e-mail: katt17@yandex.ru

Trifonova Tatyana Leonidovna – Candidate of Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy and History at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan); e-mail: katt17@yandex.ru

Тупичкина Елена Александровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: tupelena@yandex.ru

Tupichkina Elena Aleksandrovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Preschool and Primary Education, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: tupelena@yandex.ru

Хилькевич Виктория Владимировна – соискатель Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва); e-mail: khilkevich-viktorija@yandex.ru

Khilkevich Victoria Vladimirovna – Candidate of the Russian State University for the Humanities (Moscow); e-mail: khilkevich-viktorija@yandex.ru

Шишкин Евгений Маленович – педагог дополнительного образования Центра детского (юношеского) научно-технического творчества (г. Армавир); e-mail: malenich62@mail.ru.

Shishkin Evgeny Malenovich –Teacher of additional education at the Center for Children's (Youthful) Scientific and Technical Creativity (Armavir); e-mail: malenich62@mail.ru.

Юркова Элла Владимировна – аспирант Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь); e-mail: ella.abushinova@mail.ru

Yurkova Ella Vladimirovna – Postgraduate student at the North Caucasus Federal University (Stavropol); e-mail: ella.abushinova@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
для авторов журнала
«ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

С 22.10.2021 года журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Периодичность: выходит 4 раза в год. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=69302).

Электронная версия журнала рассылается в течение **15 рабочих дней** после даты выхода журнала.

п/п	Срок приема статей	Дата выхода журнала
№ 1	до 15 февраля	31 марта
№ 2	до 15 мая	30 июня
№ 3	до 15 августа	30 сентября
№ 4	до 15 ноября	29 декабря

Основные рубрики журнала:

Научные специальности*	Отрасли науки, по которым присуждаются ученые степени*
5.6.1. Отечественная история	Исторические науки
5.7.7. Социальная и политическая философия	Философские науки
5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования	Педагогические науки
5.8.7. Методология и технология профессионального образования	Педагогические науки

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на сайте: <https://vestnik.agpu.net/>

Этические принципы редакторов Журнала

Редактор обладает исключительным правом принять рукопись к публикации или отклонить ее. Рукопись может быть отклонена редактором на этапе, предшествующем рецензированию, если для этого имеется веская причина (тематика статьи не соответствует тематике журнала; статья ранее была опубликована в другом издании; в представленных материалах выявлено принципиальное противоречие этическим принципам, которых придерживается Журнал). Редактор принимает статью к публикации в соответствии со своей убежденностью в ее соответствии требованиям журнала.

При наличии конфликта интересов редактора с автором статьи, статья должна быть передана другому редактору.

Все поступающие рукописи, не отклоненные по вышеизложенным причинам на первом этапе рассмотрения, редактор передает на рецензирование, подбирая рецензентов из числа наиболее компетентных специалистов по тематике статьи.

Редакторы должны сохранять в тайне имена рецензентов и не сообщать рецензентам имена авторов.

Редакторы должны гарантировать высокое качество публикуемых в журнале материалов и их содержательную целостность, а также публиковать исправления, пояснения, извинения в тех случаях, когда возникает такая необходимость.

Как опубликовать статью

Статьи принимаются ТОЛЬКО по электронной почте.

1. Для публикации материалов журнала необходимо в адрес редакции журнала vagpu@mail.ru направить:

- текст статьи (Приложение 1);
- отчет о проверке на антиплагиат;
- заявку на опубликование статьи и информацию об авторах

(Приложение 2). **В случае соавторства каждый автор заполняет заявку отдельно!**

Внимание! Расчет стоимости публикации и оплата производятся только после приема материалов редколлегией.

Расценки за услуги по публикации статей:

Публикация 1 страницы текста (при подсчете количество страниц округляется в большую сторону до целого числа) составляет **800 рублей.**

Правила оформления статьи

Объем до 16 страниц (шрифт Times New Roman Cyr, 14 кегль, через 1,5 интервала). Ширина всех полей – 20 мм. Выравнивание текста – по ширине. Расстановка переносов автоматическая. Файл обязательно предоставляется с расширением *.doc.

- 1) Шифр специальности в соответствии с номенклатурой ВАК.
- 2) УДК (Универсальная десятичная классификация). УДК оформляется в соответствии с информационно-справочной системой <http://www.naukapro.ru/metod.htm>.
- 3) Заглавие статьи на русском языке.
- 4) Фамилии и инициалы автора(ов) на русском языке.
- 5) Ключевые слова объемом не более 7–10 слов.
- 6) Аннотация на русском языке. Аннотация должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной, компактной (укладываться в объем от 100 до 250 слов).
- 7) Пункты 3–6 на английском языке.

(Обращаем Ваше внимание, что программный перевод не всегда корректно переводит отдельные предложения, в связи с этим редакция журнала настоятельно рекомендует обращаться к специалисту).

- 8) Текст статьи (**не менее 8 страниц без списка литературы**).
- 9) Рисунки и графики должны иметь четкое изображение. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее **300 dpi**. Диаграммы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность внести в них правки. Если работа содержит примеры на старославянском языке или языках народов, то отправить соответствующие символы.

10) **Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018, и на английском языке, оформленный в соответствии с нижеуказанными правилами (в том числе не менее 2 иностранных источников на иностранном языке).**

Библиографические ссылки на *пристатейный список литературы* должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц. Например: [1, с. 15].

Пристатейный список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.100–2018 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется *в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией*. References помещается после списка литературы на кириллице.

REFERENCES должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

1. Zagurenko A. G., Korotovskikh V. A., Kolesnikov A. A., Timonov A. V., Kardymon D. V. Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing. *Neftyanoe khozyaistvo = Oil Industry*, 2008, no. 11, pp. 54–57. (In Russian).

2. Lindorf L. S., Mamikoniants L. G., eds. *Ekspluatatsiia turbogeneratorov s neposredstvennym okhlazhdeniem* [Operation of turbine generators with direct cooling]. Moscow, Energiia Publ., 1972. 352 p.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://translit-online.ru/>.

11) Сведения об авторах заполняются на русском и английском языке в соответствии с Приложением 2.

Шифр специальности: 5.7.7.

УДК 343.9.01

АНАТОЛИЙ КОНИ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

И.И. Иванов¹, П.П. Петров²

¹ Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир, Российская Федерация

² Армавирский лингвистический социальный институт,
г. Армавир, Российская Федерация

Аннотация. Дипломная работа студента юридического факультета Московского университета А.Ф. Кони «О праве необходимой обороны» была написана в 1865 г. Исследование А.Ф. Кони считается одним из первых историко-правовых и догматических изложений учения о праве необходимой обороны в русской юриспруденции. В нем он остановился на проблемах теории права необходимой обороны; дал критический анализ имеющихся трудов по этому вопросу; проанализировал различные аспекты действующего законодательства по проблеме необходимой обороны. До сих пор данная работа представляет научный интерес в изучении такого важного понятия уголовного права, как институт необходимой обороны. В статье раскрываются некоторые взгляды выдающегося юриста на общие правовые основания необходимой обороны.

Ключевые слова: право человека на необходимую оборону, условия права необходимой обороны, границы необходимой обороны, превышение ее пределов.

ANATOLY KONI ON THE LEGAL FOUNDATIONS OF NECESSARY DEFENCE

Ivan I. Ivanov¹, Petr P. Petrov²

¹ Armavir State Pedagogical University, Armavir, The Russian Federation

² Armavir Lingvistic Social Institute, Armavir, The Russian Federation

Abstract. The earliest work of A.F. Koni "On the right of self-defense" was written for a candidate degree at the Faculty of Moscow University in 1865, A.F. Koni's research is one of the first historical and legal expositions of the doctrine on the right of self-defense in Russian law. In it he focused on the problems of self-defense theory of law; gave a critical analysis of previous works on the subject; analyzed the various aspects of the current legislation on the issue

of self-defence. Therefore, the work of graduate student A.F. Kony is still an interesting scientific study that represents such important concepts of criminal law as an institution of self-defense. The paper describes some of the views of the outstanding jurist to the general legal basis of self-defense.

Keywords: *human right to self-defence, self-defense right conditions, the boundaries of self-defence, exceed the limit on self-defence.*

ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст [1, с. 16], Текст [2, с. 16], Текст [3, с. 16].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тенишев, В. В. Правосудие в русском крестьянском быту / В. В. Тенишев. – Брянск : Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. – 192 с. – Текст : непосредственный.
2. Карцев, Е. Наше сельское правосудие / Е. Карцев. – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1882. – № 2. – С. 755–774.
3. Фрэнк, С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 / С. Фрэнк. – URL: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html (дата обращения: 15.01.2024). – Текст : электронный.
4. Benson B. L. Customary Law / B. L. Benson // Encyclopedia of Law and Economics. – 2014. – June 21. – P. 1–10.

REFERENCES

1. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasants' Lives]. Bryansk, L.I. Itin i Ko Publ., 1907. 192 p. (In Russian).
2. Kartsev E. Our peasants' justice. *Vestnik Evropy = European Bulletin*, 1882, no. 2, pp. 755–774. (In Russian).
3. Frenk S. *Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva. 1870–1900* [People's justice, community and culture of Russian peasants. 1870–1900]. URL: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. (In Russian).
4. Benson B. L. Customary Law. *Encyclopedia of Law and Economics*, 2014, June 21, pp. 1–10.

ЗАЯВКА НА ОПУБЛИКОВАНИЕ СТАТЬИ

Я, _____

Иванов Иван Иванович – начальник управления научно-исследовательской деятельностью Армавирского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Армавир, Российская Федерация; e-mail: ivanov@inbox.ru, тел.: 8-900-123-45-67,

Ivanov Ivan Ivanovich – scientific research department director, Armavir State Pedagogical University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Armavir, Russian Federation; e-mail: ivanov@inbox.ru, tel.: 8-900-123-45-67,

сообщаю, что представленная статья не публиковалась ранее в других изданиях в ее нынешней или близкой по содержанию форме и не находится на рассмотрении в редакциях других изданий. Все возможные конфликты интересов, связанные с авторскими правами и опубликованием рассматриваемых статей, урегулированы.

Публикация статьи не нарушает ни одно из существующих авторских прав и гарантирует издателю возмещение убытков в случае выявления подобных нарушений. Для распространения материалов издателю передается исключительное право собственности на рукопись, если не предусмотрено иное.

Предоставляю издателю неисключительное право на:

- редактирование статьи, не изменяющее ее принципиальных положений;
- использование произведения через продажу журнала и распространение его по подписке;
- размещение полнотекстовой версии произведения в открытом доступе на сайте журнала, Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), в иных базах данных научной информации, электронно-библиотечных системах, научных информационных ресурсах в сети Интернет;
- использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотация, библиографические материалы и пр.) с целью их включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации в других базах цитирования.

Предоставляю Издательству свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Издатель имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

Настоящим гарантирую Издательству, что я являюсь автором произведения и что на момент направления настоящей статьи в Издательство все интеллектуальные права на произведение принадлежат мне, не находятся в залоге, не состоят под арестом и не обременены правами третьих лиц каким-либо иным образом.

Настоящим даю свое согласие на внесение в Произведение, по усмотрению Издательства, изменений, сокращений, дополнений, на снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями, при условии, что такие изменения, сокращения, дополнения, иллюстрации, предисловия, послесловия, пояснения и / или комментарии не извращают и не искажают смысл Произведения или какой-либо его части.

Я гарантирую, что в представленной мною статье «_____» (название статьи) отсутствуют нарушения публикационной этики журнала.

Оплату публикационного взноса гарантирую. С условиями публикации согласен(а).

Автор: _____
(подпись) (фамилия и инициалы)

« » _____ 20__ г.

Научное издание

**ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

№ 1 2026

Журнал входит в перечень ВАК

Редакционно-издательский отдел
Начальник отдела: А.О. Белоусова
Компьютерная верстка: Е.С. Фольк
Печать и послепечатная обработка: И.С. Носов

Дата выхода в свет: 30.03.2026. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 27,44. Уч.-изд. л. 14,95. Тираж 300 экз.
Заказ № 4/26. *Цена свободная.*

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе
ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»
Адрес: 352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35
☎ 8(86137)32739, e-mail: rio@agpu.net, сайт: rits.agpu.net

Издатель: ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»
Адрес издателя:
352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35
☎ 8(86137)32739, e-mail: rio@agpu.net, сайт: rits.agpu.net

Адрес редакции: 352901, г. Армавир, ул. Р. Люксембург, 159, ауд. 4